

УДК 32
ББК 66.4(0)
В 38

ФГБОУ ВПО "Пятигорский государственный лингвистический университет"
Институт международных отношений ПГЛУ
Институт стратегических исследований ПГЛУ
Российская ассоциация политической науки
Ставропольское отделение РАПН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

В.Н. Панин, д. полит. н., профессор (Россия, г. Пятигорск)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Г.В. Косов, д. полит. н., профессор (Россия, г. Пятигорск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.И. Билалов, д. филос. н., профессор (Россия, г. Махачкала)
Б.А. Бичеев, д. филос. н., профессор (Россия, г. Элиста)
А.А. Вартумян, д. полит. н., профессор (Россия, г. Пятигорск)
С.И. Грачев, д. полит. н., профессор (Россия, г. Нижний Новгород)
В.В. Дегоев, д. ист. н., профессор (Россия, г. Москва)
З.А. Жаде, д. полит. н., профессор (Россия, г. Майкоп)
Т.Б. Калиев, PhD, профессор (Казахстан, г. Астана)
А.М. Кумыков, д. филос. н., профессор (Россия, г. Нальчик)
Б.Г. Койбаев, д. полит. н., профессор (Россия, г. Владикавказ)
Лю Сяоянь, д. филол. н. (Китайская Народная Республика, г. Пекин)
А.К. Магомедов, д. полит. н., профессор (Россия, г. Ульяновск)
Е.В. Морозова, д. филос. н., профессор (Россия, г. Краснодар)
С.А. Панкратов, д. полит. н., профессор (Россия, г. Волгоград)
Е.Е. Рябцева, д. полит. н., профессор (Россия, г. Севастополь)
М.Д. Розин, д. филос. н., профессор (Россия, г. Ростов-на-Дону)
И.М. Сампиев, д. полит. н., профессор (Россия, г. Назрань)
Р.Х. Усманов, д. полит. н., профессор (Россия, г. Астрахань)
М.М. Шульга, д. соц. н., профессор (Россия, г. Ставрополь)
Ю.А. Харламова, д. полит. н., профессор (Россия, г. Москва)
Ф.И. Храмцова, д. полит. н., профессор (Республика Беларусь, г. Минск)
В.Р. Чагилов, д. полит. н., профессор (Россия, г. Невинномысск)
В.С. Ягья, д. ист. н., профессор (Россия, г. Санкт-Петербург)

В 38 **Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ [Текст]** : сборник научных трудов / ред. колл.: Панин В.Н., гл. ред.; Косов Г.В., зам. глав. ред. и др. – Выпуск V: *К 10-летию Института международных отношений ПГЛУ.* – Ставрополь : Ставролит, 2016. – 80 с.

ISBN 978-5-903998-48-7

УДК 32
ББК 66.4(0)

В сборнике представлены научные статьи, прогнозы по актуальным проблемам глобального, национального, регионального и локального социально-политического, экономического развития. Содержатся аналитические и статистические материалы, рефераты, переводы, позволяющие современным исследователям, аналитикам, работникам государственной власти, муниципалитетов, СМИ, представителям структур гражданского общества ориентироваться в современных трендах общественного и политического развития.

© Коллектив авторов, 2016
© Институт стратегических исследований ПГЛУ, 2016
© Издательство "Ставролит", 2016

ISBN 978-5-903998-48-7

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Панин В.Н., Косов Г.В. Мировой порядок в XXI веке -----	4
Сучков М.А. Влияние "арабской весны" на большой Кавказ -----	10
Гукасов А.В. Современная внешняя политика США в отношении Ирана -----	11
Rapin V. The North Caucasus in the system of national security of Russia -----	13
Миргород Д.А. Перспективы становления новой системы безопасности на Кавказе в контексте национально- государственных интересов РФ в регионе -----	16
Хасанов Р.Ш., Галкина Е.В. Парадигмальные основы внешней политики современной Турции -----	17
Карабущенко П.Л. "Восточная политика" современной России: реальность и перспективы -----	18
Жильцов С.С. Каспийский регион: новый этап развития трубопроводной архитектуры -----	20
Усманов Р.Х., Гамидов С.С.-О. Внешняя политика современного Азербайджана: энергетическая составляющая -----	26
Потапов В.А. Всемирный совет церквей как субъект современной мировой политики -----	31
Ширяев В.А. Исламизация как фактор социально- политического процесса Европейского союза -----	33
Евтюшин К.А. Геополитические термины и понятия китайских стратегических документов ---	35

СОЦИОЛОГИЯ

Шульга М.М. Угрозы терроризма на Северном Кавказе: динамика общественного мнения -----	40

ПОЛИТОЛОГИЯ

Акопянц А.К. Социальные группы в контексте политических процессов -----	45
Ануфриенко С.В. Конструирование образа Северного Кавказа российскими печатными средствами массовой информации в контексте борьбы с терроризмом -----	49
Станкевич Г.В. Система государственного финансового контроля: сравнительный анализ российского и французского опыта -----	52
Бессмертная О.П. Актуализация рисков развития социума в социально-гуманитарном знании -----	54
Федотенкова О.В. Генезис понятия "нигилизм" и его коннотации -----	56
Волков М.А. Феномен правосознания: взаимодействие социокультурной и социально-политической сфер современного общества -----	58
Коломак А.И. Феномен свободы: духовные истоки и функционирование в условиях трансформации глобального социально-политического пространства -----	60
Демченко Д.А. Терроризм как реинкарнация инструментария по реализации глобальной политической программы радикального исламизма -----	63

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Баласанян Г.А. Армяно-грузинские отношения в 1921–1922 гг. -----	66

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЛИТОЛОГИ В ИНСТИТУТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПГЛУ

Ходжатолла Аюби Государство и исполнительское искусство Франции: грезы культурной демократии -----	70

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

В.Н. Панин, доктор политических наук, профессор, директор Института международных отношений ПГЛУ, директор Института стратегических исследований ПГЛУ

Г.В. Косов, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой политики, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований ПГЛУ

Распад биполярной системы международных отношений породил такое количество проблем, что ни одно государство или группа стран не располагают возможностями совладать с ними. Создающаяся новая конфигурация миропорядка, аккумулирующая в себе взаимозависимость и глобализацию, не имеет на сегодня жестких параметров и поэтому может приобрести различные формы. Известный дипломат и политолог Г. Киссинджер подчеркивает, что "никогда еще в истории международных отношений составляющие компоненты мирового порядка, цели международных отношений не менялись так глубоко, с такой скоростью и так глобально" [1]. Об этом же говорит и другой американский политолог С. Хорман: "Сегодня мы живем в абсолютно не предсказуемом мире. Очень сложно дать ему определение" [2].

В современной политической науке создано значительное количество моделей развития мира в XXI веке. Вполне очевидно, что ни одна, даже самая лучшая теория не в состоянии дать полного объяснения всему происходящему в той или иной области бытия. В своей работе "Структура научных революций" Т. Кун вполне справедливо подмечает: "Чтобы быть признанной в качестве парадигмы, теория должна выглядеть лучше конкурирующих концепций, но ей нет необходимости, и в принципе этого никогда не происходит, давать объяснение всем фактам, с которыми она соотносится" [3].

В каждой из моделей возможного миропорядка XXI века, несмотря на всю их противоречивость и очевидные слабые места, присутствуют и рациональные зерна, которые следует учитывать при анализе современной динамики развития международных отношений. В связи с этим представляется необходимым хотя бы кратко рассмотреть наиболее существенные из выдвигаемых моделей. К ним, на наш взгляд, можно отнести следующие: трехблочная геоэкономическая модель [4]; многополярная геополитическая модель [5]; модель "столкновения цивилизаций" [6]; геополитическая модель однополярного мира [7]; модель "зоны мира" против "зоны беспорядка" [8]; видоизмененная модель биполярного мира [9]; трехуровневая модель многополярного мира [10].

"Трехблочная геоэкономическая модель" получила свое развитие в начале 90-х годов. Ее особенностью является то, что в качестве основного детерминанта развития государства рассматривается геоэкономика и основным инструментом воздействия на международной арене начинают выступать экономические рычаги влияния, а не военные. Сторонники геоэкономической модели выдвигают идею о том, что мировое сообщество состоит из трех геоэкономических блоков:

– Азиатско-Тихоокеанский блок, включая Южную Корею, страны Юго-Восточной Азии, а также Китай. Лидирующую позицию здесь, с их точки зрения, занимает Япония.

– Экономический блок Западного полушария во главе с США, основу которого составляют страны НАФТА при потенциальном включении Латиноамериканского региона.

– Европейский блок при лидирующей роли Германии, включая Россию, другие республики бывшего СССР, а также, возможно, Северную Африку [11].

При этом такие менее развитые регионы, как Африка и Южная Азия, не говоря уж о Ближнем Востоке, рассматриваются как неокOLONиальные ресурсно-сырьевые зоны – арена соперничества трех ведущих геоэкономических блоков. Сторонники этой модели понижают значение глобальной взаимозависимости, интернационализации промышленности, свободного обращения инвестиционных потоков, продукции и т.д. Другими словами, авторы данной концепции ведущую роль в организации экономических отношений отводят государству и, более того, жесткому межгосударственному соперничеству. Так, Л. Тароу напрямую заявляет: "В равной гонке за экономическое лидерство, рано или поздно один из трех геоэкономических блоков выйдет в лидеры. И та страна или регион, который вырвется вперед, будет доминировать в XXI веке, в том смысле как Великобритания доминировала в XIX столетии, а США в XX." [12].

Геоэкономическая модель страдает рядом существенных недостатков и слабых мест. Во-первых, учитывая быстро растущую мощь и экономический потенциал Южной Кореи, выглядит довольно спорно, что это государство будет безропотно находиться в сфере влияния Японии. Во-вторых, от ближневосточных энергетических ресурсов находятся в зависимости не только США, но и Европа и азиатские страны. В-третьих, маловероятно, что европейские государства так безоговорочно согласятся на экономическое лидерство

Германии. И, пожалуй, самое главное, данная теория абсолютно не учитывает возрастающую мощь Китая. По прогнозам МБРР, к 20-м годам XXI столетия ВВП Китая будет составлять 20.004 млрд долларов, если сохранятся ныне существующие темпы его развития, в то время как ВВП США будет только 13.470 млрд долларов [13].

Идею блоковой системы международных отношений разделяют и теоретики "многополярного геополитического баланса сил". С их точки зрения, вопросы обеспечения безопасности, национальных интересов остаются краеугольными камнями мировой системы международных отношений. И с окончанием "холодной войны" мировая система неизбежно возвратится к ее многополюсному состоянию, существовавшему с Версальского мирного договора до начала bipolarной эры.

Одни сторонники этой модели выделяют четыре государства, которые будут претендовать на роль мировых центров силы в XXI веке. Это: США, Китай, Объединенная Европа и Россия. В своем анализе будущей расстановки сил в мире авторитетный журнал "Экономист" отмечает, что США придется биться за сохранение своей лидирующей роли, Объединенной Европе необходимо приложить немало усилий по своей консолидации, наиболее пессимистичны шансы у России, и не вызывает сомнений Китай, который по мере наращивания своей экономической мощи может стать военной супердержавой [14].

Генри Киссинджер считает, что международная система в XXI веке будет состоять из шести наиболее мощных государств: США, Объединенная Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия [15]. С его точки зрения, США останутся первыми, но среди равных великих и могущественных государств. Киссинджер подчеркивает, что отсутствие идеологических и военных угроз позволит государствам проводить свою внешнюю политику, основанную непосредственным образом на своих национальных интересах [16].

Данная концепция подвержена также значительной критике. Так, Джозеф Най Младший видит в ней "фальшивую аналогию" с международной системой XIX века, которая основывалась на балансе сил между приблизительно равными по мощи странами: Великобританией, Францией, Германией, Австро-Венгрией и Россией. Российская экономическая слабость, статус развивающегося государства Китая, ограниченная военная мощь Японии и отсутствие тесного политического единства в Европе не дают полного права Киссинджеру для проведения подобной исторической аналогии [17].

Другой авторитетный политолог Ричард Розекранц ставит под сомнение эффективность традиционного баланса сил в современную эпоху – эпоху ядерного оружия, которое является одним из основных регулирующих механизмов управления международными отношениями [18]. Наибольшая опасность, с его точки

зрения, исходит не из Китая, а от возможного роста агрессивного японского национализма [19].

Попытки выстраивания линейной системы международного порядка, базирующегося на традиционном балансе силы, не учитывают такие очевидные феномены современной реальности, как глобализация, интернационализация и демократизация международных отношений, а следовательно, не в состоянии дать объективного объяснения многим процессам, происходящим в мире, и, в первую очередь, ими существенно принижается значение т.н. "актеров вне суверенитета" в современной международной системе.

Другая модель формирующейся системы международных отношений во главу угла ставит цивилизационные отличия и возможности в связи с этим столкновения цивилизаций. Ее автор – Самуэль Хантингтон утверждает, что в мире после окончания "холодной войны" наиболее важные отличия между людьми не являются идеологическими, политическими или экономическими. Они – культурные. Поэтому доминирующим источником конфликта будет культура. Государства останутся главными участниками международных отношений, но принципиальные конфликты в мировой политике произойдут между группами, представляющими различные цивилизации. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Линии соприкосновения между цивилизациями станут линиями фронтов в будущем [20].

Хантингтон определяет цивилизацию как "наивысшее культурное объединение и самый широкий уровень культурной идентичности людей, что отличает их друг от друга" [21]. Он выделяет восемь основных ныне существующих цивилизаций: конфуцианскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и (возможно) африканскую [22].

Несмотря на всю привлекательность, цивилизационный подход страдает упрощенностью и декларативностью выдвигаемых положений. Так, не дается объяснения, почему лояльность в отношениях после окончания "холодной войны" внезапно сменяется с уровня межгосударственных отношений до межцивилизационных и почему это неизбежно должно приводить к цивилизационному конфликту? Культурные отличия, без сомнения, играют определенную роль, но их главная политическая реализация продолжает выражаться в форме национализма. Вызывает большой скепсис заявление Хантингтона, что в мире, впервые после окончания "холодной войны", мировая политика стала многополярной и многоцивилизационной.

Данная теория не дает ответов на такие принципиальные вопросы, как: почему цивилизационная принадлежность стала сильнее, чем национальная? Почему культура и этничность не концентрируются больше на государстве? Почему примат национальных интересов государства заменяется цивилизационной при-

надлежностью в государственной политике? Почему конфликты более вероятны между цивилизациями, а не внутри них? Почему человеческая идентификация перестала соотноситься не с государством, а с цивилизацией? Практика показывает, что не цивилизационная принадлежность, а национализм стал отличительной чертой в мировой политике после окончания "холодной войны".

Пока главными акторами мирового политического процесса остаются государства, природа международных конфликтов будет оставаться лежать в основном в плоскости национальных государственных интересов, а не цивилизационных, и конфликты, в свою очередь, будут происходить не между цивилизациями, а между государствами, либо внутри государств между центральной властью и перифериями, стремящимися к сессии или ирредентизму. Причем политическая практика с момента окончания "холодной войны" подтверждает справедливость именно данного тезиса.

Четвертая модель системы международных отношений получила свое наибольшее развитие в США. Впервые она была предложена американским политологом Чарльзом Краутхаммером еще в 1990 году [23]. В своей статье "Однополярный момент" он заявил, что наиболее очевидной чертой мира после окончания "холодной войны" является его однополярность. Идею американской гегемонии пытался обосновать в своей теории "Длинных циклов" Джордж Модельски [24]. Исследуя проблему мирового лидерства после эпохи Возрождения, он выявляет 5 длинных циклов, приблизительно по веку каждая:

- 1494–1580: ведущая держава – Португалия
- 1580–1688: ведущая держава – Голландия
- 1688–1792: ведущая держава – Великобритания
- 1792–1914: ведущая держава – Великобритания
- 1914–1973 (и после): ведущая держава – США

Принципиальные изъяны данной модели вполне очевидны. Действие всегда вызывает противодействие. Поэтому многие мировые державы, и в первую очередь Китай, Россия и Индия, совокупная национальная мощь которых (включая ядерный потенциал, территорию, население и пр.) явно недооценивается сторонниками однополярности, никогда не согласятся с ролью третьесортных послушных статистов в американском концерте.

Не отрицая особого места и того объема ресурсов, которыми в современном мире обладают США, нельзя не заметить, что их явно недостаточно для установления мировой гегемонии, независимо от других мировых держав (то есть обладающих крупными и сравнимыми между собой потенциалами и совокупными ресурсами, при этом в каждом отдельном случае значительно превосходящими ресурсы других отдельных стран).

Более того, модель однополярности напрямую противоречит многим очевидным долгосрочным тенден-

циям современного мирового развития, в первую очередь, интернационализации, демократизации и глобализации, которые самым непосредственным образом определяют коренную глобальную трансформацию всей системы международных отношений.

Поскольку биполярная система предопределялась противостоянием по вектору "Восток – Запад", рядом ученых выдвигается тезис о том, что с распадом СССР и окончанием "холодной войны" мировое противостояние начинает выстраиваться по вектору "Север – Юг". Иными словами, мировая система сохраняет свою биполярную конфигурацию, коренным образом меняя при этом природу полярности. В рамках данной концепции выдвигается идея о том, что в качестве новых полюсов будут выступать, с одной стороны, индустриально-развитые демократически стабильные государства Севера в составе Западной Европы, США, Канады и Японии, так называемая "зона мира, богатства и демократии", составляющие "золотой миллиард"; с другой стороны, в качестве полюса выступают развивающиеся индустриально отсталые, политически нестабильные режимы Юга, включая ряд государств бывшего СССР и большинства регионов Азии, Африки и Латинской Америки, которые и составляют, по определению М. Зингера и А. Вилдавски, "зону беспорядка, войн и насилия" [25].

Центральная идея данной модели состоит в том, что политические отношения между странами, входящими в зону "мира и демократии", не будут предопределяться факторами военной мощи, поэтому государства не будут создавать военные блоки в противостоянии друг другу по принципу поддержания баланса силы. В рамках данного подхода допускается наличие различных конфликтов в отношениях между ними, однако они не будут приводить к войнам, поскольку современные демократии имеют другие, более эффективные механизмы урегулирования противоречий и конфликтов в отношениях между собой, нежели военные средства.

Сторонники данной модели, однако, упускают из виду, что благополучие и стабильность развития "зоны мира" обеспечивается за счет нещадной эксплуатации ресурсно-сырьевой, демографической, экологической и др. баз "зоны беспорядка", поскольку 15% населения Земли контролируют 80% ее природных богатств. В другую очередь, создание единых мировых валютно-финансовых, энергетических, информационных, торговых и др. рынков исключает возможность самодостаточного стабильного изолированного поступательного развития и функционирования "зоны мира". Одновременно в т.н. "зоне беспорядка" существуют "оазисы благополучия и процветания", например, Бруней, Саудовская Аравия, Кувейт, Тайвань, которые вполне сопоставимы с "зоной мира" и даже превышают уровень жизни в ней.

Другие сторонники биполярной конфигурации международной системы полагают, что окончание "холодной войны" не внесло принципиальных измене-

ний в саму природу международных отношений. С их точки зрения, с начала 90-х годов начинает происходить только лишь реконфигурация биполярности.

На этот счет выдвигаются различные варианты. Так, С. Хантингтон обосновывает возможность американо-японского противостояния [26]. Р. Бернштейн, Р. Манро и ряд других ученых считают, что XXI век – это век противостояния США и Китая [27]. А. Яковлев предлагает создать антиамериканский полюс в составе Китая и России. С его точки зрения, восстановление силового баланса и есть главная стратегическая задача России и Китая [28]. Делаются также различные попытки реанимировать биполярное блоковое противостояние, например, Российско-Китайский блок против Американо-Европейского, либо Азиатский блок против Американо-Европейско-Российского [29]. К сожалению, авторы данных моделей не указывают, что должно выступать в качестве долговременного синтезирующего начала при объединении в эти полюса, и это нечто, следовательно, должно играть более существенную роль при формировании внешней политики, нежели национальные интересы.

Последняя из заслуживающих, на наш взгляд, внимания моделей развития международных отношений получила свое название как "глобальная деревня" [30]. Ее авторы полагают, что наиболее существенными регуляторами международных отношений в XXI веке будут телекоммуникационные и компьютерно-информационные сети. По мере распространения четвертой технологической революции все большее количество стран будут входить в постиндустриальную фазу своего развития. Уже в настоящее время глобальная сеть Интернет охватила весь мир. Более того, нарастание таких глобальных угроз, как загрязнение окружающей среды, нехватка питьевой воды, глобальные изменения климата, рост численности населения и т.д., вынудит всех участников международных отношений к созданию всепланетарной структуры управления кризисными ситуациями на первых порах в этих областях. Опыт по созданию коллективной системы безопасности в мире человечество начало нарабатывать уже в XX столетии.

При этом, если одни сторонники данной модели приоритет в создании "мирового правительства" отводят государствам, то другие пальму первенства в этом процессе отдают таким "актерам вне суверенитета", как транснациональные корпорации, уже сегодня обладающие экономической мощью, сопоставимой в некоторых случаях со многими государствами.

Несмотря на некоторую футурологичность данного подхода, рациональные зерна в нем, на наш взгляд, имеются. Реалии сегодняшнего дня показывают, что уже созрела необходимость создания всепланетарных структур антикризисного управления. Однако, несмотря на радужность подобных деклараций, представляется крайне маловероятным практическое создание нечто подобного "мировому правительству" в

краткосрочной или даже в среднесрочной перспективе. Пока разрыв в уровнях модернизации государств, благосостояния населения и т.д. будет столь впечатляющим, создание подобных сценариев, на наш взгляд, – это удел скорее футурологов, чем ученых. Однако в XXII и последующих веках подобная модель будет иметь все основания на существование.

Обобщение вышеприведенного анализа основных теоретических моделей конфигурации мирового порядка в XXI веке позволяет прийти к выводу о том, что несмотря на разнообразие основ, предлагаемых в качестве регуляторов международных отношений, все они страдают рядом общих недостатков: во-первых, ими делается основной упор только лишь на один из возможных регуляторов международных отношений: в одних случаях это государство либо государственное объединение, в других случаях это различные "актеры вне суверенитета".

Во-вторых, все они страдают консервативностью в отношении самой природы мирового политического процесса и отвергают ее качественную трансформацию.

В-третьих, ими не в полной мере учитывается увеличение глобальных проблем человечества и их возрастающее влияние на международную систему, в частности появление мирового террористического интернационала.

И, самое главное, все они одномерны по своей природе. Мы же полагаем, что в последнее десятилетие XX века началось, по сути дела, беспрецедентное расширение сферы многомерности, сопряженной с глобализацией (в информационном, экономическом, миркультурном, мирполитическом и иных измерениях), и создаются предпосылки для того, чтобы многомерность превратилась в решающую историческую силу. Другими словами, происходит качественное изменение самой природы международных отношений.

С позиции многомерности по-новому раскрывается сущность тех глубоких качественных изменений, которые претерпевает человеческое сообщество на рубеже тысячелетий. Традиционно в нем преобладал одномерный порядок с присущими ему закономерностями и тенденциями, антагонизмами и поляризацией различных общественных элементов и структур. Понятие многомерного мира востребовано для того, чтобы обозначить качественно новый уровень действительности, который, по мнению В.Л. Алтухова, только еще начинает осваивать современная наука [31].

Концепция многомерности исходит из того, что мир разнообразен не только в своих бесконечных проявлениях, но и в своих фундаментальных основах: наблюдаемое разнообразие далеко не всегда следует из какого-то общего начала или обусловлено деятельностью какого-то центра и т.п.; на определенных уровнях организации мира оно связано с разнообразием внутренним, сущностным, субстанциональным, с разнообразием принципов, особым образом сопряжен-

ных друг с другом. Определяющие свойства, характеристики многомерного объекта не сосредоточены в некоем всеобъемлющем центре, а рассредоточены по измерениям (уровням), которые нельзя вывести одно из другого или свести к чему-то одному. Поэтому в многоуровневой системе могут функционировать несколько уровней со своими перифериями (полицентричные системы). Она может характеризоваться наличием специфических несмешивающихся слоев (своеобразная модель многослойного пирога).

Одним из первых, выдвинувших идею многоуровневого миропорядка, был Джозеф Най Младший [32]. Он выстраивает свою систему международных отношений на трех уровнях: военном – однополярном (США); экономическом – трехполюсном (ЕС, НАФТА, АТЭС) и геополитическом – многополюсном. Вполне можно согласиться с его тезисом о том, что "власть становится измеряемой по многим параметрам, структуры усложняются, сами государства – более проницаемы" [33]. Это означает, что миропорядок должен быть основан не только на традиционном балансе военной силы.

Вслед за Дж. Наем мы также считаем, что идея нового миропорядка не должна быть основана только лишь на концепции баланса силы "реалистов", как в равной степени и на приоритете общечеловеческих ценностей "либералов" либо культурологических ценностях "конструктивистов". Иными словами, ни одна одномерная система уже не в состоянии дать полного ответа на то, что собой представляет современный мир с учетом влияния на него таких общепризнанных явлений, как глобализация, демократизация и интернационализация международных отношений.

Поэтому, на наш взгляд, складывающаяся система международных отношений является многоуровневой, состоящей из шести уровней: информационного, военно-стратегического, геоэкономического, геополитического, энергоресурсного и цивилизационного.

Значение информации и обеспечение оперативного доступа к ней в политической борьбе всегда были бесценными и решающими, будь то внутри государства или в международной области. Современное мировое сообщество в своей жизнедеятельности находится в непосредственной зависимости от информационной системы. Оно переживает процесс лавинообразного повсеместного внедрения новейших информационных, телекоммуникационных и кибернетических технологий. Наряду с этим, быстрое распространение локальных и глобальных сетей создает принципиально новое качество трансграничного информационного обмена. Все это самым непосредственным образом влияет на международные отношения. Формирование единого мирового информационного пространства превращается в глобальный фактор развития, определяет основные направления общественного прогресса, а сама информация становится важнейшим стратегическим ресурсом, за контроль над

которым разворачивается ожесточенная борьба. В связи с этим тезис "кто контролирует информацию, тот правит миром" получает в настоящее время свое практическое подтверждение.

Пока государства остаются главными участниками международных отношений, фактор военной силы будет продолжать оставаться одним из важнейших инструментов внешней политики. Поэтому следующим уровнем миропорядка, на наш взгляд, является военно-стратегический. После распада Советского Союза и Организации Варшавского Договора осталась только лишь одна военная супердержава – Соединенные Штаты Америки и ведомый ими блок НАТО. Анализ их действий: бомбардировки Югославии и Ливии, военная акция против Ирака, продвижение НАТО на Восток, развертывание системы противоракетной обороны не оставляют сомнений в том, что в настоящее время ими предпринимаются попытки реанимировать "политику силы", что неизбежно подорвет ныне существующую систему современного международного права, иными словами, осуществляется попытка построения модели "Pax Americana".

Следующий уровень международного порядка лежит в экономической области, поскольку именно экономика в первую очередь определяет уровень модернизации государства и в конечном итоге степень благосостояния всего общества, в том числе и каждого отдельно взятого человека. Мы согласны с той точкой зрения, что в настоящее время существует три наиболее мощных геоэкономических блока: ЕС, страны АТЭС и НАФТА. В среднесрочной перспективе вполне вероятно появление и четвертого центра – страны БРИКС.

Пока государства остаются главными участниками международных отношений, геополитический уровень будет оставаться одним из наиболее значимых. В этом смысле в мире в XXI веке будет существовать четыре основных геополитических центра силы или, по терминологии З. Бжезинского, "активных геостратегических действующих лиц", которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ [34]. Таковыми являются США, Объединенная Европа, Китай и Россия. Специфика геополитического положения, обособленности и замкнутости цивилизационного формирования; зависимость от внешних энергоресурсов в одном случае и неразвитость системы государственного управления в другом случае будут препятствовать и Японии, и Индии выступить в роли подобных центров силы, хотя их геополитическую значимость ни в коем случае не следует принижать.

В условиях неуклонного роста промышленности по всему миру, а следовательно, резкого увеличения энергопотребления, а также учитывая тот факт, что энергоресурсы планеты не безграничны и сосредоточены неравномерно, проблема контроля их добычи, транспортировки и потребления из чисто экономичес-

кой давно уже перешла и в политическую плоскость. Мировая практика показывает, что в XXI веке эта проблема получит свою дальнейшую актуализацию. Более того, мы полагаем, что тот, кто будет контролировать энергоресурсы, тот будет играть одну из определяющих ролей на всем геополитическом пространстве планеты. Именно за энергоресурсы уже сегодня разворачивается острое соперничество.

Поэтому следующим уровнем миропорядка в XXI веке является энергоресурсный, который во многом будет определять расстановку "игроков" на мировой арене. Здесь, на наш взгляд, складывается пять основных центров: Ближний Восток, Каспийский регион, Арктика, Россия, Северная Европа и Латинская Америка. Если последние три в целом уже распределены по сферам влияния, то борьба за ближневосточную и каспийскую нефть и газ, а также углеводородные ресурсы Арктики в XXI веке развернется с новой силой. Не случайно в начале 70-х годов США объявили Ближний Восток и в конце 80-х Кавказ и Каспийский регион зоной своих жизненно важных интересов. По этой же причине в конце 90-х Китай объявил о начале строительства своего океанского военно-морского флота с целью осуществления контроля, в первую очередь за энергоресурсными транспортными коммуникациями.

Последним уровнем является цивилизационный. События двух последних десятилетий всколыхнули огромное число людей. Большая часть населения планеты, разувшись в поисках надежды на лучшее, пытается найти отдушину в своей сопричастности к той или иной цивилизации.

Справедливости ради, следует отметить, что цивилизации не играют такой определяющей роли в международных отношениях, какую отводит им С. Хантингтон и его сторонники. Более того, монолитность некоторых цивилизаций в условиях глобализации подвергается серьезному экзамену на прочность. Вместе с тем, с нашей точки зрения, было бы абсолютно некорректно утверждать, что цивилизационная принадлежность не играет никакой роли в мировой политике. По крайней мере, цивилизационная сопричастность электората вынуждена учитываться политическими элитами при выработке внешнеполитических курсов, если те хотят удержаться у власти. А это немаловажно. Вследствие этого, отчасти разделяя позиции Н. Кодратьева, А. Тойнби, С. Хантингтона и ряда других ученых, последний уровень многомерного полиполярного миропорядка мы определяем как цивилизационный.

Примечание:

1. Kissinger H. How to Achieve the New World Order // Time, March 14, 1994. – P. 73.
2. Цит. по Atlas J. Name That Era: Pinpointing a Moment on the Map of History // The New York Times, March 19, 1995. – P. E. I.
3. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. – P.17.
4. См. Rosecrance, Richard. The Rise of the Trading State. N.Y.: Basic Books, 1986; Mead, Walter Russel. On the Road to Ruin. Harper's. March, 1990; Garten, Jeffrey. A Cold Peace. N.Y.: Times Books, 1992; Luttwak, Edward. The Endangered American Dream. N.Y.: Simon and Schuster, 1993; Thurrow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe and America. N.Y.: Morrow, 1993.
5. См. Nye, Joseph Jr. What New World Order? // Foreign Affairs, Spring, 1992; Kissinger, Henry. Diplomacy. N.Y.: Simon and Schuster, 1996; Mazaar, Michael J. Culture and International Relations // The Washington Quarterly. Spring 1996; Galtung, Johan. The Emerging Conflict Formation / Katherine and Majid Tehranian eds. Restructuring for World Peace: On the Thresh-old of the 21 Century. Cresskill N.J.: Hapton Press, 1992.
6. См. Krauthammer, Charles. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, Vol. 70, № 1 (1990 – 1991); Huntington, Samuel S. The U.S. Decline or Renewal? // Foreign Affairs, Winter 1988 – 1989; Rosecrance, Richard. Long Cycle Theory and International Relations // International Organization, Spring 1987; Modolski, George. Long Cycles in World Politics. Seattle, Washington: University of Washington Press, 1985; Goldstein, Joshua. Kondratieff Waves as War Cycles // International Studies Quarterly, December 1985; Thompson, ed. Contending Approaches to World System Analysis. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1983.
7. См. Singer, Max; Wildavsky, Aaron. The Real World Order. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers, 1993; Russel, Bruce. Grasping the Democratic Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993; Small, Melvin; Singer, J. David. The War Proneness of Democratic Regimes // Jerusalem Journal of International Relations. Summer 1976; Kaplan, D. Robert. The Coming Anarchy // Atlantic Monthly, Feb. 1994; Kaplan, D. Robert. The Ends of the Earth. N.Y.: Random House, 1996; Brezezinski, Zbignev. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21 Century. N.Y.: Scribner's, 1993.
8. См. Bernstein, Richard; Munro, Ross H. The Coming Conflict with China. N.Y.: Knopf, 1997.
9. См. Nye, Joseph Jr. What New World Order? // Foreign Affairs, Spring, 1992.
10. См. Rosecrance, Richard. The Rise of the Trading State. N.Y.: Basic Books, 1986.
11. Thurrow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe and America. N.Y.: Morrow, 1993. – P. 76.
12. Thurrow L. Head to Head: The Coming Economic Battle among Japan, Europe and America. N.Y.: Morrow, 1993. – P. 84.
13. The New World Order: Back to the Future // Economist, Jan. 8, 1994. – P. 21-23.
14. The New World Order: Back to the Future // Economist, Jan. 8, 1994. – P. 21 – 23.
15. Kissinger, Henry. Diplomacy. N. Y.: Simon and Schuster, 1994. – P. 80.
16. Kissinger, Henry. Diplomacy. N. Y.: Simon and Schuster, 1994. – C. 246.
17. Nye, Joseph S. Jr. What New World Order? // Foreign Affairs, Spring, 1992. – P.92.
18. См. Rosecrance, Richard. A New Concert of Powers // Foreign Affairs, Spring 1992. – P. 64-82.
19. Там же. – P. 74.
20. См. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – P. 22.
21. Там же. – P. 47.
22. Там же. – P. 45.

23. Krauthammer, Charles. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, Vol. 70, № 1 (1990-1991). – P. 23-33.
24. См. Modelski, George. Long Cycles in World Politics. Seattle, Wash.: University of Wash. Press, 1985. – P. 148.
25. См. Singer, Max and Wildavsky, Aaron. The Real World Order. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers, 1993. – P. 65.
26. Huntington, Samuel P. The US – Decline or Renewal? // Foreign Affairs, Winter 1988-1989. – P. 76-96.
27. См. Bernstein, Richard and Munro, Ross H. The Coming Conflict with China. N.Y.: Knopf, 1997. – P. 94.
28. Яковлев А. Китай в мировой и региональной политике (история и современность). – М., 1999. – С. 30.
29. См. David, Steven R. Explaining Third World Alignment // World Politics, Jan. 1991. – P. 233-256.
30. См. Haas, Ernst. Why Collaborate? Issue Linkage and International Regimes // World Politics, Apr. 1980. P. 358; Barnett, Richard and Cavanagh, John. Global Dreams. N.Y.: Simon and Schuster, 1994; Barber, Benjamin. Jihad vs. McWorld. N.Y.: Times Books, 1995.
31. Алтухов В.Л. Многомерный мир третьего тысячелетия // Мировая экономика и между-народные отношения. – 2000. – № 7. – С. 30.
32. См. Nye Joseph S. What New World Order? // Foreign Affairs. 1992. Spring. – P. 83-96.
33. См. Nye Joseph S. What New World Order? // Foreign Affairs. 1992. Spring. – P. 88.
34. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. – М. : Международные отношения. 1998. – С. 54.

ВЛИЯНИЕ "АРАБСКОЙ ВЕСНЫ" НА БОЛЬШОЙ КАВКАЗ

М.А. Сучков, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ПГЛУ, старший научный сотрудник института стратегических исследований ПГЛУ

"Эффект домино", которого западные державы опасались в Юго-Восточной Азии с 1950–1980-х гг. в связи с растущей популярностью в регионе идей коммунизма, в наибольшей степени проявился спустя несколько десятилетий на Ближнем Востоке. Известно, что события декабря 2010 г. в Тунисе запустили механизм, который "смывал" многолетние авторитарные режимы в одних странах и послужил поводом к политической трансформации в других.

Не успев прийти к выводам относительно природы "революций" после окончания их "первой волны", регион вступил в новую стадию хаоса, называть который "управляемым" не представляется возможным. На первом этапе параллели проводились с событиями в Восточной Европе в конце 1980-х гг. Тем не менее, очевидные различия между этими феноменами говорят, скорее, об эмоциональном восприятии, чем о фактической аналогии. Однако в потоке интерпретаций и "пропагандистских нарративов" велика вероятность того, что "коллективный Запад", увлекшись перспекти-

вой "демократизации Ближнего Востока", способствует созданию новой, еще большей угрозе в самом нестабильном регионе мира.

Согласно опросу, проводимому журналом Foreign Policy в конце 2000-х гг. среди американских политиков и экспертного сообщества, большинство считают, что они будут позитивными для США (42%), 25% полагают, что пока рано говорить о том, какой характер они будут носить для отношений с Вашингтоном, 11% уверены, что принципиальных изменений в двусторонней динамике американцев с новыми режимами не произойдет и только 13% заявляют, что "арабская весна" негативно отразится на внешнеполитической динамике Соединенных Штатов.

Вместе с тем, опрос также показал наличие консенсуса относительно значимости "арабского пробуждения" среди американских внешнеполитических приоритетов: эта проблема стала второй, после нарастающей мощи Китая – так считают 32% экспертов и 33% политиков*.

Очевидным остается факт, что в результате этих событий к власти пришли исламисты – где-то более умеренные, где-то более радикальные [1]. В этой связи, одним из ключевых вопросов для России является в какой степени ближневосточная динамика отразится на обострении существующих и поспособствует формированию новых угроз на Большом Кавказе.

Прямые аналогии между двумя регионами неуместны, хотя бы в силу различных исторических и культурных контекстов. Помимо этого, в случае с Кавказом отсутствуют некоторые "революционные стимулы", сыгравшие не последнюю роль в ближневосточных событиях, включая конфликт внутри политической элиты (в разных государствах Ближнего Востока сыгравший по разным линиям) [2].

С другой стороны, можно говорить о наличии в регионе мощной "социальной платформы недовольства", наиболее радикальные проявления которой отражаются в пополнении рядов исламистского подполья. Таким образом, в случае динамичной исламизации Ближнего Востока в результате "революций", велика вероятность наращивания этой силы в регионе Кавказа.

К тому же, дальнейшие геополитические трансформации на Ближнем Востоке также несут дополнительные риски для безопасности Большого Кавказа. Не исключено, что в стремлении руководства государств Южного Кавказа удержать власть на "революционной

* Среди прочих проблем в порядке убывания были обозначены глобальный долговой кризис (28% и 34% соответственно), изменение климата (25%-8%), возможность крах евро (20%-0%), арабо-израильский конфликт (19%-33%), война в Афганистане (14-10%), проблема "несостоявшихся государств" (12%-13%), глобальная бедность (12%-3%), зависимость от нефти (12%-4%), международный терроризм (12%-28%), распространение ОМУ (11%-27%), кибер-безопасность (8%-17%).

волне", одни будут искать внешней поддержки (Грузия, Армения), другие могут сыграть "от противного" и использовать это как шанс укрепить свои позиции в исламском мире (Азербайджан).

В целом, можно согласиться с некоторыми экспертами [3], что тремя основными направлениями влияния "арабской весны" на Кавказ являются:

- идеологическое;
- социальное;
- информационное.

Последнее важно, поскольку значительную роль в свержении правящих режимов сыграло информационное сопровождение в виде социальных медиа и катарского канала Аль-Джазира, ставшего одним из ключевых элементов политики этой страны по участию в "арабской весне" [4]. Формирование единого языка и "информационного пространства протеста" способствовало распространению самого феномена "революции" и массовости её охвата.

Именно эти сферы в регионе наиболее восприимчивы к изменениям внешней среды, в частности к событиям на Ближнем Востоке и имеют несколько изменений внутри себя.

Можно говорить о том, что у России имеется опыт сдерживания внешнего влияния на внутривнутриполитическую динамику в уязвимом регионе – речь, прежде всего, идет о случившихся ранее "цветных революциях". Хотя, содержательное наполнение "арабской весны" заметно отличается от событий на постсоветском пространстве середины 2000-х гг., внешняя схожесть лозунгов и технологий проведения очевидна. В краткосрочной же перспективе, справедливым представляется мнение о том, что "арабский сценарий не многим хуже, чем северокавказский" [5], поэтому наиболее эффективным средством противодействия влиянию "арабской весны" было бы купирование существующих угроз, как минимум по трем вышеуказанным направлениям.

Примечания:

1. Малашенко А. "Арабская весна" перешла в "исламскую осень" / Коммерсантъ. – 2011. – 08.11.
2. См. подробно: What Does the Arab Spring Mean for Russia, Central Asia and the Caucasus? / Ed. by A. Zikibayeva. Wash. D.C.: CSIS Report, September 2011. – 14 p.
3. Там же.
4. Борисов А. Политика Катар на арабском направлении // Новое Восточное Обозрение. – 2012. – 10.11. Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/119184>
5. Маркедонов С. Арабская весна на кавказской улице / Газета.RU 23.03.2011. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2011/03/23_x_3562529.shtml

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ИРАНА

А.В. Гукасов, кандидат политических наук,
преподаватель кафедры международных отноше-

*ний, политологии и мировой экономики ПГЛУ,
старший научный сотрудник Института стратегических исследований ПГЛУ*

Интересы США в отношении Ирана во многом связаны с его географическим положением. Данное государство находится в центре пересечения сразу нескольких регионов, а именно: Ближнего Востока, Южной Азии, Центральной Азии и Южного Кавказа, а также обладает значительными углеводородными ресурсами, расположенными как в Персидском заливе, так и в Каспийском море. Все вышеперечисленные регионы являются зонами национальных интересов Соединенных Штатов, т.к. контроль над ними является необходимым условием для осуществления политики глобального доминирования.

В рамках Персидского залива Иран также занимает очень выгодное геостратегическое положение, т.к. контролирует все северное побережье Ормузского пролива, и соответственно гипотетически в случае необходимости может заблокировать проход кораблей через него, чем поставит под угрозу экономическое благосостояние всех государств-членов ССАГПЗ, равно как США и их союзников.

Соединенные Штаты видят в современном Иране главного геополитического противника в регионе Персидского залива, линия политики которого идет вразрез с национальными интересами США и является главным источником угрозы их национальной безопасности. Данное обстоятельство во многом связано с ядерной программой Тегерана и намерением противостоять достижению поставленных Соединенными Штатами целей в их региональной политике. В связи с этим у США есть опасения в том, что в случае создания Ираном ядерного оружия, данное государство сможет проводить еще более агрессивную внешнюю политику, оказывая значительное влияние на энергетическую политику аравийских монархий и предоставляя всестороннюю поддержку государствам и различным организациям в том числе террористическим, которые антагонистически настроены по отношению к Соединенным Штатам и их союзникам, что приведет к дестабилизации обстановки в регионах, имеющих ключевое для США значение.

На современном этапе Соединенные Штаты используют широкий набор внешнеполитических инструментов для противодействия иранской политике, основным из которых являются экономические санкции. Весь комплекс данных санкций можно разделить на несколько секторов [1].

1. Санкции в энергетической сфере, заключающиеся в запрете на: осуществление инвестиций, которые способствуют увеличению добычи нефти в Иране; продажу, аренду или предоставление товаров и услуг, способствующих производству нефтепродуктов в Иране; продажу или предоставление Ирану продуктов нефтепереработки; предоставление товаров и услуг, способ-

ствующих увеличению возможностей Ирана импортировать продукты нефтепереработки.

2. Санкции в финансовой сфере, заключающиеся в обязательном применении банковских санкций в отношении банков или иных организаций, контролируемых или принадлежащих финансовым учреждениям США, которые: оказывают содействие в осуществлении сделок или предоставляют финансовые услуги Корпусу стражей исламской революции или связанным с ним организациям, таким как "Хатам аль-Анбия", "Сепанир" и т.д., а также любому финансовому учреждению, подпадающему под действие "Закона об экономических полномочиях на случай чрезвычайной международной ситуации", например, банки "Ансар", "Ариан", "Мелли Иран", "Садерат Иран" и т.д.; оказывают содействие лицам или организациям, обозначенным в резолюциях 1737, 1747, 1803, 1929 или в последующих резолюциях Совета Безопасности ООН, например, компания "South Shipping Line" или "Ирано-Хинд" и т.д.; оказывают содействие Ирану в его ядерной программе или в программе поддержки международного терроризма; оказывают содействие иранским банкам в достижении вышеуказанных целей и задач.

3. Прочие связанные с санкциями меры в рамках "Закона об экономических полномочиях на случай чрезвычайной международной ситуации", которые заключаются: в запрете на выдачу виз в Соединенные Штаты Америки и применение экономических санкций, включая блокаду собственности, находящуюся в юрисдикции США в отношении должностных лиц Ирана или лиц, действующих от имени правительства Ирана, причастных к нарушению прав человека в данном государстве; в запрете на заключение договора с правительством США для лиц, экспортирующих в Иран "чувствительные технологии", которые, по мнению Соединенных Штатов, используются для ограничения свободы слова и нарушения базовых прав человека в Тегеране.

Не оставляет сомнения тот факт, что большая вариативность применения санкций позволяет Соединенным Штатам и их союзникам оказывать значительное воздействие на экономическую ситуацию в Иране. Например, если в 2011 г. Иран получил доход от продажи нефти в 95 млрд долл., то в 2012 г. эта сумма составила 69 млрд долл., а также только за 2012 г. Иран не смог реализовать 33 млн барр. нефти [2]. Учитывая зависимость иранской экономики от продажи углеводородных ресурсов, становится очевидным тот факт, что продолжительное действие санкций может привести к глубокому экономическому кризису в данном государстве, одним из индикаторов которого является падение курса иранского риала к доллару США на 80 процентов за период с 2011 г. по 2013 г. [3] Подобная экономическая ситуация в Иране осложняет неминуемо внутривнутриполитическую обстановку в государстве и способствует росту недовольства среди иранских граждан, одновременно снижая уровень доверия к власт-

ным структурам, что в свою очередь способствует реализации американской стратегии, направленной главным образом на смену иранского политического режима.

Помимо экономических инструментов Соединенные Штаты также активно используют элементы "мягкой силы" для реализации собственных национальных интересов в отношении Ирана. В данной связи большая роль отводится вещающим на Иран американским радиостанциям "Фарда" и "Голос Америки" и телевизионным каналам "Персидская служба новостей" и "Аль-Хурра", посредством которых Соединенные Штаты формируют в иранском обществе выгодный им собственный образ. Целевой аудиторией американских каналов радио- и телевещания является иранская молодежь в возрасте до 30 лет, поэтому основную часть эфирного времени занимает трансляция западной поп-музыки, кратких выпусков новостей и длительных дискуссионных передач. Несмотря на попытки блокирования вещания вышеперечисленных радио- и телеканалов по данным на 2010 г. приблизительно 20% населения Ирана слушают и смотрят американские передачи на регулярной основе, сайты радио "Фарда" и телеканала "Персидская служба новостей" посетило около 46 млн и 19 млн человек, соответственно [4].

Несмотря на применение инструментов "экономической силы" и "мягкой силы", на современном этапе нет отчетливых тенденций к изменению внешнеполитической стратегии Ирана. В данной связи актуализируется значение выбора внешнеполитического курса нового президента Ирана Х. Роухани, пользующегося репутацией реформатора и умеренного либерала. Однако его инициативы могут быть заблокированы Верховным лидером ИРИ А. Хаменеи, занимающим более высокое место в иерархии политической власти. Поэтому, если в будущем не последуют коренные изменения во внешней политике Ирана, главным образом касающиеся ядерной программы, существует определенная вероятность применения "жесткой силы" со стороны США.

Шансы на подобный вариант развития ситуации увеличиваются в свете неоднократных заявлений со стороны Израиля о готовности нанесения превентивного удара по иранским ядерным объектам. В данной связи возрастает значение принятого Соединенными Штатами решения об оказании Израилю всесторонней помощи в случае начала боевых действий с Ираном [5].

Более того, учитывая тот факт, что на современном этапе США отказались от ведения одновременно двух больших войн, шансы на развитие подобного сценария в отношении Ирана также увеличиваются ввиду того, что американская операция в Афганистане близится к завершению. Однако, если будет принято решение о необходимости военной операции в отношении ИРИ, то вначале Соединенные Штаты постараются решить проблему с режимом Б. Асада в Сирии, являющимся основным партнером Ирана среди арабских

государств, что в свою очередь может стать поводом для начала иранской операции, поскольку наличие у Тегерана и Дамаска двустороннего соглашения об оказании военной помощи создает предпосылки для прямого участия Ирана в случае начала военной операции против Сирии.

Примечания:

1. Iran Sanctions // U.S. Department of the Treasury. URL: <http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/pages/iran.aspx>
2. Месамед В.И. Иран: экономическая ситуация на фоне санкций // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17363>
3. Бройер Р., Гурков А. Эмбарго на иранскую нефть: эффект есть? URL: <http://dw.de/p/18JPK>
4. Цветкова Н.А. Иран в публичной дипломатии США // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 3. – С. 30.
5. Сенат США обещает Израилю помощь в случае военных мер против Ирана // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20130523/938912789.html>

THE NORTH CAUCASUS IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

V. Panin, Professor and Doctor in Political Science; Dean, School of International Relations; Pyatigorsk State Linguistic University

The end of the Cold War has considerably changed the whole system of international relations. The bipolar world order which determined the political process of the development of the mankind in the second half of the XX century has gone into the history. The result of such fundamental changes in the international system is a very rapid process of strategic reconfiguration of the modern world which means that the old opponents are becoming if not friends than at least allies and vice versa. The countries have to combine their efforts in order to react to the new threats which arise along with the new framework of the world. Such problems as terrorism cannot be settled by a single, even very powerful, country. Ideological rivalry has gone into the past. What would be the basis of international development? Either it will be economic interests or that would be the civilizational identity. If so, would geopolitical interests still prevail? There are no vivid answers to these questions for the time being. On the other hand such constant parameters of any country as its geopolitical position in the world, international environment, historic heritage, and traditional areas of national interests would also play a very important role in the foreign policy. The solving of this dualism in the system of relationship between countries is a corner stone of international politics.

At present, the former approaches to the security system formation have been changed considerably. Terrorism has become the major threat to the national security of Russia and many other countries in the world.

This situation gives all the ground to state that the present relationship between the countries is based not only on mutual interests in different spheres but on the mutual threats to their national security.

Historically the Caucasus is regarded as one of the most important geostrategic regions of Eurasia which separates and at the same time unites Europe and Asia, Orthodox Christianity and Islam. Traditionally it is the area of clashes and a zone of vital interests of great powers. Nowhere in the world, such a relatively small territory accommodated such a great variety of ethnic groups, different in their religions, economic systems, number of population, social values and cultural orientations, areas of inhabitation, levels of state organization etc. The Caucasus is located in the zone of civilizational clash between the Christian and Muslim worlds. That is why it is reasonably regarded as one of the main parts of the "Southern Rim of Instability". At the same time being situated at the border between Europe and Asia, the Caucasus is a convenient springboard for extending influence to the Middle East, Central Asia, to the basins of the Black, Caspian and Mediterranean Seas. The Caucasus is as well the main transport corridor for supply of the Caspian energy resources to the world market – this even by itself increases its economic and military significance. Strategically the whole Caucasus is the area of vital interests of Russia, more of that part of it is the Russian territory. It is the particular region where the country faces the most important threats to its national security.

The Caucasus is consisted of two major geopolitical subregions: the North and South Caucasus. The North Caucasus with its unique geopolitical position, ethnic diversity and as the result of it – high conflict tension has always played a remarkable role in the system of Russian national security. The region is distinguished by the broad level of ethno-cultural variety.

The North Caucasus is currently inhabited by the representatives of more than 100 nationalities. The total population number in the area is about 17.7 million people of which 74% are Russians, Belorussians and Ukrainians; 7.6% represent Dagestan ethnic groups; 6.2% – vainachs (Chechens and Ingush); 4.5 % are from the Turkic ethnic group; 3.5 % are Abkhazo-Adigs (Circassians).

Being situated at the crossroad of strategic, military, economic, civilizational, religious and other routes, the North Caucasus has traditionally formed the area of interests of vital importance for the most powerful regional countries: primarily Russia, Turkey, and Iran. This fact, as well as the enormous energy potential of the Caspian basin, further raises political, economic, strategic and civilizational significance of the North Caucasus. In many aspects, stability in the North Caucasus influences the dynamics of the whole South of Russia and ensures the state of national security of the Russian Federation in general.

A long standing economic, social, political and ecological crisis taking place in the North Caucasus in middle and late 90-s had a great negative impact on the Russian security system. A wide range crisis in the North Caucasus was a result and complication of the All-Russian turbulence and disintegration that took place during 90-s, ineffective reforms and a very slow process of the civil society formation in the country.

A very important factor which influences both economic and political life of the North Caucasus is availability of great oil resources of the Caspian Sea and the eastern part of the North Caucasus. Strategic importance of oil is impossible to overestimate. In the history of the region oil transportation routes have played a significant role shaping the international relations of the area.

Conflicts of different types occurred lately in Central Asia, the South Caucasus and in the North Caucasus triggering intensive streams of migration which shook historically formed balance of ethnic, cultural and confessional relations, traditional ways of life in the region. High density of population, lack of agricultural land in the mountain regions, exacerbation of social problems, migration especially uncontrolled one fuel the flames of tension.

Due to the wide range of reasons both historically formed and connected with the breakdown of the Soviet Union the North Caucasus began to possess new geopolitical and strategic significance. One of the results of it is the creation of the unusual ethnopolitical situation which can hardly be compared with other Russian regions and is characterized by the highly explosive nature. More than 30 territorial claims led many peace keeping efforts to a dead end.

In general ethno-political situation in the Caucasus is characterized in many aspects by the complications of the armed conflicts: Chechen, Ossetiya-Ingush, Georgia-Abkhaz, Georgia-South Ossetia, and Nagorno Karabakh. This made the Caucasus a very unstable region with huge conflict potential. Such situation has very negative impact not only on the neighboring Russian regions but on the whole territory of the country, where myths about the aggressiveness of Caucasians are widely spread. People's victims, destructions, hostages, terrorism, violence give birth to the moral psychological syndrome of mutual alienation which is not typical to the local ethnic groups' cultural traditions.

After the breakdown of the USSR the North Caucasus became the bordering area of Russia with the vast region of Islamic world. It has become the territory of concentration of national interests of many countries. Some of them are interested in shrinking of geopolitical influence of Russia in the southern strategic direction in order to foster political Islam further to the north. Due to this factor the North Caucasus may become the "weak chain" in the Russian security system through which different plans of formation of either unified Islamic state

or a kind of Islamic confederation might be realized. These plans have become corner stones of the political programs of different Pan-Islamic and Pan-Turkic organizations which unite different radicals and extremists of the North Caucasus and which receive huge financial, political and moral support from abroad.

In this connection one can observe the formidable activation of the so called "missionary activities" of Muslim clergy from Iran, Turkey, Jordan, Saudi Arabia, Pakistan and some other Middle Eastern countries to the region of the North Caucasus. They popularize the life according sharia laws, select young people and finance their theological education in the Middle Eastern countries. Besides, they distribute subversive religious literature, claiming the war against non-Muslim believers, as charity gestures provide big sums of money for the construction of new and reconstruction of old mosques. Along with this in their sermons they claim to drive out from the region representatives of non-Muslim confessions.

Such activities vividly prove the fact that some foreign forces try to play out in the North Caucasus and around it a complicated multi-coursed combination with the aim to strengthen their influence in the region by means of Islamic, separatist, nationalist and terrorist actions using financial, economic, religious, ethnic, military and other factors. All above mentioned have a negative influence on the state of the Russian regional security.

To a great extent such state of things has become possible due to the absence by present time of the Russian well planned and thoroughly thought-out strategic policy towards the whole southern geopolitical direction. Current geopolitical dynamics of the region has become the main threat to the Russian national security as the major impulse for the further disintegration of the country and its final breakdown goes primarily from the North Caucasus.

General evaluation of the terrorist threat proves the necessity to pay attention on experience and mechanism of cooperation of states in the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). With the view of the modern threats to the international security which on one hand go from the Middle East primarily from such terrorist organization as "Islamic State" operating in the region, on the other – taking into consideration the growing zone of instability which provides another terrorist and extremist organizations which might be regarded as another source of threats to the national security of states – members of SCO it is necessary to coordinate antiterrorist activities of above mentioned member-states. The best way to organize such cooperation is to create a kind of a network of the Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization with it's regional branch offices in the Caucasus and South Asia. It would permit to provide coordinative activities to destroy channels of financing the terrorist organizations, arms supplies, narcotraffic,

etc. Effective activities of the Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization would be effective not only in the sphere of struggle with terrorists, but would be very useful from the point of rising financial attractiveness of different economic projects of the member states of the Shanghai Cooperation Organization which are planned to be implemented in this very important geostrategic region of the world.

Keeping in mind the above mentioned it is necessary to state the "sanctions mechanism" against Russia which is provided by the USA and its European partners does not have the tendency to loosen. It means that in the coming three-five years from one hand the Russian market would be completely lost for the European goods, from the other it opens new opportunities for cooperation in economic, energy, military and other spheres between Russia and member states of the SCO. For India and other SCO countries it creates different opportunities to substitute the American and European shares in the Russian market. For the North Caucasus and other South Russia resorts it might be very perspective to cooperate in recreation and tourist spheres, modern hotel and high speed railroad construction according to the world standards.

The current geopolitical situation in the North Caucasus is partially the result of the communist legacy as well as a number of serious mistakes made by the Yeltsin political leadership. The main priorities of the Russian policy in the North Caucasus seem to be the following: In economic sphere it is necessary to stop the crisis and to bring down unemployment. In some regions of the North Caucasus it reaches 50-60%. The majority of all disintegrative trends come from the unsatisfactory economic situation.

In criminal sphere the level of corruption in the North Caucasus is one of the highest in the Russian Federation. It has spread through all levels of political and state structures. Not everybody respects the laws because it is not obligatory for all members of society to obey them. In many cases the law is substituted by family or traditional clan rules.

In social sphere, after the collapse of the Soviet Union, many conflicts spread out on the whole territory of the Caucasus. Consequently, many people migrated to the North Caucasus, mainly to Stavropol, Krasnodar and Rostov regions. Such uncontrolled migration disrupted the traditional interethnic balance of the local population in favor of non-Slavic ethnic groups which worsened the criminal situation and created an additional basis for ethnic and confessional conflicts.

In confessional sphere government authorities should support in every way the representatives of traditional Islam and consolidate them in their struggle against radical extremist groups such as Wahhabism. The state should assist in creating a number of higher

Muslim institutions in order to train future Muslim clergy in Russia instead of abroad.

The Russian population has always been and will always be the main social pillar of support of Russia in the North Caucasus. The dangerous phenomenon which is taking place in the North Caucasus is ethnic Russians being driven out from the North Caucasus. This tendency can be observed in every national republic of the region.

Needless to say that not everything in the world history ran smoothly. Unfortunately there were confrontations, wars, human victims. All contemporary states have been created on people's blood. It is quite important to keep in mind that at the same time there were voluntary alliances, good neighborly relations, friendship, mutual support in hard situations.

The above mentioned shows that in the sphere of military-technical cooperation the special attention should be paid to the cooperation between Russia and India as one of the historically stable and long-term strategic partner of Russia which pays no attention to the Western pressure to discredited Russian arms supplies. Keeping in mind the growing tendency of the terrorist activities and necessity to struggle with them, it is very important to possess arms – adopted to the specific climate and geographic features of Asia and Middle East. This is one of the most important goals for the national security of SCO countries.

Many generations of Caucasian peoples and Russians lived in one state and under Russian protection. To guarantee their mutual independence and freedom, all of them lost millions of lives in different military conflicts, including both World Wars. It would be absolutely incorrect to state that the only historical heritage in Russian-Caucasian relations was permanent resistance and wars. Even in the periods of military clashes the confrontation happened mainly among the elites but not among common people, who during the centuries of living together have created the traditional norms of good neighborhood relations which might be easily observed even in the contemporary conflicts. The majority of the North Caucasus population clearly understands that the breakdown of Russia would mean the catastrophe for their identity. The last argument seems to be the main foundation for strengthening of the Russian national security in the North Caucasus.

Bibliography:

1. Панин В.Н. Проблемы региональной безопасности на Кавказе в ситуации турбулентности мирового политического процесса // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ : сборник научных трудов / ред. колл.: Панин В.Н., гл. ред.; Косов Г.В., зам. глав. ред. и др. – Выпуск I: Конфликты – безопасность – геополитика: стратегический анализ современного мирового развития. – Ставрополь : Ставролит, 2011. – С. 48-50.

ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА КAVKAZE В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ В РЕГИОНЕ

Д.А. Миргород, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ПГЛУ, старший научный сотрудник Института стратегических исследований ПГЛУ

Обеспечение национальной безопасности РФ во многом зависит от развития ситуации в Кавказском регионе, который расположен на южном направлении ее стратегических интересов, и где сосредоточены, на наш взгляд, одни из главных проблем и угроз для ее безопасности на современном этапе [1]. В связи с этим жизненно важным выглядит необходимость формирования на Кавказе системы безопасности, которая бы как можно более полно отвечала требованиям интересов Российской Федерации как на национальном, так и на региональном уровнях.

При этом необходимо учитывать тот факт, что геополитическая конфигурация региона претерпела определенные изменения и в первую очередь это связано с тем, что Россия признала независимость двух государств на Южном Кавказе. Данный факт естественным образом влияет на формирование системы ее национально-государственных интересов, с учетом современной обстановки.

Мы согласны с С.В. Петровой, которая полагает, что система национальных интересов Российской Федерации в Кавказском регионе может иметь следующий вид и концентрироваться на следующих аспектах.

Национальные интересы локального внутригосударственного уровня:

- урегулирование внутренних конфликтов;
- сохранение территориальной целостности России;
- наращивание экономической и социальной инфраструктуры и формирование эффективной административной системы управления на Северном Кавказе.

Национальные интересы субрегионального геополитического уровня:

- налаживание действенного экономического и военно-политического сотрудничества с государствами Закавказья;

- достижение преимущественного геополитического влияния в пределах ближайшего Российского приграничья на Кавказе.

Национальные интересы регионального геополитического уровня:

- формирование экономических и политических механизмов эффективной защиты национальных интересов России в Кавказском геополитическом регионе;

- создание и поддержание достаточного военного потенциала для защиты своих интересов в регионе.

Национальные интересы глобального геополитического уровня:

- воспрепятствование геополитической "атлантизации" государств Кавказского геополитического региона;

- создание условий, исключающих военное присутствие США и стран НАТО в государствах Кавказского геополитического региона [2].

Однако, мы считаем, что одним из основополагающих интересов на всех из перечисленных уровней может считаться создание приемлемой и эффективной системы региональной безопасности. Причем построение новой системы безопасности должно основываться на интенсификации интеграционных процессов с участием России и южнокавказских республик.

При всем богатстве мнений о нынешнем развитии ситуации на Кавказе и перспективах интеграционных процессов в регионе, ключевым, по мнению Э. Исмаилова, остается вопрос о том, "сохраняют ли силу традиционные (российские) факторы, определяющие сложную судьбу Кавказа, или они уступают новым стратегическим приоритетам" [3]. Он же считает, что все богатство мнений сводится к двум интеграционным моделям:

1. Единый Кавказ в новой политической системе отношений.

2. Будущее Кавказа представляет собой новую модификацию старой интеграционной модели. Анализ существующих моделей интеграции Кавказа позволил выделить следующие основные группы:

- модели "Кавказского Общего Дома", включающего автономные республики Северного Кавказа и независимые государства Кавказа (некоторые авторы "КОД" предполагают, что автономные республики Северного Кавказа должны участвовать в этой модели как независимые государства);

- модели, объединяющие независимые государства Кавказа – Азербайджан, Грузию и Армению;

- модель "3+1", объединяющая независимые республики Кавказа и Россию;

- субглобальные модели, включающие три независимых кавказских государства, три сопредельные страны и другие мировые державы ("3+3+2");

Во всех этих моделях есть интересные моменты, и аргументы авторов в пользу жизнеспособности своих проектов звучат весьма убедительно [3].

При этом, в силу давности материала, автор не учитывал появление двух новых независимых (с позиции РФ) государств. Поэтому представленные модели, где фигурирует цифра "3", обозначающая Грузию, Армению и Азербайджан должна быть изменена на "5", с добавлением Южной Осетии и Абхазии.

Однако, даже с учетом этой модификации, все указанные модели до сих пор остаются абстрактными, их реализация по различным объективным и субъектив-

ным причинам невозможна. Представленные модели обладают одним главным недостатком – "неадекватным видением всей проблемы кавказской интеграции, ее структуры, механизмов и иницирующего ядра, не позволяющим им стать полноценной концептуальной основой практических действий по запуску социально-экономического механизма интеграции" [3].

Сложность кавказской интеграции предопределяет проблемы на пути формирования действенной системы безопасности, которая в первую очередь должна быть основана на едином подходе к решению этого вопроса всеми региональными акторами. Также стоит учитывать, что РФ пытается вывести на новый уровень сотрудничество с прикаспийскими государствами.

В этом отношении выделяется озвученное в 2006 году Россией предложение о создании на Каспии своего рода системы коллективной безопасности в рамках единой военно-морской группы оперативного взаимодействия "Касфор". Тем не менее, должного отклика РФ не получила ни от одного прибрежного государства.

Представляется, что наличие такой системы было бы выгодно всем пяти прикаспийским государствам. Сама специфика Каспийского моря как закрытого водоёма подталкивает к мысли о необходимости совместного регулирования военной активности прикаспийской "пятёрки". Это дало бы возможность: упорядочить военную активность на Каспийском море, которое слишком мало и уязвимо для несогласованной, хаотичной деятельности; создать механизм гарантий от возникновения непредвиденных военных инцидентов; создать условия для мирного и более эффективного экономического освоения каспийских ресурсов; согласовывать действия по борьбе с браконьерством, международным терроризмом и преступностью; оптимизировать военную политику и расходы прикаспийских государств в данном регионе; гарантировать от попыток возможного военного проникновения в регион третьих стран [5].

Мы полагаем, что формирование коллективной системы безопасности в Каспийском субрегионе, помогло бы снизить конфликтный потенциал на всем Кавказе и создало бы предпосылки для стабилизации современной обстановки на этой территории.

Кавказ имеет для России важнейшее геостратегическое значение, а формирование и реализация политической стратегии защиты национальных интересов России в этом регионе является важной проблемой, решение которой будет способствовать успешному обеспечению национальной безопасности нашей страны.

Примечания:

1. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М. : Международные отношения. – 2001. – 462 с.
2. Петрова С.В. Национальные интересы России на Кавказе // Вестник СГУТиКД. – 2011. – №1(15). – С. 120-124.

3. Исмаилов Э., Кенгерли З. Кавказ в глобализирующемся мире: новая модель интеграции // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 2 (26). – С. 157-166.

4. Гусейнов, В. [и др.]. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации / В. Гусейнов, А. Денисов, Н. Савкин, С. Демиденко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 592 с.

5. Консолидация потенциала "прикаспийской пятёрки": проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. - www.casfactor.com/files/file/12650625458708.doc

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Р.Ш. Хасанов, аспирант Северо-Кавказского федерального университета

Е.В. Галкина, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и международных отношений СКФУ, эксперт Института стратегических исследований ПЛЛУ

Последние несколько лет в российской международной-политической науке наблюдается рост интереса исследователей к турецкой проблематике. На наш взгляд, причиной обращения внимания исследователей является беспрецедентная со времен Мустафы Кемала-Ататюрка активность Турецкой республики на международной арене, связанная с приходом к власти Партии справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом, а также назначением на пост министра иностранных дел А. Давутоглу, который сумел концептуально оформить новое внешнеполитическое мышление правящей политической элиты, при этом существенно обогатив ее своим собственным видением.

Цель данной статьи проанализировать парадигмальные основы новой внешнеполитической концепции Анкары.

Несмотря на полувековую политику "деосманизации", вестернизации и полное следование в фарватере Запада, в турецком обществе никогда не исчезали идеи об особой миссионерской роли Турции и турецкого народа, модернизированная Турецкая Республика всегда ощущала неразрывную связь с наследием Османской империи. В условиях биполярной системы международных отношений, Турция не могла проводить независимую внешнюю политику на основе национальных интересов и следовала прозападному курсу в обмен на безопасность собственной территории.

Однако демонтаж биполярной системы международных отношений, следствием чего стало появление независимых тюркоязычных стран, а также попытками США переформатировать Ближний Восток, с которым Турцию связывают историческое прошлое, культурное и религиозное наследие, актуализировал процесс пробуждения османского самосознания Турции.

Первым, кто публично высказал необходимость трансформации "само-восприятия" ("ben-idraki") Турции был экс-министр иностранных дел, нынешний премьер-министр Турции А. Давутоглу. Данный термин А. Давутоглу впервые употребил в 1993 году в своей книге "Альтернативные парадигмы" для критики кемалистского подхода во внешней политике. Несмотря на то, что данный термин редко употребляется во внешнеполитическом дискурсе, по мнению турецких политологов А. Бабаджи и М. Йешилташа, эта концепция нового "само-восприятия" является фундаментальной идеей и лежит в основе всех концептуальных трансформаций [1]. Как пишет сам А. Давутоглу, "само-восприятие" основано не на институциональной или формализованной внешней среде, а на личном мировоззрении, придающей бытию многозначительную смысловую нагрузку" [2].

Новая внешнеполитическая концепция А. Давутоглу сумела соединить в себе такие идеологические установки, как евро-атлантическое партнерство, братство тюркоязычных народов, единение мусульман мира, нерушимая связь с османским прошлым и в то же время абсолютный прагматизм, стремление к экономическому благополучию.

Подобная многоликость идеологических установок и определила многовекторность новой внешней политики Турции.

В основе новой внешнеполитической концепции Турции лежит идея о "центральном государстве" ("merkez devleti"), впервые высказанная А. Давутоглу в своем фундаментальном труде "Стратегическая глубина", ставшей теоретико-методологической базой новой турецкой внешней политики. Данный термин А. Давутоглу употребляет в двух аспектах. Первый аспект связан с критикой общепринятой формулы позиционирования Турции как "моста" между Западом и Востоком. По мнению А. Давутоглу, "термин моста не описывает Турцию в качестве самостоятельного игрока, а означает то, что Турция, позиционируя себя как западная страна, пытается апеллировать западными ценностями в отношениях с Востоком, а как восточная страна несет в себе отрицательные черты восточного мира в отношениях с Западом" [3]. Второй аспект связан с трансформацией системы международных отношений, а точнее отсутствием таковой после распада bipolarной. В таких условиях, по мнению А. Давутоглу, Турция не может являться неким "звеном в цепочке трансмиссии", а должна выступать в качестве самостоятельного игрока, способного строить подобную систему через многовекторность внешней политики [4]. Таким образом, концепция "центрального государства" – это не географический термин, а новый геополитический подход в условиях глобальных изменений, который содержит в себе исторический, культурный и религиозный базис [5].

Несмотря на обилие идейных установок, было бы ошибочно полагать, что новая внешнеполитическая

стратегия Турции основана на одном идеализме и преследует только идеалистические цели. Внутри идеалистической оболочки лежат сугубо прагматические цели экономического характера. Многовекторная внешняя политика, установка "Ноль проблем с соседями", "мягкая сила" и другие идейные концепты являются проводниками экономической экспансии Турции. Осознавая сложность конкурирования собственных товаров в западных странах, Турция обратила свой взор на Ближний Восток, Африку, Кавказ и Центральную Азию. Заметный экономический подъем последних 10 лет стал возможен только благодаря успехам многовекторной "миротворческой" внешней политики, обеспечившей турецким бизнес-элитам огромные возможности для освоения рынков развивающихся стран.

Идея превращения Турции в мировую державу для турецкого истеблишмента является одной из главных внешнеполитических задач. Определенные успехи на международной арене "окрылили" турецкое руководство, которое, даже в условиях недостаточности ресурсов, активно вовлекается во все международные процессы и события, пытаясь продвигать турецкие интересы. В условиях большой поддержки со стороны турецких граждан и неспособности турецкой оппозиции сформировать альтернативный внешнеполитический подход, многовекторный проактивный внешнеполитический курс продолжится.

Примечания:

1. Yeşiltaş M., Balcı A. AK Parti Dönemi Türk Dış Politikası Sözlüğü: Kavramsal Bir Harita / B i l g i. – 2 0 1 1. – № 23. – S.9 – 34.
2. Davutoğlu A. Medeniyetlerin Ben-İdraki/ Divan: İlmi Araştırmalar Dergisi. – 1997. – № 1. – S.10.
3. Davutoğlu A. Türkiye Merkez Ülke Olmalı / [Электронный ресурс] // Radikal. – 2004. – Режим доступа: www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581
4. Davutoğlu A. Türkiye Merkez Ülke Olmalı / [Электронный ресурс] // Radikal. – 2004. – Режим доступа: www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581
5. Yeşiltaş M., Balcı A. AK Parti Dönemi Türk Dış Politikası Sözlüğü: Kavramsal Bir Harita / B i l g i. – 2 0 1 1. – № 2 3. – S.9 – 34.

"ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА" СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

П.Л. Карабущенко, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, эксперт Института стратегических исследований ПГЛУ

По мере того, как Россия восстановилась от своего национального кризиса, вернулись и ее мировые амбиции. Основные интересы Москвы в основном все

еще лежат на Западе, но относительная важность Азии (Китая, Индии, Японии, Кореи) явно на подъеме. Ближний Восток, который географически лежит между этими двумя ключевыми областями, вновь вернулся на "экран радара" Москвы. Уход России из региона, символизированный выводом войск из Афганистана в 1989 году, повернулся вспять. Москва восстановила политические связи со своими прежними союзниками, такими как Сирия; включилась в активный диалог с Израилем; рассматривает Турцию как ключевого партнера в регионе; поддерживает бурно развивающиеся, хотя и наиболее сложные отношения с Ираном; и продвигает торговлю со странами, богатыми энергоресурсами, от Алжира и Ливии до стран Персидского залива. Миллионы Российских туристов стекаются на морские курорты Турции и Туниса, Египта и Израиля.

Ближний Восток важен для Москвы по нескольким причинам. Во-первых, из-за своего близкого географического расположения: расстояние от Грозного, столицы Чечни, до Мосула в Ираке составляет примерно 600 км. Во-вторых, из-за мусульманского фактора: со времени падения железного занавеса Советского Союза, больше нет стены, разделяющей российских мусульман, которые составляют одну седьмую населения страны (и эта цифра растет) от их собратьев в Турции, Иране, Афганистане и арабском мире. С другой стороны, после массовой постсоветской эмиграции, примерно 20 процентов населения Израиля – это бывшие советские евреи, почти все они русскоговорящие. В-третьих, с точки зрения продолжающегося религиозного и политического волнения в мусульманском мире: радикальные идеи и боевики с Ближнего Востока проникают на российский Северный Кавказ, Татарстан и Башкортостан, в постсоветскую Среднюю Азию. В-четвертых, из-за обширных энергоресурсов региона: Россия рассматривает себя как энерго-державу и ищет возможности пополнения запасов к югу от границы. В-пятых, Россия уделяет должное внимание текущему вниманию США к данному региону, и американскому военному вмешательству в Ираке и Афганистане.

Представляется, что Москва работает над созданием своего энергетического блока и стремится стать главной внешней силой к северу от Ближнего Востока. В грядущем мировом порядке многополярного мира, Россия не забывает о растущей важности стран, таких как Турция, Иран и Саудовская Аравия, которых она рассматривает в роли ключевых партнеров в регионе. После первой войны в заливе и вторжения в Афганистан и Ирак, Москва опасалась роста военного присутствия США в регионе, что представляло потенциальную угрозу безопасности России. С течением времени, однако, стратеги Москвы сняли эту угрозу со счетов, и научились находить выгоду от операций США/НАТО в Афганистане. Россия продолжает протестовать против военного присутствия США в Средней Азии, которое

она рассматривает как нарушение границ сфер влияния России.

С точки зрения безопасности, Россия крайне озабочена истоками мусульманского радикализма на Ближнем Востоке, который подпитывает национальный экстремизм, включая и терроризм, в таких областях, как Северный Кавказ. Российские лидеры рассматривают угрозы безопасности, исходящие с юга. Особенную озабоченность представляет Талибан, который угрожает вернуть Афганистан к роли основного дестабилизатора в регионе конца 90-х годов XX века. Случись это, протезе Москвы в Средней Азии могут потерять уверенность, среди их населения начнутся беспорядки, и могут вспыхнуть локальные мятежи. Российские эксперты в области безопасности рассматривают и Афганистан/Пакистан и Ирак как тренировочные базы для международных джихадистов.

Другая основная озабоченность России в плане безопасности – это распространение ядерного оружия. С 90-х годов Москва особенно настороженно относилась к ядерным амбициям Пакистана, которые, по ее мнению, не воспринимались в то время достаточно серьезно Соединенными Штатами и ее союзниками. Появление в 1998 г. Пакистана, обладающего ядерным потенциалом, подтвердило опасения Москвы. Российский взгляд на Пакистан чрезвычайно настороженный.

В отличие от относительно недавно сформированного Пакистана, Москва рассматривает бывшую Персию как ключевую фигуру в схеме расстановки сил в регионе и фактически разумного игрока, хотя и наиболее сложного из партнеров. Россия заинтересована в таком решении Иранской ядерной проблемы, которое бы сохранило программу Тегерана на мирном уровне и под контролем с помощью мониторинга со стороны Международного Агентства по Атомной Энергии (МАГАТЭ). В качестве компенсации, считает Россия, международному сообществу необходимо обращать внимание на оправданные интересы безопасности Ирана, и способствовать установлению всеобъемлющей системы безопасности в Персидском заливе. Худшим из возможных результатов, с точки зрения Москвы, было бы военное нападение США (или Израиля) на Иран, что отложило бы, но не уничтожило, Иранскую ядерную программу, и способствовало тому, что Иран стал государством, обладающим ядерным потенциалом. Это дестабилизировало бы ситуацию в регионе, увеличило воинственность исламистов, и разрушило режим нераспространения ядерного вооружения.

С точки зрения экономики, Россия как ведущая топливдобывающая держава рассматривает страны Ближнего Востока с богатыми ресурсами газа и нефти в роли партнеров и одновременно конкурентов. Она разделяет с ними заинтересованность в поддержании цен на нефть на довольно высоком уровне, и надеется урегулировать уровень конкуренции на газовом рын-

ке, в частности, убедив Иран, когда он начнет экспортировать газ, передавать его на восток в Индию, а не на запад в Европу.

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ТРУБОПРОВОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

С.С. Жильцов, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ

Формирование новых энергетических потоков началось после распада СССР, когда у новых каспийских государств появилась возможность самостоятельно определять направления внешней политики, в том числе и в сфере разработки и экспорта углеводородных ресурсов. В решении данной задачи странам Каспийского региона содействовали западные энергетические компании, чье активное вхождение в этот район мира началось на рубеже 80-90-х годов XX века. Так, получение права на разработку нефти в Азербайджане американской компанией "Амоко" (40%) [1] и переговоры компании "Шеврон" об участии в разработке крупнейшего нефтяного месторождения Тенгиз в Казахстане открыли дверь для нефтяного капитала и стали отправной точкой для появления новых проектов по экспорту углеводородного сырья.

Будущие энергетические потоки формировались под влиянием внерегиональных государств, для которых решение геозенергетических задач сочеталось с продвижением политических интересов. В свою очередь, страны Каспийского региона постепенно усиливали внимание к месторождениям нефти и газа, видя в этом залог политической стабильности и источник пополнения бюджета. К тому же трубопроводные проекты рассматривались в качестве альтернативного инструмента снижения зависимости от России [2].

Создание новых экспортных маршрутов прошло несколько этапов, в каждый из которых развивался под влиянием различных факторов: геополитической ситуации, постоянно меняющихся данных о запасах углеводородных ресурсов, уровня спроса на углеводородные ресурсы и цен на нефть и газ на мировых рынках, а также наличия технологических возможностей, способных обеспечить разработку новых труднодоступных месторождений. Тем не менее, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан успешно реализовывали политику, направленную на увеличение добычи углеводородного сырья и создания новых маршрутов его экспорта.

К концу первого десятилетия XXI столетия в Каспийском регионе были реализованы новые трубопроводные проекты. Они стали отправной точкой для последующего расширения трубопроводной архитектуры и создания новых экспортных потоков.

Инициаторы альтернативных энергопотоков

Исторически все прикаспийские республики были связаны со странами Запада только через территорию России. По этой причине, после распада СССР стратегия стран Каспийского региона была направлена на создание новой архитектуры трубопроводов, которая являлась бы частью энергетического коридора Восток-Запад и шла в обход России.

Под влиянием внерегиональных государств формировались подходы стран региона. Повышенную активность в Каспийском регионе проявляли США, которые намерены были привлекать страны к субрегиональным транспортно-энергетическим маршрутам экспорта углеводородного сырья в обход России в интересах ведущих американских компаний. Согласно замыслу Вашингтона, новый каркас коммуникаций должен быть децентрализованным и опираться на многочисленные связи, идущие в разных направлениях. Фактически речь шла о создании новых трубопроводных маршрутов, переориентации существующих и будущих направлений поставок энергетических ресурсов, а также об изменении внешнеторговых и кооперационных связей. Официально декларируемой позицией США по этому вопросу являлась стратегия многосторонних трубопроводов.

Ожесточенная борьба вокруг нефте- и газопроводов, развернувшаяся со второй половины 1990-х годов, перестав быть в чистом виде экономическим соперничеством, превратилась в геополитическую борьбу за стратегию развития Каспийского региона. В нее активно включились прикаспийские и центрально-азиатские страны, западные государства и нефтяные компании. При этом стратегия стран Каспийского региона была основана на масштабном привлечении иностранных инвестиций, укреплении стабильности в регионе, экономическом развитии за счет топливно-энергетического комплекса. Это подталкивало страны Каспийского региона к поиску альтернативных путей транспортировки природного газа и нефти [3].

Для прикаспийских и центрально-азиатских стран трубопроводы превратились не только в самостоятельный источник доходов от транзита или непосредственной добычи углеводородного сырья. Не меньшее внимание было направлено на сам факт строительства нефтепроводов или их отсутствие. Развитие атрибутов демократической политической системы стран постсоветского пространства в этом регионе, принятие новых конституций, проведение альтернативных выборов – все это, безусловно, подняло престиж этих государств, сделав их ближе и понятнее для западных государств. Однако этого было явно недостаточно для осуществления долгосрочных инвестиций в экономики прикаспийских государств. Для привлечения масштабных финансовых ресурсов необходимо было создание более надежных гарантий стабильности, в качестве которых и должны были в последующем выступить нефтепроводы. Именно стабильность внутри

каждой из стран, поддерживаемая правительствами и дополненная широким участием иностранных нефтяных компаний, могла стать точкой отсчета для нового, более масштабного витка инвестиций в экономики государств Каспийского региона.

Администрация США ставила перед собой задачу изменить существующие нефтяные потоки, тем самым получив возможность управления регионом. При этом одним из главных и принципиальных условий, которого администрация США придерживалась с самого начала, – чтобы новые маршруты не проходили по российской или иранской территории. По этой причине появился проект Баку – Тбилиси – Джейхан, рассматриваемый как основной экспортный трубопровод (ОЭТ), который обходил территорию России. США не уставали подтверждать, что поддерживают трубопроводную политику Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которая была нацелена на то, чтобы освободиться или уменьшить зависимость от России в области доставки природного газа и нефти в страны Европы. Однако после распада СССР единственным и реально действующим маршрутом для доставки углеводородных ресурсов из этих стран оставалось российское направление. Данная ситуация подталкивала страны региона и внерегиональные государства к формированию новых экспортных маршрутов для углеводородных ресурсов.

Первым продвижением по пути создания коридора Восток-Запад стало введение в эксплуатацию трубопровода Баку – Супса в апреле 1999 года. По трубопроводу доставлялась азербайджанская нефть с месторождения Чираг. Проект нашел поддержку после дестабилизации ситуации в Чечне, через территорию которой проходила часть нефтепровода Баку – Новороссийск. Протяженность маршрута Баку – Супса, который проходил через территорию Грузии с дальнейшей транспортировкой нефти в черноморские порты Самсун и Фракию (Турция), Бургас (Болгария) и Одессу (Украина), составила 850 км. Пропускная способность нефтепровода должна была составить до 10 млн т нефти в год [4].

К 1998 году стало ясно, что планы США по развитию Афганского маршрута (имеются в виду две нитки газопровода и нефтепровода) затягиваются, и коридор Баку – Тбилиси – Джейхан стал основной планкой в политике Вашингтона в сфере освоения Каспийского региона. Активизация работ по продвижению маршрута Баку – Тбилиси – Джейхан вылилась в подписание на Стамбульском саммите ОБСЕ (18 ноября 1999 г.) Межправительственного соглашения о транспортировке каспийской нефти. Соглашение подписали президенты Турции, Грузии и Азербайджана. Кроме того, президентами Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Турции в присутствии президента США Б. Клинтона, специально прилетевшего в Стамбул, была подписана Межправительственная декларация "О принципах реализации транскаспийского трубопровода" (газопровода).

В тот период энергетические ресурсы являлись далеко не ключевым фактором интереса США к региону. Они выступали скорее как инструмент управления геополитическими процессами на Евразийском пространстве, куда входит Каспийский регион и Центральная Азия. В соответствии с этим, основные дивиденды от усилий, предпринимаемых в регионе, США рассчитывали получить спустя десятилетия. Как писал З. Бжезинский, "Клинтон заслуживает признания за инициативу, которая в последующем стала препятствием для возрождения российского империализма. Таким препятствием является спонсируемый Соединенными Штатами нефтепровод Баку – Джейхан. Смысл этого нефтепровода в том, чтобы дать Западу прямой доступ к каспийской и среднеазиатской нефти" [5].

Появление альтернативных маршрутов нефти и газа шло параллельно с определением перспектив своего присутствия в регионе западными государствами. Американская администрация, входя в начале 1990-х годов в Каспийский регион, только намечала контуры своей стратегии, в том числе и в области трубопроводного транспорта. США, в отличие от прикаспийских государств, ищущих в первую очередь экономические и политические выгоды, шли на берега Каспия и Центральной Азии больше из-за геополитических соображений. С помощью частного капитала своих нефтяных компаний, транснациональных корпораций они начали укреплять свое влияние в регионе, тем самым создавая барьер для участия российских нефтяных компаний в разведке и добыче углеводородов Каспия и транспортировке их на внешние рынки [6]. Аналогичная ситуация наблюдалась в политике ЕС, который постепенно, с помощью политико-дипломатических механизмов расширял свое присутствие в Каспийском регионе.

Активность крупных государств мира в Каспийском регионе, проявляющаяся в самых разных формах – дипломатических, экономических, военных и т.д., иллюстрирует в конечном счете основную геополитическую реальность: обостряющаяся соперничество за источники сырья, прежде всего, за энергоресурсы [7]. Добыча и транспортировка углеводородного сырья на внешние рынки рассматривалась через призму кардинального изменения двусторонних и многосторонних отношений в регионе, создания новых транспортных коммуникаций и новой структуры экономических связей.

Азербайджан: от экспорта нефти к газовым потокам

Первоначально Баку делал ставку на добычу нефти, которая велась в стране с давних времен. В сентябре 2014 года исполнилось 20 лет с момента подписания соглашения о разведке и разработке нефтяных месторождений Азери – Чираг и глубоководного Гюнешли. Данное соглашение получило название "контракта века" и рассматривалось в Баку в качестве от-

правной точки для начала увеличения добычи нефти и ее экспорта на европейский рынок. Тем более, что различные оценки говорили о наличии на азербайджанских месторождениях значительных запасов нефти.

Интерес к Азербайджану со стороны западных стран и нефтегазовых компаний определялся выгодным географическим положением. Страна могла поставлять нефть как в российском, так и в западном направлении. Азербайджанские углеводороды рассматривались западными странами в качестве дополнительного источника сырья, а в перспективе – в качестве альтернативы российским поставкам. Кроме того, внимание к Азербайджану усиливали многочисленные прогнозы о возможности в короткие сроки нарастить добычу значительных объемов нефти. В то же время, длительное время Азербайджан не был конечной целью в политике западных стран, занимая в их планах промежуточное, транзитное положение для экспорта будущих объемов туркменских и казахстанских углеводородных ресурсов.

Энергетическая политика Азербайджана стала меняться в конце 90-х годов, после открытия новых запасов природного газа на месторождении "Шах-Дениз". Это поставило вопрос о разработке месторождения, а также о транспортировке газа на внешние рынки. И это же усилило интерес Баку к новым проектам трубопроводов, которые должны были обеспечить выход азербайджанского газа на внешние рынки [8].

В последние десять лет Баку стал активным участником различных трубопроводных проектов, привлекательность которых определялась прогнозами добычи газа на месторождениях Азербайджана и политической поддержкой ЕС. Так, длительное время Азербайджан поддерживал европейский проект газопровода "Набукко", который должен был поставлять газ в Турцию и в страны ЕС. Недостаточный объем азербайджанского газа для европейского проекта и переориентация Ашхабада на Китай, который направил в свою сторону туркменский газ, не позволило реализовать амбициозный проект ЕС.

Неудачи с реализацией проекта газопровода "Набукко", который ориентировался на поставки туркменского и азербайджанского газа в Европу, скорректировал политику Азербайджана, который стал более активно реализовывать собственные трубопроводные проекты, идущие в направлении стран ЕС. Так, в последние несколько лет основные усилия Баку направлены на строительство трубопроводов, которые являются составной частью Южного газового коридора, который должен объединить уже реализованный газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум с новыми проектами: Трансанатолийским газопроводом (TANAP) и Трансадриатическим газопроводом (TAP).

Новый импульс реализации масштабного и амбициозного проекта был дан в сентябре 2014 года. Этому предшествовали многочисленные переговоры с Турцией, альянс с которой открыл Азербайджану ре-

альную возможность для увеличения поставок газа на внешние рынки.

Строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) и Трансадриатического (TAP) должно быть завершено к 2019 году. Отправной точкой должно стать месторождение "Шах-Дениз", газ с которого в объеме 16 млрд м³ должен пройти через территорию Грузии, Турции, Албании и далее на юг Италии. Планируется, что поставки газа в Турцию составят 6 млрд м³ и 10 млрд м³ – в европейские страны. Разворот Азербайджана в сторону Балкан стал отражением ситуации, которая сложилась вокруг реализации ряда проектов газопроводов, предлагаемых ЕС.

Дополнительные объемы углеводородного сырья, поступающего из Азербайджана, создадут европейским странам возможности для "игры" с ценами на переговорах с Россией. Реальное усиление на газовый рынок Европы и политику России дополнительные объемы азербайджанского газа могут оказать значительно позже. Так, только в разработку второй стадии месторождения "Шах-Дениз", инвестиционное решение по которому было принято в декабре 2013 года, необходимо инвестировать порядка 45 млрд долл., которые пойдут не только в освоение месторождения, но и создание инфраструктуры.

В 2014 году Азербайджан намерен был добыть 28 млрд м³ газа, а в последующие годы, с учетом имеющихся мощностей, выйти на уровень 30-32 млрд м³. Ввод в эксплуатацию второй очереди газового месторождения "Шах-Дениз" позволит Азербайджану ожидать увеличения добычи газа еще на 16 млрд м³. В результате, через 8-10 лет экспортный потенциал Азербайджана может составить порядка 25 млрд м³.

Баку рассчитывает на разведанные площади месторождений "Абшерон", "Умит" и "Азери-Чираг-Гюнешли", где найден газ глубокого залегания. После разработки перспективных месторождений, Азербайджан может потенциально увеличить экспорт газа еще на 10 млрд м³, доведя его общий объем до 35 млрд м³. Однако появление дополнительных объемов углеводородного сырья может произойти не ранее 2025 года. К тому же, данные планы может скорректировать падение добычи на уже эксплуатируемых скважинах. Кроме того, объемы экспорта будут находиться под влиянием изменений, которые происходят на европейском газовом рынке: возможным увеличением поставок сжиженного природного газа и сланцевого газа из США.

Для транспортировки дополнительных объемов добываемого газа Азербайджан будет располагать газопроводом Баку – Тбилиси – Эрзурум, проектной мощностью в 16 млрд м³ и Трансадриатическим газопроводом (TAP) с проектной мощностью 10 млрд м³ с возможностью расширения до 20 млрд м³. Со строительством TAP участие Азербайджана в Транскаспийском газопроводе теряет смысл, поскольку для Баку важно загрузить собственную "трубу".

Тернистый путь казахстанской нефти на Запад

Идея реализации Транскаспийского коридора, как через строительство нефте- и газопроводов по дну Каспия, так и доставки углеводородных ресурсов танкерным флотом появилась после данных о наличии в Казахстане огромных запасов нефти. О строительстве Транскаспийского нефтепровода Актау-Баку стали говорить в середине 90-х годов прошлого века и напрямую связывали с продвижением проекта Баку-Тбилиси-Джейхан. Инициаторы проекта считали, что "подключение" казахстанской нефти позволит максимально загрузить экспортный нефтепровод и усилит вовлеченность Казахстана в транспортировку каспийских углеводородов. Первоначальные планы предполагали завершить строительство трубопровода к 2003-2004 годам.

Трудности с разработкой месторождений в Казахстане и постоянный пересмотр прогнозов добычи нефти скорректировали планы строительства нефтепровода, но не уменьшили интереса казахстанской стороны к идее транспортировать нефть через Транскаспийский трубопровод. Подтверждением этому служат многочисленные заявления представителей Казахстана и подписанные соглашения с Азербайджаном в 1990-х и начале 2000-х годов.

Большое внимание Казахстан уделял Казахстанской каспийской системе транспортировки нефти (ККСТ), предназначенной для экспорта казахстанской нефти через Каспий танкерами. На первом этапе поставки танкерами по Каспию должны были составить до 10 млн т нефти. Мощность данной системы должна была вырасти до 38 млн т. Ввод системы в строй планировался на рубеже 2010-2012 годов, когда, как рассчитывали в Казахстане, должна была возрасти добыча на "Кашагане". В Казахстане считали, что участие в проекте Баку-Тбилиси-Джейхан позволит на практике реализовать принцип многовекторности в вопросах выбора транспортировки казахстанской нефти на внешние рынки. Исходя из подобных прогнозов, Казахстан реализовывал внешнюю политику в Каспийском регионе, подписывая различные соглашения с Азербайджаном о поставках нефти в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Не дожидаясь выхода новых месторождений на максимальный уровень добычи, Казахстан стремится диверсифицировать маршруты поставок своей нефти. В конце 2013 года Казахстан принял решение о транспортировке углеводородных ресурсов через Каспий в объеме 4 млн т нефти. Из этого объема 3 млн т предназначена для нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, а 1 млн т должна оставаться до грузинского терминала Кулеви на Черном море.

Трудности, с которыми сталкивается Казахстан при добыче нефти, позволяет ожидать появления дополнительных объемов углеводородных ресурсов не ранее 2025 года. До этого момента прокачку казахстанских углеводородов на внешний рынок способны

обеспечить действующие трубопроводы. Так, основными направлениями экспорта казахстанских углеводородов в ближайшем будущем будет выступать российское направление. Прежде всего, через трубопроводную систему Каспийского трубопроводного консорциума, мощность которого после 2015 года должна возрасти до 67 млн т. И лишь затем Казахстану могут потребоваться дополнительные экспортные мощности, что повысит интерес к новым трубопроводным проектам, в том числе и к маршруту через Каспийское море. Впрочем, большинство прогнозов, касающихся разработки нефтяных месторождений в Казахстане, носят предварительные оценки. Это связано, прежде всего, с постоянными переносами начала добычи нефти на месторождении "Кашаган". Пока большинство заявленных планов относительно данного месторождения остается на бумаге, что ведет к снижению роли Казахстана в поставках нефти на внешние рынки, а соответственно, создает предпосылки для изменения расстановки сил в Каспийском регионе.

Несмотря на серьезные проблемы, связанные с освоением перспективных месторождений, Казахстан по-прежнему делает прогнозы, в которых ожидает увеличение добычи углеводородных ресурсов. Этот фактор определяет линию Казахстана при обсуждении экспортных маршрутов для потенциальных объемов углеводородных ресурсов.

Технологический капкан

Страны, расположенные на восточном побережье Каспия (Казахстан и Туркменистан), были ограничены в реализации своей энергетической стратегии. Прежде всего, в силу своего географического положения, которое значительно снижало их шансы получить доступ к европейскому рынку. Кроме того, большое влияние имели отношения с Россией, которые развивались достаточно сложно. Однако главным фактором, который не позволил усилить позиции в нефтегазовой сфере, стали технологические трудности. Прежде всего, это коснулось Казахстана, который выстраивал свою энергетическую стратегию на основе ожиданий скорого начала добычи на нефтяном месторождении "Кашаган".

Дополнительный интерес к реализации проекта на "Кашагане" определялся отсутствием предпосылок для наращивания добычи на уже действующих месторождениях, многие из которых прошли пик добычи. В итоге, в последние годы добыча нефти в Казахстане практически не росла, остановившись на уровне 80-81 млн т нефти.

Постоянный перенос начала добычи на "Кашагане" стал следствием отсутствия необходимых технологий, способных преодолеть сложные геологические условия, большие глубины залегания нефти, высокое пластовое давление, а также непростые климатические условия, которые существуют в северной части Каспийского моря. Все эти факторы затрудняют освое-

ние нефтяного месторождения, пуск которого первоначально был назначен на 2005 год. Затем сроки многократно менялись.

Последний раз попытка начать добычу нефти на этом месторождении и осуществить ее транспортировку была предпринята в октябре 2013 года. Однако уже через два дня добыча была приостановлена после того, как были выявлены многочисленные трещины в трубопроводе. Они появились в результате воздействия на металл попутного газа с высоким содержанием серы. В итоге, возникла необходимость замены 200-километров трубопровода, по которому нефть и газ транспортируются с искусственного острова на Каспии на побережье. Полная замена трубопровода на "Кашагане" займет много времени, а применение труб, устойчивых к агрессивной среде значительно удорожит проект, в который уже вложены значительные средства. Если в самом начале разработки месторождения инвестиции в его освоение не превышали 10 млрд долл., то по мере осуществления подготовительных работ стоимость постоянно возрастала. По последним оценкам суммарные инвестиции могут превысить сто миллиардов долларов. В итоге, по предварительным данным устранение неполадок может продлиться до 2017 года. При этом нет никаких гарантий, что после этого начнется стабильная добыча нефти.

Китайский вектор

Наиболее успешными можно считать создание энергетического коридора из Центральной Азии в направлении Китая, который в последние годы трансформировался в проект Великого энергетического пути. Благодаря целенаправленной политике, которая подкреплялась значительными финансовыми ресурсами, Китаю удалось включить в орбиту своего влияния Туркменистан, который должен обеспечить Пекину надежные поставки природного газа на долгосрочной основе, и Казахстану, чье значение может возрасти в долгосрочной перспективе.

Для Китая страны Центральной Азии имеют стратегическое значение из-за наличия углеводородных ресурсов. Не случайно, главной темой, обсуждаемой в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, состоявшийся в сентябре 2013 года, стали вопросы дальнейшего расширения энергетического сотрудничества, которое Пекин рассматривает через призму своего текущего экономического развития и реализации долгосрочных интересов. Данный визит открыл новый этап внешней политики Китая в регионе. Было достигнуто соглашение о строительстве четвертой ветки газопровода Туркменистан – Китай мощностью 30 млрд м³. Первые три ветки были введены в строй в 2009, 2010 и 2014 годах. Строительство четвертой ветки должно быть завершено в 2016 году. Объем инвестиций должен составить около 6,7 млрд долларов. В результате, объемы поставок газа по га-

зопроводу к 2020 году должны увеличиться до 80 млрд м³ ежегодно [9].

Большое внимание Китай уделяет Казахстану, углеводородные ресурсы которого давно находятся в фокусе внимания Пекина. В ходе визита председателя КНР в Казахстан в сентябре 2013 года, китайская сторона подкрепила свои устремления соглашениями на сумму в 30 млрд долларов. В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной лидерами двух стран, стороны договорились углублять взаимодействие и, в первую очередь, в сфере энергетики. Пекин заявил о готовности продолжить участие в энергетических проектах. Прежде всего, в разработке новых месторождений, эксплуатация которых обеспечит увеличение добычи нефти и газа.

Масштабные проекты в сфере добычи и транспортировки углеводородных ресурсов выступают в качестве инструмента китайской политики в реализации долгосрочных интересов. Пекин рассчитывает установить контроль над перспективными месторождениями нефти и газа стран региона с целью их последующего интенсивного использования. Подобная ресурсная политика Китая на Каспии лишает страны региона альтернатив развития.

Будущее энергетических потоков

Движущей силой развития энергетического сектора стран Каспийского региона остаются прогнозы добычи и экспорта нефти и газа. На их основе разрабатываются национальные программы развития топливно-энергетического сектора, они берутся за основу при обсуждении и продвижении будущих проектов трубопроводов. И хотя публикуемые с 90-х годов прогнозы прикаспийских стран оказывались чрезмерно завышенными, тем не менее, они до сих пор оказывают сильное влияние на формирование внешнеполитического курса стран региона и диктуют дальнейшие шаги нефтегазовых компаний [10].

Трубопроводная гонка, в которой страны Каспийского региона приняли самое активное участие, обнажила комплекс проблем, которые стали серьезным препятствием для формирования новых энергетических потоков. Ключевыми факторами стало отсутствие необходимой трубопроводной инфраструктуры и технологий добычи, стремление использовать инвестиции нефтегазовых гигантов в качестве противовеса российской политике.

Страны Каспийского региона и внерегиональные страны зачастую руководствуются математическим подходом, определяя сроки освоения каспийских месторождений и темпы реализации новых трубопроводных проектов на основании политических договоренностей и соглашений. Как правило, подобный подход здесь не работает, поскольку геополитические интересы и трудности с промышленным освоением вносят существенные коррективы, заставляя многократно пересматривать сделанные ранее прогнозы.

Заключение

Для сохранения повышенного интереса к каспийским углеводородным ресурсам страны региона публикуют завышенные прогнозы добычи нефти и газа. Однако делать это становится все труднее, особенно с учетом огромных затрат, которые понесли нефтегазовые компании, но пока так и не увидели объемов, которые бы позволили каспийскому региону приблизиться ко "второму Кувейту".

Формирование энергетических потоков в Каспийском регионе по всей видимости скорректирует политика Ирана, с которого были сняты санкции в январе 2016 года. Тегеран все настойчивее заявляет о своих планах по увеличению поставок своего газа в Европу. Пока речь идет об организации поставок газа в объеме 10 млрд м³. Для реализации подобных планов Иран намерен ускорить строительство необходимой инфраструктуры, которая позволит иранскому газу достичь европейских потребителей [11]. Политическая изоляция Ирана, который в течение длительного времени был отстранен от обсуждения и реализации трубопроводных проектов, привел к искусственному конструированию трубопроводной архитектуры в Каспийском регионе [12].

В последнее время активную политику в сфере диверсификации маршрутов углеводородных ресурсов проводит Туркменистан. Ашхабад большое внимание уделяет трубопроводному проекту Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ), о начале строительства которого было объявлено в декабре 2015 года. Мощность трубопровода, протяженностью 1800 км, должна составить 33 млрд м³. Со строительством данного трубопровода Туркменистан рассчитывает диверсифицировать поставки природного газа на внешние рынки. Так, наряду с иранским и китайским направлениями экспорта углеводородных ресурсов, которые получили развитие в последние два десятилетия, Ашхабад намерен реализовать данный трубопроводный маршрут на Индию, которая, в свою очередь, заинтересована получать дополнительные объемы природного газа.

Наряду с продвижением проекта ТАПИ, Ашхабад активно участвует в переговорном процессе с ЕС, обсуждая перспективы экспорта своего газа на европейский рынок. Реализации амбициозных планов Туркменистана по диверсификации маршрутов экспорта газа должен способствовать газопровод "Восток-Запад", протяженностью 800 км и мощностью 30 млрд м³ в год. Его строительство завершилось в конце 2015 года. С его реализацией, Туркменистан рассчитывает обеспечить доставку своего газа с месторождений, расположенных в восточных регионах страны, к побережью Каспийского моря и соединить между собой крупнейшие месторождения. Таким образом, Ашхабад намерен создать дополнительные возможности для экспорта углеводородных ресурсов в любом направлении.

При реализации энергетической политики Казахстана и Туркменистан вынуждены учитывать интересы Китая, который стал одним из ключевых внешнеполитических партнеров для Астаны и Ашхабада. Как отмечал президент Казахстана в сентябре 2015 года в ходе своего визита в Китай, только за последние годы между двумя странами были подписаны контракты на 70 млрд долл. Значительные суммы были выделены Пекином и Туркменистану, который стал ключевым поставщиком природного газа из Центральной Азии.

Китай, расширяя сферу своего влияния в регионе, преследует не только коммерческие, но и геополитические цели. Пекин стремится не допустить внешнеполитической переориентации Астаны и Ашхабада в сторону Запада, а также ограничить влияние западных нефтяных компаний. В Пекине пристально следят за диалогом прикаспийских и центрально-азиатских стран с Западом, который через трубопроводные проекты намерен не только вывести прикаспийские страны из-под влияния России, но и ограничить китайский фактор. Китайская политика сосредоточила свои усилия на восточном берегу Каспия и в решении долгосрочных задач нацелена на интенсификацию казахстанско-китайских и туркменско-китайских отношений в сфере поставок углеводородного сырья.

За более чем двадцатилетнюю историю страны Каспийского региона создали трубопроводную архитектуру, которая позволила им экспортировать свои углеводородные ресурсы, минуя территорию России. Значительный рост добычи нефти и газа обеспечил заполнение новых экспортных маршрутов, которые стали фундаментом развития каспийских стран. Однако 2016 год может стать переломным в развитии трубопроводной архитектуры Каспийского региона.

Примечания:

1. Шорохов В. Нефть и политика Азербайджана // Исследования ЦМИ-МГИМО. – М., 1997. – С. 10.
2. Зонн И.С., Жильцов С.С. Каспийский регион: география, экономика, политика, сотрудничество. – М.: Эдель-М. – 456 с.
3. Kemp G. Energy Superbowl. Strategic, Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin. – Washington, 1997. – P. 26.
4. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003. – С. 114.
5. Бжезинский З. Еще один шанс. – М., Международные отношения. – 2007.
6. Зонн И.С., Жильцов С.С. Стратегия США в Каспийском регионе. – М.: Эдель-М. – 197 с.
7. Томберг И. Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап "Большой энергетической игры" // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5. – С. 24.
8. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. – М.: Восток-Запад, 2011. – 320 с.
9. Юлдашева Н. Слишком больно не будет... // Деловая неделя. – 2014. – 17 октября.
10. Жильцов С.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – №1. – Том 17. – С. 37-50.

11. Пархомчик Л. Современная политика Ирана в Каспийском регионе // Проблемы постсоветского пространства. – 2014. – №1. – С. 37-49.
12. Жильцов С.С. Состояние и перспективы политики стран Центральной Азии в газовой сфере // Сборник материалов Центрально-азиатского газового форума. 25-26 июня 2014 г. – Алматы, 2014. – С. 21-22.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНА: ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

***Р.Х. Усманов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и международных отношений Астраханского государственного университета*

***С.С.-О. Гамидов**, кандидат политических наук, Астраханский государственный университет*

Одной из основных задач любого суверенного государства является обеспечение национальных интересов. В современном мире в условиях глобализации, государства вынуждены прилагать максимум усилий для того, чтобы суметь выработать внешнюю политику, учитывающую и национальные интересы, и интересы международного сообщества. Актуальность темы научной статьи обусловлена и тем, что одним из важных аспектов внешнеполитической деятельности в последнее время является сотрудничество в сфере энергетики.

В настоящее время динамика политических процессов в регионе Южного Кавказа обуславливается пересечением межгосударственных интересов и сохранением напряженности вокруг региональных конфликтов. На современном этапе, помимо Российской Федерации, Евросоюза, Соединенных Штатов Америки, на государства Южного Кавказа также возросло влияние таких региональных и внерегиональных игроков, как Китай, Иран и Турция, что, безусловно, подчеркивает его значимость.

Южный Кавказ занимает особое место в общей системе внешнеполитических интересов ЕС и Соединенных Штатов. Следует учитывать, что значимость данного региона в системе национальных интересов этих государств возрастает в связи с процессами, происходящими на Украине и Ближнем Востоке. Не вызывает сомнения тот факт, что и ЕС, и Соединенные Штаты будут стараться в дальнейшем укреплять свои позиции в этом регионе.

Представители школы политического реализма (Г. Моргентау, Р.Арон, К.Томпсон, Ф. Шуман, Ч. Маршалл), анализируя внешнюю политику, рассматривают государство как единое целое, определяющее свой курс на основе национальных интересов. Именно последние доминируют над международными нормами и принципами.

Выявление уровней внешней политики анализом необходимо для того, чтобы определить, какие факторы формируют и определяют развитие внешней политики. Д. Сингер один из первых выделил два уровня анализа – это "международная система" и "государство". Наряду с методологией Д. Сингера, существует также пятиуровневая модель П. Моргана. В ее рамках на каждом уровне анализа рассматриваются различные акторы международной политической системы, набор которых напрямую зависит от интерпретации авторов и их принадлежности к той или иной политической школе.

Д. Розенау полагал, что главным действующим лицом на мировой арене становятся конкретные лица, которые вступают в отношения друг с другом без посредничества государства. Позднее в своих работах он говорит о появлении новых акторов международных отношений, это не только индивиды, но и негосударственные субъекты, влияющие на изменения в рамках мировой системы. При этом он считает, что новые акторы вытесняют государство с мировой арены. Тем самым Д. Розенау говорит о раздвоении мира. То есть, с одной стороны это межгосударственные взаимоотношения, с другой стороны, негосударственные участники. Но все-таки на передний план в мировой политике Д. Розенау выдвигает индивидов. Лидерские качества индивидов оказывают влияние на процесс принятия решений. В этой связи актуализируется классификация, разработанная М. Херманн и Т. Престонном в работе "Стили лидерства в формировании внешней политики". Отмечается, что влияние личностных качеств на процесс принятия решений можно охарактеризовать целым рядом фактов. То есть, это зависит и от положения в государственной иерархии и от сложности ситуации.

При анализе роли личности во внешнеполитической теории следует обратить внимание на такую отрасль исследований внешней политики, как Foreign Policy Analysis (FPA). Оно появилось во второй половине XX века. Однако в течение длительного периода исследования в рамках данного направления почти не велись. В наши дни аналитические работы возобновились, так как идеи данного подхода наиболее полно пытаются объяснить изменения, происходящие в условиях современной системы международных отношений.

Г. Аллисон, анализируя внешнюю политику государства, выделяет три основных модели формирования внешней политики: в рамках первой модели внешняя политика рассматривается как результат рациональной деятельности актора; в основе второй модели лежит понимание того, что каждое государство состоит из разнообразных организационных структур, которые ответственны за внешнеполитические действия на мировой арене; в основе третьей модели лежит понимание того, что внешняя политика является итогом политического торга ведомств и их

лидеров. Все эти модели показывают насколько сложным и комплексным явлением является внешняя политика, которая имеет своей целью обеспечение благоприятных международных условий для реализации национальных интересов государства.

Любое государство как система преследует две важнейшие цели: во-первых, сохранение своей целостности и, во-вторых, поддержание этой целостности на максимально возможный срок. Реализовать данные потребности невозможно без взаимодействия с другими акторами международных отношений, которые выражены во внешней политике. Для осуществления своей внешней политики государства используют разнообразные инструменты. Бесспорно, в число основных инструментов входят "жесткая" и "мягкая" сила.

Исследователи пока не пришли к единой интерпретации понятия категории "силы" Т. Гоббс определял "силу" как "способ достижения некоей очевидной выгоды в будущем". По мнению Г. Моргентау, "сила может включать в себя все то, что устанавливает и поддерживает власть человека над человеком – от физического насилия до самых тонких психологических связей, с помощью которых один разум управляет другим". Генри Киссинджер между категориями "силы" и "влияния" ставил знак равенства. Все определения данного термина сходятся в одном: "сила" оказывает влияние на внешнеполитические процессы других стран. Это влияние может принимать разные формы, в связи с чем "силу" разделяют на "жесткую", "мягкую", "умную".

Во внешней политике нельзя говорить о доминировании силового или несилового подхода, а главной тенденцией современного мира является то обстоятельство, что дипломатия сегодня – это не просто реализация внешней политики государства или работа дипломатических представителей, это также умело спланированная стратегия, от успешности которой во многом зависит внешнеполитический образ страны на мировой арене. Ведущие державы работают в направлении создания стратегической дипломатии, которая является отражением стратегических доктрин государств, наиболее соответствующих их национальным интересам.

На международной арене государство активно использует "экономическую силу", которая является одним из эффективных механизмов реализации внешней политики. С помощью инвестиций за рубежом, внешней торговли, экономического присутствия в других странах государство воздействует в своих интересах на внешнюю и внутреннюю политику других стран. Не менее эффективным экономическим инструментом реализации внешней политики страны является влияние и управление потоками торговли. На современном этапе важным является не только объем торговли, но и структура.

К не менее эффективным механизмам можно отнести прямые иностранные инвестиции, предоставле-

ние помощи зарубежным государствам их кредитование.

Многочисленная группа современных политологов полагает, что геоэкономические факторы являются предопределяющими в системе современных международных отношений. Так, с их точки зрения, идеологические конфликты, которые доминировали на мировой арене ещё со времен Великой французской буржуазной революции, в настоящее время уступили место более "мягкому" экономическому соперничеству. Современная внешняя политика государств является собой преимущественно внешнеэкономическую стратегию, поскольку экономическая безопасность стала базовой составляющей национальной безопасности. Следовательно, чтобы быть в числе ведущих мировых держав или вести относительно независимую внешнюю политику, в настоящее время государства должны обладать, в первую очередь, внушительным экономическим потенциалом.

Внеэкономическую парадигму акторов международных отношений можно разделить на несколько составляющих, среди которых наибольшую значимость на современном этапе играет энергетический фактор. Борьба за контроль над территориями с большими запасами энергоресурсов стала основой внешнеполитического курса ведущих мировых держав. 39,5% всей электроэнергии в мире производят с помощью нефти, 24,3% – угля, 22,1% – газа, 6,9% – воды, 6,3% – атома.

Наличие крупных запасов углеводородов в значительной степени определяет место и роль того или иного актора в современной глобальной системе международных отношений. Более того, экономическое благосостояние многих государств-экспортёров энергоресурсов находится, порой, в абсолютной зависимости от мировых цен на нефть и газ. При этом международная роль транзитных путей доставки энергоносителей так же многозначительна. Немаловажное значение в процессе транспортировки энергоносителей имеют государства с выгодным геостратегическим положением. Данные страны за последние десятилетия, помимо традиционного военно-стратегического, освоили новую модель использования своего географического преимущества – транзит энергоресурсов, зачастую составляющий существенную долю дохода в государственный бюджет.

Глобальная конкуренция за обладание энергоресурсами и контроль над основными территориями их транспортировки являются одной из основных причин наиболее крупных вооружённых конфликтов современности.

После первого энергетического кризиса в середине 70-х годов XX в. энергетический фактор стал играть в мировой политике не меньшую роль, чем военный, что привело к формированию и дальнейшему развитию энергетической дипломатии в качестве инструмента международной политики. Ее важной особеннос-

тью стало тесное взаимодействие внешнеполитических ведомств и компаний, рост активной роли последних на международной арене в качестве самостоятельных игроков, повышение значимости в международных делах энергетической дипломатии.

Интенсивное развитие международной торговли энергоресурсами привело к формированию геополитических аспектов энергетики. К ним можно отнести географическое положение крупнейших месторождений газа, нефти, угля с точки зрения их отдаленности от рынков сбыта, а также способы транспортировки данных ресурсов.

Современная внешняя политика Азербайджана как независимого государства связана, в первую очередь, с определением стратегических приоритетов, способствующих интеграции в международное пространство. Формирование подобной системы приоритетов является, по существу, долгосрочным историческим процессом.

На современном этапе глобализации, когда система международных отношений вступает в новый этап своего развития, каждая страна, желающая стать их полноправным участником, должна иметь определенную концептуальную основу своей внешней политики. Во внешней политике той или иной страны, ее построении и претворении в жизнь ведущую роль играют множество факторов: временные, пространственные и социальные.

Региональный уровень внешней политики является одним из основных в структуре всей внешней политики Республики Азербайджан. Данный уровень внешней политики связан с восстановлением и поддержанием стабильности в Кавказско-Каспийском регионе, с воплощением в жизнь транспортно-коммуникационных проектов, реализации идеи сотрудничества с прикаспийскими государствами.

На региональном уровне одними из основных приоритетов внешней политики Азербайджана являются восстановление стабильности и спокойствия в регионе, реализация обширных транспортных проектов, проектов сотрудничества со странами бассейна Каспийского моря. При этом готовность Азербайджана к конструктивному диалогу по вопросам экономического развития подтверждается активным привлечением иностранных инвестиций в различные проекты в целях развития промышленности страны. Таким образом, Азербайджан, избравший демократический путь развития, стремится наиболее полно претворить в жизнь общую цель по строительству и укреплению равноправных и взаимовыгодных отношений на основе двусторонних и многосторонних связей как с соседями по региону, так и со всеми потенциальными партнерами в мировом масштабе.

Особое значение для Азербайджана имеют отношения с Россией. Ядром их договорно-правовой базы является договор, подписанный 3 июля 1997 г. Актуальность заинтересованности РФ в сотрудничестве с

Прикаспийскими государствами обуславливается следующими факторами: в связи с многонациональным, поликультурным характером российского общества важным для нее представляется региональный уровень анализа, особенно для Прикаспийского региона; одной из территорий, куда обращены взоры национальных интересов ведущих мировых держав, является Каспийский регион. Он является важным стратегическим звеном между Севером и Югом – Россией и Персидским заливом – как источник снабжения нефтью и газом рынков Европы. Обусловлено это главным образом и в первую очередь природными углеводородными ресурсами, которыми обладают прикаспийские государства, а также географическим положением региона, где пересекаются транспортные, торговые пути и само море с уникальными своими биоресурсами.

В то же время объём российских инвестиций в азербайджанскую экономику достаточно скромнен по сравнению с западными.

Ярким примером заинтересованности прикаспийских стран в сотрудничестве, как в экономическом, так и разных областях, можно считать предложения глав государств на последнем саммите прикаспийских стран о создании "Каспийской зоны свободной торговли", о заключении "Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между прикаспийскими государствами", а также реализация проекта по строительству железнодорожного "кольца" вокруг Каспия. Следует отметить, что развитие международных отношений стран пятерки между собой, возможно, положительно повлияет на скорое заключение Конвенции о правовом статусе Каспия.

Независимая внешняя политика является гарантией суверенитета. В пору динамичных изменений геополитической картины, как а глобальном, так и а региональном масштабе, данный вопрос приобретает еще большую актуальность. Приоритеты внешнеполитического курса Азербайджана основывается на считывании государственных интересов с особенностями геополитической ситуации. Азербайджан делает упор на создание добрососедских отношений на региональном уровне. Одним из важных факторов, который влияет на отношения Азербайджана с соседними странами, является взаимодействие соседних стран друг с другом, т.к. стране надо выбрать курс внешней региональной политики, хоть и независимую, но в то же время придерживающуюся одному из направлений: Россия, Турция и Иран. Несмотря на то, что исторический опыт, показывает, что эти страны часто конфликтовали, современные политические процессы сильно повлияли на отношения этих стран. Следует отметить, что современные отношения соседей Азербайджана, а именно России с Ираном, Турции с Россией в последние годы значительно улучшились. Речь идет о создании политического Альянса Россия-Турция-Иран, предложенный Р.Т. Эрдоганом, который непосредственно коснется Азербайджана, как стра-

ну, которую окружает этот Альянс. Можно согласиться с тем, что у России с Ираном существуют некоторые спорные проблемы на Каспии. Российская сторона всегда выступала в своих отношениях с Ираном с позиции диалога культур. Официальная Москва неоднократно заявляла в своей заинтересованности развития мирных добрососедских отношений.

Между Азербайджаном и Турцией сложились весьма тесные экономические связи. Турция закупает у Азербайджана природный газ и участвует в таких инфраструктурных проектах, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум и железная дорога Карс – Тбилиси – Баку.

Внешние связи Азербайджана не ограничиваются его отношениями с соседями. Его геополитическое положение таково, что в развитии взаимодействия с ним заинтересованы и удаленные от региона государства. Сам Азербайджан также исходит из пользы для него такого сотрудничества. Здесь роль главных акторов играют Европейский союз и США.

Определение приоритетов внешней политики Азербайджана связано с его членством в ООН, ОБСЕ, Совете Европы, Исламской Организации Сотрудничества, СНГ.

Азербайджанская республика является активным участником в борьбе с террористическими проявлениями. Республика ратифицировала международные документы по борьбе с терроризмом, осуществляет активный обмен информацией в сфере борьбы с терроризмом.

Современными внешнеполитическими приоритетами государства является интеграция в евроатлантические политические институты. Процесс интеграции республики в евроатлантические структуры трехвекторный: сотрудничество в сфере экономики, связанное с взаимовыгодным сотрудничеством на основе экономических принципов Европейского Союза; сотрудничество в сфере международной безопасности; сотрудничество в сфере демократизации социальных институтов.

Основа нефтяной стратегии была заложена в ходе подписания 20 сентября 1994 года контракта между ГНКАР и рядом крупнейших мировых нефтяных компаний. Контракт был посвящен вопросу совместного пользования шельфовыми месторождениями "Азери", "Чыраг" и глубоководной части месторождения "Гюнешли" в азербайджанском секторе Каспийского моря. Добываемая нефть должна была распределяться по долевному участию.

Важную часть национального дохода и основную часть экономического потенциала Азербайджана составляет нефть. Задача реализации новой нефтяной стратегии является одним из приоритетов внешней политики страны. Главной задачей этой стратегии, было рациональное использование передовых западных технологий и инвестиционных возможностей, обеспечение разработки и добычи, имеющихся в азербайджанском секторе Каспийского моря, углеводород-

ных запасов. Следующей проблемой было вывезти их безопасными путями на мировые рынки, а полученными от продажи их средствами добиться развития других областей экономики страны, обеспечить благосостояние сегодняшнего и будущего поколений. В этой области один из главных приоритетов внешней политики составляет максимальное использование возможностей иностранных государств для преодоления имеющихся трудностей, в частности, разделение Каспия по секторам, строительство и безопасность нефтепроводов, инвестиционное обеспечение, завоевание надлежащего места на мировом нефтегазовом рынке и т.д., а также претворение в жизнь других намеченных целей.

За счет нефтяной стратегии была создана нефтехимическая, нефтеперерабатывающая промышленность, составляющие основу национальной экономики.

Географическое положение Азербайджана создает благоприятные условия экспортировать свои энергоресурсы конечным потребителям через территории соседних стран-транзитеров. Поэтому традиционно и исходя из экономических интересов страны, Азербайджан поддерживает дружеские связи с пограничными странами, которые являются странами-транзитерами.

Впервые Азербайджан стал экспортировать свой газ на рынки Грузии и Турции. С этого момента Азербайджан превратился в экспортера природного газа на Евразийском пространстве, занимая важное место в перспективе обеспечения энергетической безопасности региона.

Энергетическая стратегия Азербайджана основывается на создании альтернативных транспортных коридоров и обеспечении их стабильной деятельности. Эта стратегия не ограничивается обеспечением безопасности самих коридоров, но включает и создание необходимых взаимовыгодных отношений с транзитными странами. Данная практика просматривается как в создании дополнительных политических и экономических связей с этими странами, так и путем привлечения важных международных акторов, имеющих особые интересы в транспортировке азербайджанских энергоресурсов на мировые рынки. Возрастает актуальность развития плодотворных торгово-экономических связей с крупными торговыми партнерами, увеличение экспортного потенциала страны как в нефтяной, так и в других секторах.

Политика России основывается на стремлении к полному контролю над транспортировкой природного газа на евразийском пространстве. В силу этого Россия не заинтересована в том, чтобы газ из стран Закавказья и Центральной Азии поступал на европейские рынки в обход российской территории. Именно поэтому она старается препятствовать созданию Транс-Каспийского газопровода. Энергетическая политика Турции отличается от российской в силу того, что Турция не имеет значительных собственных запаса-

сов нефти и газа. Несмотря на это, Турция расположена в регионе, в котором в соседствующих с ней странах сосредоточено до 70% мировых запасов энергоресурсов. В связи с этим Турция рассматривает возможность роли некоего регионального энергетического центра с целью реэкспорта углеводородов для получения политических и экономических дивидендов.

Несмотря на эти договоры, экспорт газа в Россию и Иран в любом случае не представляется альтернативой для Азербайджана. Азербайджан заинтересован экспортировать свой газ на европейские рынки и сохранять баланс в отношениях с Россией и Ираном.

Южный Кавказ всегда был и остается для России регионом исключительной важности. Его стратегическая значимость особенно возросла в последние годы в связи с обострением отношений между Москвой и Тбилиси. В этой связи формирование и реализация политической стратегии защиты национальных интересов России в этом регионе является важной проблемой, решение которой будет способствовать успешному обеспечению национальной безопасности РФ. Вместе с тем, внешнеполитические приоритеты РФ на данной территории детерминированы не только фактором политической стабильности и национальной безопасности Российской Федерации, но и рядом других геостратегических, геоэкономических и социально-культурных обстоятельств.

Национальные интересы РФ локального внутригосударственного уровня создают базу для трансляции интересов субрегионального геополитического уровня. К таковым мы можем отнести создание, развитие, возобновление экономического, культурного, военного, политического сотрудничества с государствами Южного Кавказа.

По данным опросов общественного мнения, проведенных Институтом сравнительных социальных исследований России, в общественном сознании Российская Федерация воспринимается как враждебное государство у 74% населения Грузии, 24% – Азербайджана, 9% – Армении, 6% – Абхазии и 1% – Южной Осетии. Значительная часть населения считает РФ авторитарным государством (60% – грузин, 16% – армян, 15% – азербайджанцев), сосредоточенным исключительно на себе (61% опрошенных жителей Грузии, 41% – Армении и 22% – Азербайджана). Такая статистика свидетельствует о значительной доли антироссийских мотивов в сознании населения южнокавказских государств. Более того, информационное воздействие через СМИ и другие каналы коммуникации, активизация информационной деятельности других акторов в регионе, заинтересованных в ослаблении влияния России на данной территории, дают нам основания полагать, что в странах Южного Кавказа подобная недружественная стратегия по отношению к России будет только усиливаться.

В этой связи, учитывая современные глобализационные тенденции, процессы десуверинизации на-

циональных границ, рост информационных технологий и их влияния на политические процессы, стратегически важной задачей России становится эффективная информационная политика в регионе, нацеленная на формирование выгодного ей информационного поля. Инструментами воздействия в данном вопросе могут быть средства массовой информации, Интернет, поддержание и развитие контактов с соотечественниками, инструменты публичной дипломатии.

Дипломатические отношения между РФ и Азербайджаном установлены 4 апреля 1992 года. основополагающим документом является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности от 3 июля 1997 года. Азербайджан – единственная страна на Южном Кавказе, сохранившая русский язык наряду с национальным в качестве языка преподавания в средних школах и высших учебных заведениях. Реализуется проект по углубленному изучению русского языка в 50 общеобразовательных школах. В вузах России образование получают около 6 тыс. азербайджанских граждан. В вузах Азербайджана на русском языке обучаются свыше 15 тыс. студентов. В 2008 году в Баку был открыт филиал МГУ им. Ломоносова. По количеству русскоязычных СМИ – Азербайджан несомненный лидер среди государств Южного Кавказа и Центральной Азии. В республике действуют 50 русскоязычных печатных изданий и 7 информационных агентств.

В последнее время наблюдается активизация усилий РФ по азербайджанскому вектору. Одна из угроз РА связана с функционированием такого актора вне суверенитета, как ИГИЛ. В Баку настороженно следят за развитием событий в регионе Ближнего Востока, тем более, после того, как данная вооруженная группировка распространила в социальных сетях сообщение о том, что в скором времени создаст на территории Азербайджана и Турции "исламские государства".

После визита в 2014 г. в РА председателя Еврокомиссии Ж. Баррозу российская сторона более активно стала поднимать вопрос энергетического сотрудничества России и Азербайджана, тем более, что немногим ранее Роснефть и SOCAR подписали соглашение о создании совместного предприятия. Российскую сторону также интересует решение Азербайджана подписать с ЕС соглашение о стратегическом партнерстве, и это при том, что на сегодняшний день отношения между Москвой и Брюсселем крайне напряжены, в т.ч. по ситуации с Южным потоком. В этой связи решение Азербайджана выйти на новый уровень в отношениях с Евросоюзом вполне можно трактовать, как своего рода "ответ" на интеграцию Армении в ТС и ЕАЭС.

Особое место в переговорах РФ и РА в сфере энергетики занимает вопрос Израиля и его газовых запасов. Вообще, запланированное Роснефтью и SOCAR совместное предприятие скорей всего будет осуществлять работы в средиземноморской акватории Израиля, который вполне может присоединиться к маршрутам поставок газа.

ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ ЦЕРКВЕЙ КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В.А. Потапов, аспирант кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ПГЛУ, научный сотрудник института стратегических исследований ПГЛУ

Наибольшее число МНПО религиозной направленности фактически или декларативно относят себя к христианской вере. Однако, несмотря на это, отличаются существенной пестротой течений. Одной из наиболее крупных и влиятельных христианских МНПО является т.н. Всемирный совет церквей (ВСЦ), организованный в 1948 году и сегодня объединяющий более 400 миллионов христиан, являющихся прихожанами 348 протестантских, православных и иных, относящих себя к христианству, церквей в более чем 100 странах мира. Штаб-квартира организации расположена в Женеве (Швейцария) [1].

Несмотря на существующие разногласия и несоответствие взглядов по ряду религиозных вопросов с некоторыми православными церквями, в декларации ВСЦ заявлено, что церкви-члены ВСЦ вполне самостоятельны и имеют суверенное право отвергнуть любое заявление или высказывание ВСЦ. ВСЦ выступает за отсутствие политики в религии и против присутствия религии в политике. Данная позиция была еще раз подтверждена в ноябре 2013 года на десятой Ассамблее ВСЦ в южнокорейском Пусане, где было заявлено, что "политизация превращает религию в разделяющий фактор, а религиозизация политики сеет религиозную ненависть и экстремизм" [2].

Тем не менее, ВСЦ традиционно глубоко интегрирован в политический процесс, что и обеспечивает его возможности многопланового влияния на принятие решений на международном уровне и, следовательно, оказание воздействия на международные отношения в целом.

Ключевую роль в становлении ВСЦ как международной организации сыграл известный американский политик-республиканец и бизнесмен Дж. Ф. Даллес, финансировавший становление организации и руководивший формированием её идейного содержания. Как и следовало ожидать, начиная с первой Учредительной Ассамблеи, проходившей под лозунгами преодоления коммунистического движения и распространения атеизма, ВСЦ был взят курс на достижение политического и идеологического влияния в мире.

Ни одна из последующих Генеральных Ассамблей ВСЦ не прошла без обсуждения значимых политических вопросов. В 1961 году темой обсуждения стало "критическое отношение православных к доминирующему в протестантском мире представлению о методах христианского воссоединения", однако принятие

резолюции с осуждением "коммунистического атеизма" было заблокировано делегацией Московской патриархии [3].

Исследовательский интерес вызывает тот факт, что ВСЦ, прошедший этап становления в качестве субъекта трансляции политики и интересов государств Запада, действовавших в рамках общей антикоммунистической политической парадигмы, с 1968 года становится проводником социалистической пропаганды. Это был результат блестящего совместного плана политических организаций СССР, Германской Демократической Республики, Польской и Венгерской Народных Республик, которые сумели во время встречи в 1968 году выработать ряд договоренностей по оказанию влияния на Ассамблею ВСЦ в интересах миролюбивой политики социалистических государств. Для делегатов от христианских церквей социалистического лагеря была выработана стратегия и тактика давления на Ассамблею ВСЦ, которая предполагала использовать трибуну ВСЦ с целью осуждения следующих политических действий и реалий, отождествляемых с западным капиталистическим миром: оккупации Израилем арабских земель; проявлений расизма и фашизма; американской агрессии во Вьетнаме; реваншистских тенденций правящих кругов ФРГ; акций западных стран, враждебных делу мира и социализма; империалистической политики; неоколониализма и т.д. [3]

Священнослужители – участники Ассамблеи от церквей государств социалистического лагеря – должны были добиваться увеличения мест церковных деятелей социалистических стран в руководящих органах ВСЦ. Более того, существовала договоренность о конкретных кандидатурах, избранию которых необходимо было содействовать. В результате активное противодействие западных священнослужителей было преодолено. В итоговых документах Ассамблеи отметили, что удалось провести линию по осуждению агрессивных действий США и Израиля [4; 27]. В ЦК КПСС был представлен отчет о том, что делегатами сорваны попытки избрать на посты председателя Центрального комитета ВСЦ и его заместителя враждебно настроенных к СССР лиц. В состав ЦК ВСЦ вошло 9 представителей социалистического лагеря. Одним из 6 президентов ВСЦ впервые избран представитель из социалистической страны (сербский патриарх Герман). Внешнеполитический курс ЦК КПСС имел успех, и в итоге СССР посредством ВСЦ оказал большое влияние на международные отношения, а РПЦ стала использовать трибуну ВСЦ для распространения внешнеполитических инициатив советского руководства. Данная линия продолжалась до 1983 года, когда на VI Ассамблее ВСЦ в Ванкувере была принята резолюция по Афганистану, позволившая СССР самостоятельно решать вопрос о выводе войск.

Таким образом, рассматривая деятельность ВСЦ как субъекта мировой политики, можно сделать вывод о том, что, несмотря на декларируемое организа-

цией осуждение вмешательства политики в религию и религии в политику, ВСЦ активно влиял на международные отношения в пору противостояния двух систем – социалистической и капиталистической. Данная международная неправительственная организация использовалась представителями церковью социалистических государств как трибуна для осуществления пропаганды и влияния на формирование образа социалистического лагеря за рубежом посредством использования возможностей церковной дипломатии. Данное положение не могло не вызвать отклик у международной общественности. В частности, Дж. Харрис, автор исследований влияния ВСЦ на международные отношения, приводит следующие цифры: с 1968 года ВСЦ под влиянием соцстран поддерживал революционные движения более чем в 30 странах, на что потрачено 10 миллионов долларов [5]. Более половины этих денег ушло на поддержку левых движений в Африке и программ по борьбе с расизмом. ВСЦ также обвиняли в том, что им финансировалось террористическое движение марксистского Патриотического Фронта Родезии в Зимбабве, после чего были казнены 209 белых и 1714 чёрных граждан, а также десять миссионеров и их детей.

Анализ современного состояния влияния ВСЦ на международные отношения свидетельствует о том, что оно носит не прямолинейный, а скорее опосредованный (косвенный) характер. Вместе с тем, ВСЦ сохраняет некоторую реакционность, осуществляя попытки вмешательства в политику в конкретных интересующих организацию ситуациях, обусловленных необходимостью поиска новых средств реализации международной политики.

В частности, в 1999 году ГА ВСЦ обсуждались вопросы мирового госдолга. Было внесено предложение о полном прощении всех долгов с одновременным ужесточением контроля за последующими займами [3]. В 2006 году ГА ВСЦ обсуждала проблемы взаимодействия со СМИ, прав женщин и молодежи. В 2013 году, на последней Генеральной Ассамблее ВСЦ в Пусане (Южная Корея) вновь обсуждались права женщин, причем в политическом контексте. В частности, работа ГА включала обсуждение проблем сексуального насилия в отношении женщин, особенно в ходе вооруженных конфликтов в Конго, а также страданий женщин и детей в результате обстрелов палестинских территорий.

Исследование форм современного международного взаимодействия с участием или под влиянием ВСЦ как МНПО религиозной направленности будет неполным, если не рассмотреть представляющую на первый взгляд алогичной позицию данной международной организации в отношении вторжения сил НАТО в Ирак в 2003 году. Несмотря на то, что американские протестантские церкви, в значительной степени, обеспечивающие финансовую состоятельность ВСЦ, влияют на выработку ее позиций по международным воп-

росам, в данном случае, позиция ВСЦ пошла вразрез с решением США. Жесткая критика последовала в адрес сил, которые использовали "ложные поводы" для вторжения в суверенное государство. ВСЦ признал действия альянса незаконными и подчеркнул, что "те 200 млрд долларов, потраченных США на финансирование этой войны, смогли бы обеспечить чистую питьевую воду для всех нуждающихся детей мира в течение 15 лет, что спасло бы 25 млн жизней" [6]. Под давлением ВСЦ и ряда стран международное сообщество вынуждено было начать дебаты с целью определения сроков сокращения и вывода из Ирака войск руководимой США коалиции, а также устранения иностранных военных баз из этого государства.

Высокая интенсивность критики политики США была продемонстрирована ВСЦ и в случае отказа США от ратификации статута Международного уголовного суда в связи с событиями на американской базе Гуантанамо, что было названо "неизвинительной попыткой получить безнаказанность за преступления" [6].

Анализируя данные позиции, можно предположить, что Центральный комитет Всемирного союза церковей стремится действовать в рамках формата, позволяющего увеличить вероятность одобрения всего мирового сообщества, подчас не поддерживая позиции государств, церкви которых оказывают определяющее воздействие на финансирование Совета. Данный формат деятельности, на наш взгляд, представляется нетипичным для международных неправительственных организаций религиозной направленности, чья деятельность так или иначе существенно зависит от государств или борющихся за власть политических элит. В большинстве случаев, финансирование, а также программный интерес, в т.ч. и потенциальный, заставляют МНПО религиозной направленности действовать строго в соответствии с политикой, определенной поддерживающим государством. Вместе с тем, подобная практика ВСЦ указывает на новую тенденцию, тенденцию выхода организаций из-под влияния поддерживающих государств или групп элит с целью приобретения или увеличения собственной власти и влияния.

Примечание:

1. What is the World Council of Churches? // World Council of Churches' official site. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oikoumene.org/en/about-us>
2. Всемирный совет церковей призвал не политизировать религию // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/religion/20131108/975627799.html>
3. Девять Генеральных ассамблей Всемирного Совета Церквей: 1948-2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=40666>
4. Ливцов В.А. Участие Русской православной церкви в Ассамблее Всемирного совета церковей в г. Упсала (Швеция) в 1968 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – №3-2. – С. 25-29.

5. Harriss J.A. The Gospel According to Marx. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavieto.com/docs/eng/gospel_accord_marx.htm

6. Центральный комитет Всемирного совета церквей принял заявления по общественным вопросам // РПЦ, Архив официального сайта Московского патриархата 1997-2009 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/archive/2005/02/8638/>

ИСЛАМИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В.А. Ширяев, аспирант кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики ПГЛУ, научный сотрудник института стратегических исследований ПГЛУ

Статистические исследования последних двух десятилетий, касающиеся численности мусульманского населения в Европе, а также прогнозы по её изменению совершенно, неоднозначны. Однако представляется возможным выделить одну основную тенденцию – численность населения, исповедующего ислам и постоянно проживающего на территории ЕС, в частности, в странах Западной Европы, неуклонно возрастает. Если исследования, проводившиеся в начале 1990 гг., говорили о том, что доля исламского населения в ЕС составляет около 4% – и прогнозировали прирост в течение следующих 10 лет максимум на 0,5%, то данные, полученные в 2011 году, констатируют долю, равную 6,1% от общей численности населения ЕС, при учете общего прироста населения Европы. Другими словами, на сегодняшний день прирост исламского населения в ЕС в сумме более чем 50% за 20 лет [1, 77-78].

Приводимая статистика может показаться незначительной, однако, если принять во внимание тот факт, что около 27-33 % жителей стран Западной Европы считают себя "нерелигиозными" или "убежденными атеистами", мы увидим, что среди оставшихся 2/3 населения ЕС, жители, исповедующие ислам, занимают немалую нишу [2]. В отличие же от общего числа христиан, которое ежегодно сокращается, количество мусульман растет еще более быстрыми темпами.

Подобное положение дел, по мнению ряда исследователей, формирует своего рода "внутреннюю периферию" на территории самого ЕС, тем самым приводя к интенсификации процесса обособления исламских общин на различных уровнях политического управления и затрудняя интеграцию мусульман в общественную жизнь их "новой родины". Если мы обратим внимание на историю исламских организаций в странах Западной Европы, а также в исторической ретроспективе рассмотрим процесс борьбы мусульман за свои права в этих странах, мы сможем выде-

лить длительно существующий тренд искусственного противодействия ассимиляции и интеграции в европейское общество со стороны проживающих на территории Европы мусульман. Вместе с ростом численности европейских мусульман растет и количество различного рода неправительственных организаций, гуманитарных и благотворительных фондов их подерживающих [2].

В настоящее время деятельность исламских организаций привлекает к себе все больше внимания со стороны власти, что обусловлено повышением активности участия граждан, исповедующих ислам в политическом процессе. Мусульманские МНПО на территории ЕС в свою очередь выступают в роли проводников исламизации, что неизбежно влечет за собой повышение внимания со стороны силовых структур и других органов власти. Таким образом, можно отметить формирование на "внутренней периферии" европейских государств отдельной формы политической акторности, связанной с политизацией ислама [3].

С учетом приведенных данных нельзя обойти стороной прилагаемые европейскими властями усилия по преодолению транснационального барьера в процессе интеграции мусульман в европейское общество. Главные игроки европейской политической арены – Германия и Франция, как государства, наиболее остро ощущающие процесс исламизации общества, прилагают огромные усилия для наиболее безболезненного прохождения периода ассимиляции мусульманских мигрантов. Это касается не только и не столько условий быта, сколько процесса принятия мигрантами общеевропейских ценностей, которые для мусульман любой ветви являются чуждыми и крайне не привычными [4, 99-100]. Исламизация политического процесса, на фоне роста общей численности мусульман и проблем в части миграционной политики формирует в европейском социально-политическом пространстве своего рода "исламулированную повестку дня", что применимо, пусть и в переносном смысле, не только к СМИ, но и к жизни коренного населения ЕС.

По мнению большинства исследователей, одной из важнейших причин роста численности мусульман в ЕС и увеличения их влияния на социально-политический процесс является фактор миграции из стран Ближнего Востока. Число беженцев, прибывающих с территории Северной Африки и Ближнего Востока, неуклонно растет. Это связано, прежде всего, с эскалацией напряженности в регионе в целом, а кроме того и ведением активных боевых действий на территории отдельных государств, в частности, в Сирии. Только по последним данным, приводимым в немецких и российских СМИ, на территорию Германии в сутки прибывает до 3000 беженцев [5]. С учетом сложившейся ситуации становится очевидным, что приток мигрантов, как легальных, так и прибывающих на территорию ЕС происходит незаконно, в первую очередь негативно сказывается на работе спецслужб ЕС, многократно увеличивая объе-

мы рутинной работы. Прямое тому подтверждение – произошедшие в столице Франции теракты. Следует обратить внимание, что в организации терактов активное участие принимали не вновь прибывшие мигранты, а лица, уже давно проживающие на территории ЕС и обладающие гражданством того или иного государства-члена ЕС [6]. Однако беспрецедентный поток беженцев негативно сказывается не только на деятельности силовых ведомств, но и на экономике Германии. На содержание пунктов временного размещения и другие расходы по содержанию мигрантов правительством Германии выделено порядка 4 млрд евро, что представляет собой нагрузку на бюджет и, в свою очередь, формирует негативный социально-экономический фон. А это только усугубляет внутренний социальный диссонанс между "центром" и "периферией" [7, 146-148].

Радикализация ислама в условиях европейского кризиса и явные проявления угроз безопасности государств со стороны международного терроризма являются следствием системных просчетов европейских властей и отсутствия готовности справляться с подобными факторами внешнего воздействия. В свою очередь радикальные исламисты, оказавшись в ситуации ослабленного контроля со стороны власти, получили возможность подготовки целого ряда произошедших в последний год терактов в Париже. Таким образом, встает вопрос о существовании на территории ЕС, структурированной и разветвленной системы подготовки исламистов созданной, в первую очередь, для проведения такого рода террористических актов. Система же, как можно справедливо предположить, для своего корректного функционирования должна была быть создана задолго до появления притока беженцев из стран Ближнего Востока, а сам по себе фактор миграции выступил в данном случае только в роли дополнительного дестабилизирующего звена в сложной цепи событий, приводящих к таким плачевным последствиям.

Сегодня деятельность исламистских организаций на территории ЕС привела к тому, что в условиях, образованных факторами миграции и внутреннего недовольства коренных жителей ЕС, стала возможной активизация процесса вербовки новых адептов, исповедующих идеи радикального ислама. Данная проблема наиболее сильно выкристаллизовывается, когда дело касается прямой или косвенной вербовки женщин и девушек со стороны адептов радикальных исламских организаций, таких как, например, "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ) или "Фронт Ан-Нусра", чья деятельность запрещена не только в ЕС, но и во многих других странах. Противоречие заключается в классификации со стороны законов ЕС таких женщин, как пособников террористам, при том, что фактически они являются их жертвами. К этой проблематике привлекается все большее внимание со стороны СМИ и общественных правозащитных организаций [8].

Вербовка новых адептов исламистами и их обучение на территории ЕС в условиях расширившейся с интенсификацией потока мигрантов этно-конфессиональной "внутренней периферии" формирует новый комплекс угроз безопасности региона и является дополнительным фактором исламизации политического процесса. С учетом отсутствия достойных условий быта беженцев, недостатка социальных связей в новых местах проживания и отсутствия правовой грамотности, новый социальный слой, состоящий из мигрантов, является удобным плацдармом для привлечения новых активных членов в такие организации, как ИГИЛ. В свою очередь, идеи радикального ислама, как видно на примерах все тех же смертников и террористов, совершивших ряд террористических акций в Париже, наиболее легко приживаются среди молодых мусульман, несколько поколений семей которых проживают на территории ЕС и имеют гражданство. Новый же приток мигрантов, по мнению властей стран ЕС, может привести к экспонентному росту численности радикально настроенных лиц и к дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе [10]. Это служит причиной примененных во Франции, Бельгии, Германии и других странах беспрецедентных мер безопасности, вплоть до введения режима ЧП.

Произошедшие трагические события в Европе повлекли за собой ужесточение контроля за деятельностью исламских организаций. Причиной тому стала, подтвержденная в ходе следственных действий, принадлежность исполнителей терактов к ряду исламских радикальных организаций. Исходя из этого, можно предположить, что власти стран ЕС, проводя политику толерантности и прилагая большие усилия, как на политическом, так и на социально-экономическом уровне, по интенсификации процесса ассимиляции беженцев и трудовых мигрантов из стран ближневосточного региона, таким образом, предоставили возможность развития целому ряду исламских организаций, в т. ч. и финансируемым из-за рубежа. На практике это означает, что понимая негативные последствия внутреннего расслоения общества на, своего рода, "центр" в виде коренных жителей ЕС и ассимилировавшихся мигрантов, и "периферию" в виде маргинальных слоев населения и новых поселенцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока, образовавших гетто даже в административных границах европейских столиц, политические элиты прилагали усилия по "умиротворению агрессора". Это привело, как мы видим, к катастрофическим последствиям, а именно, к образованию внутри государств ЕС исламистского подполья, обладающего возможностями для вербовки и снабжения активных адептов и подготовки масштабных террористических актов [11]. Возвращаясь к вопросу о роли исламских организаций, отметим, что "ответственность" за преступления, совершенные в Париже, публично взяла на себя исламская радикальная организация ИГИЛ.

Политический процесс в странах ЕС проходит период трансформации, появление нового спектра вызовов и угроз и усиление угрозы организованного терроризма приводит к консолидации политических элит. В связи с последними событиями политические лидеры системообразующих государств-членов ЕС принимают похожие решения не только в вопросах миграционной политики, единство мнений прослеживается также в части обеспечения безопасности. Факт усиления исламизированности как информационной, так и политической повестки дня приводит европейское общество к переосмыслению отношения к деятельности исламских МНПО. Если ранее страны Европы полагали возможным использование таких организаций, как ИГИЛ в качестве инструмента проведения собственной политики в ближневосточном регионе, то сегодня становится очевидным, что игра с религиозным экстремизмом, и радикальным исламом в частности, не приводит к ожидаемому позитивному результату.

Одним из основных последствий исламизации политического процесса в странах ЕС заключается в появлении санкционированного силового противодействия со стороны силовых структур развитию исламистского подполья и сама по себе констатация факта серьезности возникшей угрозы от радикального ислама на высшем уровне.

Примечание:

1. Захарченко А., Исламские общества внутри Евросоюза // Международные процессы. – 2007. – Том 5. – №2(14). – С. 74-85.
2. Доля мусульман в населении Европы за 20 лет возросла на 50% // Русская планета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/fact/islam-Evropa-8512.html>
3. Исламские организации Европы // Информационное агентство России "Islam news" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-6259.html>
4. Веретевская А.В. Мусульмане во Франции: особенности интеграционной модели // Вестник МГИМО – Университета. – 2012. – № 5. – С. 98-102.
5. Прибывающих беженцев развозят по немецким городам // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/прибывающих-беженцев-развозят-по-немецким-городам/a-18696513>
6. Двое исполнителей терактов в Париже проживали в Брюсселе // Коммерсант.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2854948>
7. С.М. Хенкин, И.В. Кудряшова, Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 137-155.
8. Радикальный ислам привлекает молодежь проповедью забытой либералами справедливости // Информационно-аналитическое агентство "Русская народная линия" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/opp/2015/6/10/radikalnyj_islam_privlekaet_molodyozh_propovedyu_zabytoj_liberalami_spravedlivosti/
9. Ануфриенко С.В. Коммуникационная стратегия терроризма как угроза национальной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2013. – № 3 (3). – С. 41-51.

10. Невеста для джихадиста. Как меня вербовали в Исламское государство // МКРУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2014/10/24/nevesta-dlya-dzhikhadista-kak-menya-verbovali-v-islamskoe-gosudarstvo.html>

11. Следы от терактов в Париже ведут и в Бельгию // Информационно-аналитическое издание "Столетие" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/tekuschiy_moment/kak_stolica_jes_stala_rassadnikom_terrorizma_507.htm

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ КИТАЙСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

*К.А. Евтюшин, аспирант отделения международных отношений и зарубежного регионоведения
Историко-архивного института Российского
государственного гуманитарного университета*

Определение направлений эволюции внешней политики Китая, подхода нынешнего руководства КНР к постановке задач в рассматриваемой сфере требует проведения лингвистического анализа политических выступлений (официальных документов, речей политических лидеров), в которых закладываются открытые и скрытые позиции к восприятию мира.

Для анализа было выбрано два основных типа текстов:

1) официальные тексты (выступления Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао на съездах КПК) – характеризуются практически отсутствием эмоциональной окраски, стиль более традиционалистский, чем в выступлениях;

2) выступления Си Цзиньпина по международным вопросам, где отражаются взгляды китайской политической среды на современное состояние развития отношений.

В ходе исследования использован метод контент-анализа, для которого были выбраны выступления лидеров Китая на XIV–XVIII съездах КПК. Важно было выявить наиболее часто употребляемые термины и понятия, которые образуют в пространстве китайских политических текстов наиболее устойчивые словасмыслы. Кроме того, особое значение имеет анализ содержания исключительно китайских терминов.

Следует отметить, что руководители китайского государства в выступлениях на съездах компартии в разделах, посвященных внешней политике, используют одни и те же термины, отражающие их восприятие ситуации на планете и определяющие задачи государства и направления деятельности:

- мир, мирное развитие и их "антиподы" – гегемонизм, силовая политика;
- мировая мультиполяризация;
- пять принципов мирного сосуществования;

– самостоятельная и независимая внешняя политика;

– гармоничное сосуществование различных сил (на XVII и XVIII съездах партии – "гармоничный мир"). Здесь отметим, что Ху Цзиньтао не дал расшифровку этого понятия на XVII съезде, а на XVIII уточнил, что это означает прочный мир и всеобщее процветание. Формулировка "гармоничный мир" впервые была упомянута на заседании по случаю 60-летия ГА ООН в 2005 г.;

– взаимодоверие, равенство, сотрудничество, взаимовыгода (с XVII съезда КПК – взаимный выигрыш);

– глобализация экономики.

В представленной ниже таблице приведены результаты анализа по частоте употребления ряда терминов на съездах КПК (табл. 1).

Таблица 1 – Частота употребления внешнеполитических терминов на съездах КПК

Съезд № / Термин	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
Суверенитет 主权	7			1	2
Безопасность 安全		1	3	5	5
Вызовы 挑战		1	1	2	1
Мир 和平	14	17	10	16	13
Развитие 发展	15	11	11	18	18

Термин "суверенитет" наибольшее количество раз встречается в докладе на XIV съезде в 1992 г. Это может говорить о следующих особенностях. Во-первых, в то время политический язык нового "открытого" Китая только формировался, и для того чтобы описать свое видение безопасности, был использован лишь этот термин. Во-вторых, необходимо иметь в виду нестабильную глобальную обстановку в конце XX в.: разрушение двухполярной системы, возникновение точек напряженности на китайских границах.

Как видно из таблицы, в дальнейшем термин "безопасность" и его конкретное описание практически заменит термин "суверенитет". Следует подчеркнуть, что если в текстах 90-х гг. XX в. понятие безопасности связано в основном с нестабильностью в мире, то в выступлениях руководителей КНР начала XXI в. безопасность связана с более широким кругом вызовов и трудностей. На XVIII съезде в 2012 г. Ху Цзиньтао говорит о новых формах безопасности (продовольственная, энергетическая, сетевая и др.). Очевидно, что в современных условиях официальный Пекин будет прилагать серьезные усилия для обеспечения именно этих аспектов безопасности.

В разделах докладов Генерального секретаря КПК, посвященных внешней политике, используется термин "гоцзя" ("государство, страна"), который в китайском языке состоит из двух иероглифов. Первый иероглиф/слово "го" в современном написании является упрощенным, схематическим рисунком карты Китая, а вто-

рой иероглиф "цзя" имеет значение "семья". Для понимания данного термина в китайской политической культуре существует выражение "да го сяо го", что дословно означает "большое и маленькое государство". Под первой частью этого словосочетания – "да го" принято понимать деятельность органов государственной власти, а также руководителей страны, в ведении которых находятся вопросы внешней политики. Вторая часть – "сяо го" поясняет, что занятие руководящего поста требует деятельности в русле общенационального/общегосударственного блага.

Термин "нация" – "миньцзу" является словосочетанием, состоит из двух слов: "минь" – народ и "цзу" – национальность (общность народа) и, как правило, используется именно во втором значении (указан в свидетельстве о прописке и в удостоверении личности гражданина КНР). Такое политическое определение, как "китайская нация" – "чжунхуа миньцзу", является собирательным и функционирует в лексиконе граждан КНР ханьской, т.е. исконно китайской национальности.

Также в речи Ху Цзиньтао, которая посвящена отношениям с Тайванем, фигурирует термин "соотечественники" – "тунбао", он состоит из двух слов: "тун" – одинаковый, похожий, без расхождений и "бао", которое означает

базовую структуру органического характера. Использование этого слова означает, что, с точки зрения политического руководства материкового Китая, граждане КНР и Тайваня являются единым целым, однако реальность (демонстрации в Тайбее в ноябре 2015 г. во время первой встречи Си Цзиньпина и Ма Инцзю) показывает, что граждане островного государства не считают себя соотечественниками и, соответственно, не видят необходимости объединяться с КНР.

Термин "тай ду" ("независимость Тайваня") в китайской политической культуре имеет негативную окраску, "независимость" определяется с помощью двусложного слова "фэньле", где "фэнь" означает "часть, доля, отделять", а "ле" – это "трещина", что в совокупности обусловило приобретение этим словом нового значения "сепаратизм", и именно данный термин применяется в КНР для обозначения деятельности незаконных организаций и движений, которые действуют на территории СУАР и автономного района Тибет.

Также в программной речи на XVIII съезде Компартии Китая были использованы термины "риски и вызовы" – "фэнсянь тяочжань" ("фэн" – "ветер", "сянь" – "опасность", "тяо" – "выбирать", "чжань" – "война"). Данные термины активно используются в китайской политической терминологии, более высокий уровень опасности означает слово "тяочжань".

Термин "гармоничный мир" – "хэсе шицзе" состоит из словосочетаний "хэсе" – "гармония" и "шицзе" – "мир". Данное словосочетание, означающее направленность внешнеполитических действий КНР, впервые

появилось в политическом лексиконе Ху Цзиньтао в 2005 г. Следует отметить, что Си Цзиньпин в своих выступлениях активно использует первую и последнюю части из состава трехкомпонентного лозунга, выдвинутого Ху Цзиньтао, – "равенство и взаимное доверие, толерантность и взаимное обучение, сотрудничество и общий выигрыш".

Интересна картина дифференциации мира в выступлениях руководителей Китая. Они делят мир по экономическому и географическому признакам, называя такие типы стран: "развитые", "развивающиеся", "соседние". При этом не упоминается ни одного названия страны, региона. Термины "запад" и "восток" как противопоставление различных политико-социальных моделей развития государств не встречаются. Но упоминается проблема "Юг-Север".

Практически не употребляется в выступлениях руководителей КНР такой широко используемый в современной внешней политике термин, как "стратегическое партнерство".

Следует отметить, что в выступлении в разделе о международных отношениях на XVIII съезде КПК стало больше экономических терминов: либерализация, удобоисполнимость торгово-инвестиционных операций, протекционизм, макроэкономическая политика. При этом геополитические термины, сформулированные по западной модели ("мультиполяризация", "экономическая глобализация", "культурное многообразие", "общественная информатизация"), в определенном смысле "уравновешиваются" применением многосложных терминов, сформулированных по конфуцианской традиции (равенство и взаимное доверие, сотрудничество и общий выигрыш).

Анализ выступлений руководителей китайского государства на съездах партии показывает, что они используют образные выражения, причем понятные не только китайцам, но и представителям других цивилизаций. Так, Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК при изложении внешнеэкономической стратегии заявил, что "Китай никогда не вредит другим ради собственной выгоды, не приносит в жертву ближнего", что явно является обращением ко всему христианскому миру. На XVIII съезде КПК Ху Цзиньтао, излагая задачи во внешнеполитической сфере, отметил: "История говорит нам, что волчьи законы – не путь к сосуществованию человечества, бряцание оружием не ведет к прекрасному миру". Образ волка в китайской языковой культуре имеет отрицательную коннотацию, означает агрессию, нападение, причинение вреда. Аналогична трактовка этого образа в культурах многих других стран. Очевидно, что использование таких выражений обусловлено тем, что официальные выступления являются не только источником информации для своих граждан, но и в значительной мере адресованы всему миру, прежде всего, руководителям мировых держав.

В ходе исследования был проведен и анализ официальной Интернет-страницы КПК на языке оригина-

ла. Сайт работает на шести языках: китайском, английском, японском, немецком, французском и русском. На Интернет-странице представлены подборки встреч, важных выступлений членов ЦК КПК. В результате анализа удалось выявить несколько интересных особенностей внешнеполитической активности лидера Китая, а также способов подачи информации об этом на Интернет-странице КПК.

Информация о политической деятельности Си Цзиньпина разделена на 4 основных блока: собрания, важные выступления, мероприятия и встречи. В рамках исследования были просмотрены материалы первого, второго и четвертого блоков за 2014 г. и первую половину 2015 г. и сделаны следующие наблюдения.

В разделе "Собрания" за этот период опубликовано 96 выступлений, из которых лишь 4 – посвящены международной тематике (азиатский регион, Латинская Америка).

В разделе "Важные выступления" опубликовано 130 выступлений, международным проблемам уделено 61 из них (около 47%). Если разделить эти выступления по регионам, то получится следующая картина: Азии уделено 18%, Латинской Америке – 6%, Европе – 5%, Африке – 4%, Австралии и Океании – 1,5%, США – 1,5%. Россия упоминается в четырех публикациях, в которых идет речь о сотрудничестве Китая с другими странами в рамках ШОС и БРИКС. Отдельно России не посвящено ни одного выступления.

В разделе "Встречи" за этот период опубликовано 348 выступлений, международным проблемам уделено около 90%, по регионам и странам: Азии уделено 42%, Европе – 18%, Африке – 8%, США – 7%, Латинской Америке – 5%, России – 4,8%, Австралии и Океании – 3,2%.

Для анализа были использованы следующие выступления Председателя КНР Си Цзиньпина:

- на собрании, посвященном 50-летней годовщине установления дипломатических отношений Франции и КНР (27.03.2014);
- в Парламенте Бразилии (16.07.2014);
- при встрече с президентом США Б. Обамой (13.11.2014) и госсекретарем США Д. Керри (10.07.2014);
- на Бандунгской конференции (22.04.2015);
- во время официального визита премьер-министра Индии Моди в КНР (15.05.2015);
- на Китайско-японской конференции дружбы и связей (24.05.2015);
- при встрече с Президентом РФ В.В. Путиным (09.07.2015);
- на VI саммите БРИКС (10.07.2015);
- на XV съезде Совета глав государств ШОС (11.07.2015).

Такая подборка представляется оптимальной для данного анализа. В ней представлена оценка Китаем отношений с развитыми и развивающимися страна-

ми, со странами из регионов Северной и Южной Америки, Европы, Азии и Африки. Таким образом, мы имеем определенный "срез" политической риторики КНР.

Проведенный анализ текстов позволяет сделать следующие выводы:

- стиль данного типа выступлений незначительно отличается от официальных посланий на съездах КПК, язык лишь несколько более разговорный, при этом руководитель китайского государства употребляет больше разных средств украшения речи: китайских пословиц, идиом, поговорок, изречений Конфуция;

- упоминаются лишь общие тенденции или проблемы, отсутствует конкретизация проблем международного развития. Наиболее точные характеристики и конкретный план действий Си Цзиньпин представил в выступлении на XV съезде Совета глав государств ШОС в 2015 г.: укрепление боеспособности стран-членов, создание "занавеса безопасности" в регионе, борьба с терроризмом и распространением ультрарелигиозных идей, необходимость реагировать на ситуацию в Афганистане [1]. Другие выступления менее конкретные, а некоторые и вовсе "абстрактные";

- в политической риторике сохраняется спокойный и позитивный тон, даже при анализе и описании международных проблем и вызовов; лидер Китая избегает прямой конфронтации, вуалирует внутренние решения. Таким образом он заявляет о сильной международной позиции своей страны, об отсутствии страха, политической истерии. Это определенный инструмент политической репрезентации китайской власти. Лидер Китая даже на проблемы смотрит с точки зрения потенциальной возможности их решения; более негативный тон был отмечен лишь в одном из отобранных выступлений, на Китайско-японской конференции по дружбе и связям в мае 2015 г. Большая часть выступления посвящена милитаристскому прошлому Японии, борьбе китайского народа против японских захватчиков. Си Цзиньпин заявил, что "любые высказывания, пытающиеся исказить и приукрасить историю японского милитаризма и агрессии, не будут восприняты народом Китая и народами других пострадавших стран...", "помните историю, чтобы создавать будущее; не забывайте войну в целях защиты мира" [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что китайско-японские отношения на межгосударственном уровне в определенной мере до сих пор строятся через призму прошлого, которое вызывает негативную реакцию у народа и власти Китая;

- прослеживается разная характеристика КНР в зависимости от того, с лидером какой страны Си Цзиньпин общается или в рамках какого формата делает выступление. Например, при встрече с Госсекретарем Д. Керри в июле 2014 г. Председатель КНР неоднократно говорил о том, что США и КНР являются "великими державами": "В прошлом году летом мы провели историческую встречу с Президентом США Бараком Обамой, мы пришли к важному взаимопони-

манию о необходимости упорно создавать новую модель китайско-американских отношений между великими державами" [3]. На выступлении в Парламенте Бразилии Си Цзиньпин говорит о том, что обе страны "являются развивающимися странами с огромным влиянием и странами с формирующейся экономикой" [4]. Такой же позиции он придерживается в разговоре с премьер-министром Индии, на Бандунгской конференции;

- прослеживается разный уровень оценки китайскими властями отношений с другими государствами. Отношения с США характеризуются как "новая модель отношений между великими державами" [5], отношения с РФ, Бразилией и Индией – как отношения стратегического партнерства (лишь с небольшой разницей в формулировках), отношения со странами в рамках Бандунгской конференции трактуются как "партнерские отношения развивающихся стран", "отношения формата "Юг-Юг";

- при изложении перспективы развития отношений Си Цзиньпин обычно выдвигает программу, которая состоит из 3-6 "шагов". При этом каждый из этих "шагов" имеет свое короткое название, которое в определенной степени раскрывает его смысл. Затем он переходит к планам и действиям, которые нужно произвести, чтобы реализовать замысел.

В целом, обобщая проведенный анализ, можно сделать следующие заключения:

- оценки внешнеполитической ситуации сдержанные, личное отношение высших руководителей КНР к международным процессам трудно выделить, а информация о внешней политике Китая носит общий характер;

- китайский политический язык обладает следующими характеристиками:

- принято использование англо-саксонских базовых политических и экономических терминов;

- частотное использование политических клише как западного, так и чисто китайского типов;

- выступления, как правило, построены по определенному канону – краткое формулирование темы выступления, исторический экскурс, описание текущей ситуации, проблем и вызовов, перечисление политических "шагов", необходимых для развития, выводы;

- использование фразеологических единиц китайского языка, а также изречений Конфуция;

- существует определенное "китайское" видение мира – по экономическому и географическому признакам; власти Китая практически не используют политический, религиозный и другие признаки;

- общий тон выступлений – позитивный; негативное отношение к проблемам не показывается, что может указывать на сильную позицию Китая и нежелание публично высказывать реальное отношение;

- в последние двадцать лет политический язык руководства КНР стал более разнообразным и ярким; в обиходе появляются новые, как западные, так и ки-

тайские термины; заметно, что с течением времени власти стали уделять важное значение не только реальным делам, но и способам подачи этих событий как населению Китая, так и международному сообществу.

Таким образом, в основном механизм формирования и принятия внешнеполитических решений КНР сформировался еще в 80-е гг. XX в., представляет вполне органичное сочетание действий партийных и государственных органов, деятельность которых четко регламентирована и подлежит многократной проверке и ступенчатому контролю, что обуславливает крайне редкие недочеты в геополитике. Единственной новеллой в этой системе стало образование консультативного органа – Комитета национальной безопасности по аналогии с Советом Безопасности РФ и СНБ США.

Анализ выступлений руководителей КНР за последние тридцать пять лет позволяет сделать следующие выводы:

– основные принципы внешнеполитической стратегии КНР остаются неизменными: проведение независимой и самостоятельной мирной внешней политики, неучастие в военных союзах, невмешательство во внутренние дела других стран;

– тесная взаимосвязь внешнеполитической и внешнеэкономической стратегий, заинтересованность в развитии отношений со всеми государствами для обеспечения экономического роста;

– системный подход к формированию внешнеполитического курса по отношению к разным регионам и странам.

В политическом самосознании руководства КНР в настоящее время вполне сочетаются традиционно китайские подходы к определению задач и методов их решения во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах и некоторые западные концепции (экономическая глобализация, стратегическое партнерство).

Можно выделить, хотя и достаточно условно, три этапа развития внешнеполитической стратегии КНР после начала "политики реформ и открытости":

– первый этап (80-е гг. – 90-е гг. XX в.) – этап проведения политики расширения внешних сношений на началах равенства и взаимной выгоды, при этом уже в конце 80-х гг. Дэн Сяопин в числе направлений внешней политики стал называть установление нового международного и нового экономического порядка;

– второй этап (конец 90-х гг. XX – первое десятилетие XXI в.) – более активное выступление на междуна-

родной арене, использование фактора экономической глобализации, продвижение идеи создания "нового международного политического и экономического порядка". На XVII съезде КПК (2007 г.) Ху Цзиньтао заявил о готовности Китая к глобальному сотрудничеству в обеспечении мировой и региональной экологической, энергетической, финансовой и экономической безопасности, а также в борьбе с терроризмом и другими угрозами;

– третий этап (второе десятилетие XXI в.) – объявление о готовности Китая играть роль ответственной страны; цель – стать мировым политическим лидером наравне с США на основе успехов в экономике.

В настоящее время на мировой арене КНР реализует так называемую "гранд стратегию", ее начало было положено в период руководства Ху Цзиньтао, при котором был сформулирован стратегический курс "мирного возвышения", сменившийся затем курсом "мирного развития".

Примечания:

1. См.: Си Цзиньпин: Туаньцзехучжу гуинь тьяочжань туйдун Шанхай хэцзо цзучжи шисянь синькуаюэ (Си Цзиньпин: Совместно помогать друг другу, совместно отвечать на вызовы, продвигать реальные прорывы ШОС) [Электронный ресурс]. People's Net. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0710/c1024-27287228.html> (дата обращения: 01.08.2015).

2. Си Цзиньпин чуси чжун жи юхао цзяолю дахой бинфабяо чжуньяо цзянхуа (Си Цзиньпин принял участие в Китайско-Японской конференции по дружбе и связям и выступил с важным заявлением) [Электронный ресурс] // Информационный интернет-центр КПК. URL: <http://src.people.com.cn/n/2015/0524/c64094-27046720.html> (дата обращения: 22.07.2015).

3. Си Цзиньпин: Нули гоуцзянь чжунмэй синьсин даго гуаньси (Си Цзиньпин: Прилагать усилия для создания китайско-американских отношений нового типа) [Электронный ресурс]. People's Net. URL: <http://world.people.com.cn/n/2015/0914/c1002-27577975.html> (дата обращения: 01.10.2015).

4. Си Цзиньпин цзай басихуйдэ яньцзян: хуньянь чуаньтун ёухао гунпу хэцзо синьянь (Си Цзиньпин на саммите в Бразилии: передавать традиции дружбы, совместно написать но-вую главу сотрудничества) [Электронный ресурс]. People's Net. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0717/c1024-25293089.html> (дата обращения: 01.08.2015).

5. См.: Си Цзиньпин хуйцзянь мэйго гоудин Кэли (Си Цзиньпин принял государственного секретаря США Д. Керри) [Электронный ресурс]. People's Net. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0518/c1024-27013922.html> (дата обращения: 19.05.2015).

УГРОЗЫ ТЕРРОРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ *

*М.М. Шульга, доктор социологических наук,
профессор Северо-Кавказского федерального
университета*

Масштабные теракты в различных странах мира, произошедшие в конце XX – начале XXI веков, свидетельствуют о том, что терроризм становится глобальной проблемой современности. Это актуализирует научный анализ феномена современного терроризма, выявление особенностей его трансформации в контексте глобальных изменений в целях обеспечения безопасности граждан, общества и государства.

Существуют различные подходы к определению сущности терроризма. Базовыми можно считать положения "Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма" генеральной ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 года, в которой подчеркивалось: "Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание" (1). Однако формальное признание преступной сущности любого терроризма не привело к отказу от террористических практик в современном мире.

Террористическая деятельность, по мнению многих специалистов, является асимметричным ответом на вызовы глобализации, реакцией, возникающей постмодернистской "сетевой" организации мира на давление со стороны традиционных иерархических структур управления мировыми процессами. Новые формы противостояния в рамках международных отношений обозначаются как "асимметричный конфликт" (2), "диверсионно-террористические войны" (3), "интервенции возмездия" (4), "постмодернистские военные операции" (5) и т.п. При этом следует отметить, что сами стра-

ны-жертвы часто используют борьбу с терроризмом в качестве явного или мнимого аргумента для решения более широких внешнеполитических задач – расширения своего влияния, оказания дипломатического и военного давления, реализации претензий на получение финансовой и технической помощи. По словам В.В. Путина, "если в международной практике, в практике международной жизни будет утверждаться принцип превентивного применения силы, то Россия оставляет за собой право действовать аналогичным образом для защиты своих национальных интересов" (6).

Одной из самых распространенных тенденций в современной науке стало отождествление терроризма с понятием политического насилия. Например, по мнению американских исследователей В. и С. Малиссонов, терроризм – это "систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилием для достижения публичных или политических целей". Г. Нонлау определяет терроризм как вид борьбы, который пытается принудить государственные органы или граждан насилием или угрозой к определенным действиям (7). По мнению директора лондонского института по изучению конфликтов Б. Крозье, "терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями" (8). В.П. Емельянов конструирует следующее определение терроризма: терроризм – это публично совершаемые общественно опасные действия или угрозы таковыми, направленными на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов" (9). Такой подход используется и в правовом определении терроризма в современной России. Согласно Федеральному закону Российской Федерации "О противодействии терроризму" терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (10).

Демонстративность, публичность, превентивное устрашающее воздействие – специфика терроризма, его основная целеполагающая установка. При проведении террористических акций их организаторы делают ставку на информационный эффект, который становится категорическим императивом в сознании и практической деятельности экстремистов. Ян Хардман справедливо отметил: "Публичность террористического акта является кардинальным моментом стратегии терроризма. Если террор терпит неудачу в том, чтобы вызвать информационный отклик в общественных кругах, это будет означать, что он бесполезен как орудие

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта "Реакция российского общества на северокавказский терроризм" (02-12-10), Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума Академии РАН № 32 "Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического региона в условиях роста напряженности".

социального конфликта. Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы теракта" (11). И. Александер также отмечал, что для террористов широкое освещение средствами массовой информации есть самое важное вознаграждение, и что последние "вольны или невольны становятся орудиями террористической стратегии" (12).

Объектом политического манипулирования становится широкий круг людей. В число жертв террора попадают не только непосредственно пострадавшие в терактах, заложники и их родственники, но и любой зритель, читатель, слушатель, вовлеченный глобализированным информационным потоком в эпицентр террористического действия. Использование террористами СМИ служит созданию атмосферы страха, возникновения у людей чувства незащищенности, безысходности, панических настроений, ответной агрессивности. При этом вошедшая ныне в практику безадресность покушений делает эти чувства особенно сильными. Неожиданными нападениями на разнообразными объектами, каждое из которых предвидеть и заранее пресечь практически невозможно, террористы стремятся создать иллюзорное представление о собственной вездесущности, неуловимости и всемогуществе.

В данном контексте, важным индикатором оценки террористических угроз является общественное мнение – совокупность оценок, суждений, установок, стереотипов по поводу проблемы терроризма, распространенных в массовом сознании.

Для выявления особенностей общественного мнения россиян нами был проведен анализ материалов сайтов трех ведущих центров по изучению общественного мнения: Всероссийского центра изучения общественного мнения (<http://wciom.ru/>), Фонда общественного мнения (<http://fom.ru/>), Левада-центра (<http://www.levada.ru/>).

На основе проведенного анализа выделено три этапа в динамике общественного мнения россиян по отношению к террористическим угрозам.

Временные рамки первого этапа – 1995-2002 гг. – осознание террористической угрозы. В 1995 г. захват заложников в больнице г. Буденновска стал первым массовым столкновением россиян с террористической угрозой. Захват заложников в здании Театрального центра на Дубровке показал, что терроризм становится неизбежным риском для современного российского общества. В общественном мнении этого периода террористические акты рассматриваются как то, что невозможно преодолеть. По результатам опросов 2000 г., 56% респондентов уверены, что Россия "обречена на многолетнюю борьбу с терроризмом". Показательным является тот факт что подобное мнение наиболее распространено среди участников опроса с высшим образованием (62%). Вдвое меньше оптимистов, надеющихся, что "терроризм в России может быть

искоренен в обозримом будущем (28%)" (13). Преобладают эмоциональные оценки, отражающие высокий уровень тревожности в обществе, отсутствует понимание и анализ самого явления терроризма. По результатам опросов общественного мнения в 1996 г. боялись стать жертвами терактов 83% опрошенных, в 2001 г. – 76%. Этот этап можно определить как эмоционально-информационный. Причиной террористических актов большинство населения считают месть за две чеченских войны. Сложившаяся ситуация активно используется лидерами экстремистов для оправдания террористической деятельности и привлечения на свою сторону определенной части населения, особенно молодежи.

Второй этап (2003-2009 гг.) можно артикулировать как критически-обвинительный – в общественном мнении формируется тренд на "поиск виноватых", преобладает критика политики властей, формируется понимание глобального характера террористических угроз в современном мире, происходит "привыкание", снижается (незначительно) уровень тревожности в обществе. По итогам 2003 и 2004 гг. террористические акты выделили в качестве главного события, привлечшего наибольшее внимание, более 50% и 70% респондентов ВЦИОМ соответственно. После трагических событий в Беслане терроризм впервые вышел во главу перечня наиболее серьезных проблем, стоящих перед страной, обогнав по актуальности традиционный набор социально-экономических вопросов – преодоление роста цен, стабилизацию экономического положения, борьбу с бедностью и безработицей (13). 65-67% опрошенных отмечают, что российские власти не в состоянии защитить население от новых вылазок террористов. Причем респонденты склонны возлагать ответственность за происходящее прежде всего на правоохранительные органы и спецслужбы (24% и 40% соответственно), в меньшей степени принимая обвинения в свой собственный адрес в недостаточной бдительности (8%) (15).

2010 г. – по настоящее время – третий, аналитический-прогностический этап, – в общественном мнении формируется понимание терроризма в России как постоянной угрозы, требующей мониторинга и прогнозирования, а также поиска действенных мер для предотвращения. По результатам опросов россияне склонны акцентировать внимание на социально-экономических корнях терроризма, растущем глобальном неравенстве и активизации конкуренции на мировой арене. Наблюдается усиливающееся отчуждение россиян от власти и возложение на нее вины за неспособность предотвратить террористические акты. Большинство опрошенных полагают, что главными причинами являются "новый передел мира из-за энергоресурсов, полезных ископаемых, рынков сбыта", "неспособность политиков справиться с задачами развития человечества", передел мира в свою пользу со стороны США". Немногие верят в то, что терроризм есть "война между

христианской и мусульманской цивилизациями". Еще меньше респондентов (6-8%) придерживаются точки зрения времен "холодной войны" и рассматривают террористическую деятельность в качестве легитимного средства "справедливой борьбы угнетенных народов за свои права и свободу" (16).

Нынешняя вспышка террористической активности ничем не напоминает то, что было пятнадцать лет назад. Тогда крупные вооружённые формирования сепаратистов пытались захватывать территории и устанавливать свои порядки. Нынешняя тактика террористов коренным образом отличается от прежней. Это точечные удары, имеющие целью парализовать работу местных властей, лояльных федеральному центру, и запугать гражданское население.

При такой тактике террористам не требуется крупных вооружённых формирований, которые к тому же легко обнаруживаются и уничтожаются федеральными войсками. С нынешним террором бороться гораздо труднее. Террористом может оказаться любой благонадёжный с виду гражданин. Новая тактика экстремистов на Северном Кавказе значительно больше напоминает манеру их "респектабельных коллег" из Западной Европы, которые превращаются в самостоятельную политическую силу. История развития террористических сепаратистских движений, действующих методом точечного террора в Западной Европе, демонстрирует общую тенденцию роста влияния сепаратистов через структуры легального прикрытия в том случае, если государственная власть идет с ними на контакт.

Обладая многоплановостью, терроризм, экстремизм и ксенофобия в современных условиях постоянно изменяются, при этом серьезно возрастают масштабы людских потерь, существенно поднимается уровень материального и морального ущерба для граждан, всего общества, расширяется спектр этого ущерба. Прямые или косвенные деструктивные последствия террористической и экстремистской деятельности затрагивают все основные сферы общественной жизни – политическую, экономическую, социальную, духовную.

Данные опросов общественного мнения свидетельствуют о его волнообразной динамике. В силу своей природы человеческая психика склонна амортизировать шок и спустя некоторое время "затенять" угрозу повседневными заботами (табл. 1).

Данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о том, что, несмотря на периодическое снижение

страха стать жертвой теракта, в обществе сохраняется высокий уровень тревожности. Следует отметить, что в целом, проблема терроризма так или иначе постоянно присутствует в общественном дискурсе. При этом она не рассматривается в качестве актуальной угрозы, непосредственно направленной на большинство населения, а скорее видится как некий абстрактный страх, постепенно переходящий в привычное состояние.

Таблица 1 – Динамика "страха" террористических актов (17)

Опасаетесь ли вы сейчас, что вы сами или ваши близкие могут оказаться жертвами теракта?	2001	2006	2007	2009	2010	2011	2012
В какой-то мере опасуюсь	52	52	54	44	51	56	48
Очень боюсь	26	25	17	17	31	16	22
Уверен, что ни со мной, ни с моими близкими этого не случится	12	8	10	13	9	13	14
Не задумывался над этим	8	13	16	24	8	13	17
Затрудняюсь ответить	2	1	2	3	2	2	1

Волнообразной является также динамика доверия населения российским властям, их возможностям в решении проблем терроризма на Северном Кавказе (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика доверия населения российским властям в вопросе решения проблем терроризма (17)

Как вы думаете, смогут ли российские власти защитить население России от новых террористических актов?	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Определенно да	3	6	6	9	7	6	16	8	6	3	8
Скорее да	17	22	26	21	33	37	50	41	30	29	42
Скорее нет	46	43	42	38	39	36	19	28	36	41	32
Определенно нет	28	22	20	27	12	10	2	9	10	16	11
Затрудняюсь ответить	6	6	7	5	10	10	13	13	18	11	7

Таким образом, для большинства населения очевидна неэффективность предпринимаемых ныне усилий по противодействию терроризму и неспособность государства, отвечающего за безопасность граждан, обеспечить эту самую безопасность.

Тенденцией изменения общественного мнения по отношению к террористическим угрозам является также тот факт, что, несмотря на сохраняющийся приоритет связи терроризма с Северным Кавказом, распространяется понимание того, что терроризм – это международное явление. 85% опрошенных признают связь, существующую между боевиками в республиках Северного Кавказа и международными террористами; почти треть населения обращает внимание на влияние Аль-Каиды и других международных террористических организаций, возлагая на них вину за серию терактов, прокатившихся по России (15).

Можно выделить фундаментальные причины того, что происходит сегодня на Северном Кавказе.

Во-первых, это высокий уровень безработицы, прежде всего среди молодежи.

Во-вторых, высокий уровень коррупции, осуществляемой через клановые структуры.

В-третьих, высокий уровень насилия, который осуществляется правоохранительными органами. Зачастую правоохранительные органы действуют не строго по закону, а в соответствии с логикой войны. В результате происходит привыкание к насилию, находится желание отомстить. Возникает социально-психологический эффект, выталкивающий людей в подполье.

В качестве причин также можно отметить ослабление кадровой политики, которое, в частности, выразилось в том, что редко происходит смена республиканского руководства. Происходит закрепление клановых структур и нарастание ожесточенной борьбы их друг с другом, при которой они зачастую используют незаконные методы.

И, наконец, огромная доля теневой экономики, которая работает в тесном контакте с криминальными структурами, что приводит к проникновению криминальных методов в экономическую и политическую активность.

Положение на Северном Кавказе усугублено еще и тем, что боевики позиционируют себя как общекавказское исламское движение и пытаются заставить власти играть по своим правилам. По мнению российских экспертов, группы боевиков объединены наднациональной идеологией, и это уже религиозно-политическое движение.

По мнению экспертов, на Северный Кавказ экстремизм и терроризм в религиозно-политической форме начинает активно проникать около двадцати лет тому назад. Одним из важных факторов геополитического характера распространения исламского радикализма на Северном Кавказе является разносторонняя поддержка их деятельности извне многочисленными международными радикальными исламскими центрами, зарубежными культурно-просветительскими и благотворительными организациями (18).

Так, с конца 80-х – до 1999 г. на Северном Кавказе действовали филиалы таких международных благотворительных, просветительских, культурных организаций, как: Международная исламская организация "Спасение" (МИОС), "Беневоленс Интернешнл Фаундейшн" (БИФ, штаб-квартира расположена в г. Чикаго, США), "Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами" (штаб-квартира в Кувейте), "Лашкар Тайба" (штаб-квартира в Пакистане), "Аль-Хайрия", "Аль-Харамейн" ("Al-Haramain Foundation" (образовательный центр в США), "Катар" (штаб-квартира в Катаре), "Икраа" (штаб-квартира в Джидде (КСА), "Ибрагим бен Ибрагим" (штаб-квартира в Джидде (КСА) и др., финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом. Для них характерны практически открытая

пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в северокавказском регионе исламского государства. По решению северокавказских судов в 1999-2000 гг. все они – за активную поддержку, в том числе и финансирование исламских радикальных группировок и организаций, были закрыты.

Исламские радикальные структуры на Северном Кавказе тесно связаны с радикальными исламистскими организациями за рубежом, за которыми просматриваются геополитические интересы как государств исламского мира, так и ряда западных держав.

Хотя у современного международного терроризма нет национальной, религиозной или территориальной принадлежности, но финансово, идеологически, технически и практически все террористические группировки связаны между собой. Представляя организованную силу, они фактически переросли в международное террористическое движение. Северо-Кавказский регион является стратегической территорией, подвергающейся интенсивной геополитической экспансии ряда иностранных государств, а также транснациональных корпораций. В рамках этой экспансии реализуются собственные интересы, противоположные как национально-государственным интересам России, так и истинным национально-культурным интересам народов Кавказа. Поддержка деструктивных сил на Кавказе иностранными государствами и их спецслужбами, подключение к этому процессу транснациональных финансовых и криминальных структур являются основными причинами, создающими напряженную ситуацию и качественно изменяющими характер угроз для России в Кавказском регионе.

Особенностью нынешнего этапа развития международного терроризма является тот факт, что террористы все меньше боятся негативного общественного мнения об их деятельности, они легко идут на убийство невинных людей.

Специфика современных терактов на Северном Кавказе заключается в том, что невозможно до конца понять, с какой конкретно целью был совершен каждый теракт – ответственность за многие из них ни одна группа экстремистов не взяла, и никаких требований выдвинуто не было. По мнению экспертов, здесь уместно говорить о социальном противостоянии, которое идет против правящих кланов, замкнувших на себе доступ к материальным и административным активам, и о противостоянии духовно-ценностном, идущем против современного уклада жизни северокавказских народов и против исламских течений, традиционно распространенных в этих регионах.

Следует отметить, что ситуацию на Северном Кавказе в целом большинство опрошенных оценивают как напряженную (2006 г. – 71%, 2011 г. – 55%, 2012 г. – 60%), а более 50% считают, что в ближайшие годы эта ситуация не изменится (19).

Особенностью сложившегося общественного мнения можно назвать также сохранение ориентации на силовые методы решения проблемы терроризма на Северном Кавказе (табл. 3).

Таблица 3 – Мнения респондентов о возможных способах борьбы с терроризмом (20)

Что следовало бы сделать, чтобы покончить с терроризмом в России?	04.2010
Ужесточить антитеррористическое законодательство, ввести смертную казнь для террористов	48
Не считаясь ни с какими жертвами, уничтожить все базы террористов на Северном Кавказе	33
Наказывать, высылать пособников, родственников, сочувствующих террористам	20
Запретить жителям Северного Кавказа въезд и проживание в городах России	17
Укрепить и закрыть границы между республиками Северного Кавказа и Россией, и предоставить руководству этих республик самим устанавливать порядок в регионе	16

Статистика террористических актов последних трех лет и многочисленные прогнозы экспертов свидетельствуют о том, что идет эскалация террористической активности. Анализ причин развития терроризма в Российской Федерации позволяет сделать вывод, что терроризм в ближайшие годы будет оставаться одним из важных элементов, определяющих политическую обстановку в нашей стране. Этому способствует существование всей системы внешних факторов объективного и субъективного характера, обуславливающих возникновение, сохранение и развитие террористической активности незаконных вооруженных формирований в России, целенаправленная и активная деятельность ряда международных организаций, главным образом религиозных, которые стремятся дестабилизировать обстановку в Российской Федерации.

В противодействии этому злу необходимо сосредоточиться не только на точечных операциях спецслужб или ликвидации социальной базы экстремистских организаций, но и на контрпропаганде, эффективных пиар-мероприятиях, способных нейтрализовать негативное воздействие терактов на общественное мнение, изучить и развенчать устойчивые мифы, существующие в сознании населения. Требуется разработка и реализация в сфере массовой коммуникации средств воздействия, раскрывающих антиобщественную природу терроризма и экстремизма в различных формах; создание системы социально-психологической, лингвистической экспертизы материалов, провоцирующих разжигание национальной и религиозной розни; создание и внедрение просветительских программ, программ по толерантности, веротерпимости и межкультурному диалогу в учреждениях образования, культуры.

Примечания:

1. Цит. по: Требин М. П. Терроризм в XXI веке. – Минск, 2003. – С. 774.
2. Мюнклер Г. Асимметричные угрозы. Военно-политическая стратегия терроризма // Меркур. – 2002. – № 633. Январь.
3. Хрусталева М. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. – 2003. – № 2.
4. Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. – 2003. – № 1.
5. Принс Г. Военный постмодерн // Независимое военное обозрение. – 2003. – № 13. – 27 января.
6. Время новостей. – 2003. – 5 ноября.
7. Авдеев Ю. И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М., 2000. – С. 37.
8. Political Terrorism. New York, 1978. Vol. 2. p.3.
9. Он-лайн энциклопедия/ <http://www.krugosvet.ru/node/39844>
10. ГАРАНТ: информационно-правовой портал // <http://base.garant.ru/12145408/>
11. Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930s. // The terrorism Reader: A Historical Antology. Ed. by Walter Laquer. London, 1979. P. 223.
12. Control of Terrorism: International Documents. Editor Yonah Alexander, Marjorie Ann Browne, Allan S. Nanes. Crane Russak, New York, 1979. p. XI.
13. Петрова А.С. Возможно ли предотвратить теракты? // <http://bd.fom.ru/report/map/of003404>
14. Евразийский монитор. Основные результаты второго этапа исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 4. – С. 9.
15. Поликанов Д. В. Российское общественное мнение о проблеме терроризма // http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/74/s31-37_Journal_Monitoring_74.pdf
16. Левашов В. Чувствуют ли себя россияне в безопасности? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 4. – С. 30-31.
17. Пресс-выпуск №2105 06.09.2012 // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113004> Данные приведены в % от общего количества ответивших на вопрос.
18. Ханбабаев К.М. Сущность и профилактика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе // <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/item/571-sushhnost-i-profilaktika-ekstremizma-na-severnom-kavkaze>
19. <http://www.levada.ru/30-03-2012/rossiyane-o-svoikh-opasenyakh-po-povodu-terroristicheskikh-aktov-i-situatsii-na-severnom>. Данные приведены в % от общего количества ответивших на вопрос
20. <http://www.levada.ru/archive/severnyi-kavkaz-chechnya/chto-sledovalo-sdelat-chtoby-pokonchit-s-terrorizmom-v-rossii>. Данные приведены в % от общего количества ответивших на вопрос

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

*А.К. Акопянц, кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии и социологии Российского
экономического университета им. Г. В. Плеханова*

Глобализация и информационная революция начала XXI века придают динамику участию социальных общностей и групп в политике, экономике и социальной сфере, актуализируя их роль в условиях динамично развивающихся государств и региональных подсистем международных отношений. В связи с этим целью данного исследования нам представляется рассмотрение трех аспектов взаимовлияния социальных групп и политических процессов: 1) динамики участия социальных групп в политике; 2) восприятие ими власти; 3) и их влияния на политическое мышление и политическое сознание всего общества. Данные аспекты рассматриваются нами в теоретическом ключе, однако имеют прикладное социально-политическое значение, в силу всевозрастающей роли группового и индивидуального фактора в современной политике. Исследование опирается на анализ и синтез социологических и политологических концепций и теорий.

Множество социологических макропарадигм, в том числе теория конфликтов, выдвигают идею борьбы между различными социальными группами, обусловленную социальной стратификацией и экономическим расслоением. В результате четкого разделения общества на страты и слои, социальные группы изолируются друг от друга и замыкаются на своем групповом сознании. Еще по мысли М. Вебера, например, одна и та же религия может по-разному восприниматься крестьянами, интеллигенцией, высшим классом [6, с. 267-296]. Для государства такая изолированность группового сознания несет негативные последствия, вплоть до социальных потрясений. При отсутствии социальной мобильности, многообразие взглядов и ценностей различных социальных групп практически незаметно и общественная система остается статичной. Однако, если "социальные группы находятся в процессе активной коммуникации, а горизонтальная и вертикальная мобильность в обществе возрастает, то влияние ценностных категорий и способов мышления разных социальных групп друг на друга увеличивается" [3, с. 84]. Значимость собственных форм мышления начинает колебаться и приводит к возникновению противоречивых концепций, неуверенности по отношению к существующему мировоззрению, и возможно даже появлению непримиримости

между социальными группами. Не случайно, смена общественно-политических формаций происходила именно в периоды возрастающей, восходящей мобильности одного класса в социальную структуру другого.

Данная логика приводит нас к разумному выводу о том, что общество, в котором высок престиж высшей страты, характеризуется значительной стабильностью. В первую очередь, потому, что формы мышления низших слоев не оказывают чрезмерного влияния на высшие, а последние не ставят под сомнение свое положение и значимость своих действий. А идеи и ценности низших слоев не находят должного отклика в обществе в целом. Отметим, что легальный путь проникновения идей низшего класса в политическую и социальную подсистемы общества обеспечивает значительное поле для маневра правящему классу для сохранения стабильности. Иными словами, демократический метод власти не обязательно обеспечивает гармонию в отношениях между социальными группами. Однако данный метод более прагматичен. Стратегически, легализуя "социальную борьбу", государство как социальный институт получает больше "очков в игре социальных групп". Для более детального осмысления данных процессов, с нашей точки зрения, необходимо рассмотреть некоторые аспекты восприятия феномена власти социальными группами.

Властные отношения в обществе, нам представляется, должны основываться на симметричном взаимодействии властвующей стороны и подчиненных. Легитимность власти обеспечивается формальными институциональными нормами. Недостаточная разработанность этих норм вызывает ощущение неопределенности в обществе. Так, профессор А. П. Кошкин, указывая на то, что "эффективную политическую коммуникацию можно построить только с учетом удовлетворения политических интересов социальных групп, предлагает классифицировать институты, создаваемые для регулирования отношений власти с обществом на медийные, поведенческие, идеологические и имиджевые. Где поведенческими институтами являются сами структуры власти и их политические действия" [1, с. 12]. Власть не может обладать авторитетом и действовать эффективно, если подчиненная сторона не воспринимает должным образом ресурсы и возможности ее институтов, и не ожидает удовлетворения своих групповых и индивидуальных потребностей.

Помимо значения социальных норм и институтов, эффективность применения властных полномочий в различных условиях культурной среды связана с ценностями и знаково-символическими системами [2]. Думаем, что ценностные ориентации социальных групп

населения на всех уровнях социальной лестницы влияют на авторитет власти и ее восприятие. Поэтому система ценностей объектов влияния должна быть упорядоченной. Отметим, что ценностные дезориентации характерны при противоречиях между официальными и неофициальными групповыми нормами. Противоречия возникают, если индивиды не воспринимают официальные нормы в силу непонимания и неясности последних, а неформальные нормы, основанные на неформальном лидерстве, представляются членам социальных групп более важными. С. С. Фролов называет такую ситуацию "уходом власти в массы" [5, с. 106].

Третьей группой факторов, влияющих на восприятие власти, являются психологические. Представители социальных групп соотносят прежние ожидания и переживания с собственными ценностными установками и взглядами на порядок функционирования социальных институтов. Возникает феномен "антисипации" или предвосхищения власти. Одновременно для восприятия власти характерен феномен коннотации, когда социальные группы подсознательно снимают неопределенность в отношении власти путем достраивания мысленного образа ее предполагаемых действий. Такие процессы восприятия не всегда эффективны, и зачастую приводят к неясным ожиданиям. В выигрыше могут оказаться лишь малые группы, которые наиболее активны и подготовлены к перераспределению ресурсов. Характерным примером такой необъективной антисипации и ложных ожиданий является разрушение советской системы и ситуация в политике и экономике в первой половине 1990-х гг. в России и странах СНГ.

Еще одна составляющая отношения к власти со стороны социальных групп формируется в виде транзитной психической конструкции, которая условно может быть названа ко-образом. Де-факто – это контекст воспринимаемых действий институтов власти [5, с. 109]. Ко-образ заставляет членов социальных групп воспринимать только некоторые особенности объекта восприятия. К примеру, члены общества могут быть осведомлены о внешней политике различных органов власти России, только на основе выступления представителей по отношению к политике европейских стран. Решение данной проблемы видится в выведении образа из контекста, а именно в управлении контекстом и формировании комплексного имиджа и позитивной репутации существующей системы власти. Нам представляется, что данный образ может быть дополнен имиджем ключевых внешнеполитических управленцев, активным PR международных проектов, и достраиванием образа в виде последовательной информации об иных направлениях внешней политики России.

Место таких социальных групп, как политические партии, общественные движения и группы интересов в политико-властных отношениях, можно рассмотреть на примере их зависимости от общественного мнени-

я. Начнем с политических партий. В большинстве случаев политические партии выигрывают выборы, основываясь на своей идеологической базе. При приходе к власти, у них возникает проблема выбора между необходимостью следовать запросам общественного мнения и желанием трансформировать свою идеологию в политические решения. Стремясь к повторному переизбранию, политический деятель обращает внимание на социальный запрос на "входе в систему". Если запрос представляется крайне важным для общества, то все партии, независимо от идеологии, стремятся его выполнить. От результата на "выходе из системы" будет зависеть дальнейший выбор электората. Партия будет иметь больше пространства для реализации своей идеологии только в том случае, если общественное мнение относительно индифферентно касательно того или иного политического вопроса. К примеру, если общественное мнение, в течение текущего политического цикла, индифферентно к вопросу об экономических правах нефтяных работников, то у групп интересов этой отрасли появится больше возможностей для лоббизма.

Социальные организации и общественные движения (СОД) и группы интересов так же зависят от мнения масс. Если большинство электората выступает за какое-либо политическое действие, то для действующей власти будет, по крайней мере, неразумно отвечать на отличные от масс требования СОД и групп интересов. Среди исследователей политической науки такую ситуацию называют "гипотезой прямого воздействия" [7, с. 385]. Чем более важным для общественного мнения представляется тот или иной вопрос, тем меньшее влияние получают политические социальные группы в процессе его законодательного обсуждения. Опасаемся, что, если в обществе остро стоит вопрос о медицинском социальном страховании, то вопрос прав профсоюзов на дополнительные путевки может и подождать.

Только если какой-либо политический вопрос не стоит остро на повестке дня общества (в рамках определенного политического цикла), то СОД и группы интересов имеют определенные шансы реализовать свои цели и потребности. Таким образом, партии, СОД и группы интересов находятся на разных позициях. В первую очередь потому, что партии отчасти контролируют правительство. Правящая элита может в случае необходимости проигнорировать мнение СОД и групп интересов, однако с партиями (прежде всего системными) дело обстоит сложнее. Нам кажется, что если социал-демократы имеют большинство в Парламенте, и при этом действующая элита состоит из представителей коалиции, то правящая элита не сможет вступить в прямое противоречие с социал-демократами. Однако без труда отложит законопроект по туризму, разработанный какой-либо ассоциацией.

Перспективы СОД и групп интересов при реализации своих планов зависят от ресурсов, которыми они

обладают, степени демократизации общества и развитости государственных институтов. В то же время, ресурсный фактор и контекст политической системы, в которой протекает их деятельность – разные факторы анализа. Социология изначально рассматривает организационный ресурс социальной группы, а лишь затем структуру политической системы, в которой она действует. Политическая наука, наоборот, концентрируется на политическом контексте, обусловленном потребностями и интересами властвующих групп.

Оба данных макроподхода сходятся в том, что понимание воздействия организаций на политику зависит от того, как имеющиеся ресурсы социальных групп влияют на их цели, при учете их потребностей и природы их действий. Властвующая элита учитывает интересы тех групп, которые обладают определенными рычагами воздействия на принятие политических решений и не отстранены от участия в политическом процессе. Важной для нее представляется информация о составе и численности той или иной социальной организации, наличии у нее мобилизационного ресурса сторонников, способности организации оказать материальную, информационную, организационную поддержку правящей элите, например, на выборах. Политики должны быть осведомлены об окружающей их общественно-политической обстановке, которая в том числе предполагает интересы и ресурсы СОД и групп интересов. При этом "рутинные", ежедневные коммуникации с этими социальными группами не представляют большого интереса для действующей власти до тех пор, пока их деятельность может быть как-то связана с растущими протестными настроениями в обществе [6, с. 387]. Для социальных организаций, в свою очередь, важны те аспекты политики, которые заставят правящие партии понять, что игнорирование потребностей организованных социальных групп угрожает их политическому будущему. Таким образом, численность СОД и их материальный ресурс, и политическое действие только тогда имеют значение, когда они связаны с потребностями электората.

Наряду с зависимостью от общественного мнения, необходимо рассмотреть место социальных групп в восприятии того или иного политического вопроса обществом. На процесс восприятия оказывают влияние следующие факторы: 1) биологические, социобиологические и культурологические; 2) индивидуальные характеристики тех, кто воспринимает информацию; 3) когнитивные и аффективные факторы, вызванные политической ситуацией; 4) характеристики развивающегося политического процесса [7, С. 58].

Люди обычно реагируют и интересуются вопросами или событиями, происходящими в других социальных группах. Отношение к той или иной социальной группе формируется, в основном, на основе ингруппового (желание взаимодействия с группой) и аутгруппового восприятия (тенденция к враждебности). Групповая катего-

ризация, особенно в политическом мышлении, формирующая чувство личной и групповой идентичности, строится по принципу "групповых лэйблов", например, гендерных, расово-этнических, или возрастных.

Нам представляется, что такие тенденции социальной поляризации особенно характерны для радикальных политических групп. На уровне группового создания это выражается в жесткой ингрупповой вовлеченности, через системы восприятия "мы-они", "друзья – враги", "наши – не наши", "такие как мы – другие", "правые – неправые" [4, с. 189]. Некоторые из таких групп имеют откровенную антисоциальную и антигосударственную направленность, противоречат интересам других социальных групп и общества в целом. Например, некоторые асоциальные взгляды националистических объединений чреватые серьезными межэтническими конфликтами, тоталитарные секты могут негативно воздействовать на институт семьи, финансовые пирамиды подрывают экономическую подсистему общества. Мораль таких групп, как правило, строится по принципу – цель оправдывает средства. Достаточно упомянуть группы террористов, которые реализуют свои интересы с помощью убийства мирных граждан. Будучи различными внешне, радикальные группы обладают множеством сходных черт, выраженных в их социально-психологических особенностях.

Если направленность ингруппового мышления радикальных групп не вызывает сомнения, то с интегрированными в социум общностями дело обстоит несколько сложнее, поскольку динамика их группового сознания – вариативна. Важную роль здесь играют индивидуальные характеристики получателей политической информации, такие как бэкграунд индивидов, степень их альтруизма, восприятие индивидуализма или социальной справедливости (как-то равенства), аффективные и когнитивные процессы, порожденные тем или иным политическим явлением (в том числе, феномен каузальной атрибуции). В данном случае имеет значение то, как подается политическая информация СМИ и правящими элитами. Характер подачи информации определяет, наличествуют ли в нем определенные сигналы для различных социальных групп.

Эти сигналы содержат информацию о характеристиках групп, их социальном статусе и порождают определенные ярлыки, которые содержатся в групповой памяти. Опираясь на подобные сигналы, ярлыки и различные казуальные схемы, индивид может определить степень справедливости по отношению к группе по широкому кругу вопросов (политических, экономических, социальных). Такие суждения, наряду с иными факторами, вызывают у индивида аффективную реакцию: позитивную или враждебную. Эмоциональные реакции, связанные с групповым мышлением, срачиваются с факторами личного интереса и наличествующих в обществе социальных норм, формируя совокупную оценку индивидом политического вопроса. Личный инте-

рес может либо усилить, либо ослабить ингрупповые и аутгрупповые предпочтения. То же касается и социальных норм, таких как солидарность, социальная справедливость или ответственность. Известно, что экологические организации пользуются символами природы в распространении информации о себе общественности. Кроме того, защита природы вызывает отношение социальной справедливости.

В каком случае фактор социальных групп будет влиять на общественное мышление? В данном случае, имеет значение как ясность, так и заметность групповых сигналов, посылаемых властью. Данную ситуацию можно представить в виде схем-континуумов. Начнем с ясности сигналов. На одной стороне будут находиться такие сигналы, которые ясны представителям групп и будут подхвачены большинством общества. Например, равные зарплаты для женщин или равные права для национальных меньшинств. В середине континуума – слабые сигналы групп, скорее латентные, чем манифестные, с точки зрения социальных функций. Здесь группы и их интересы не ясно упомянуты в ходе общественного дискурса, поэтому индивиду приходится строить связи между группой и тем или иным вопросом. Группы, которые становятся важными в оценке подобных слабых сигналов становятся для акцептора либо ингруппами, с которыми он себя идентифицирует, либо аутгруппами, которые вызывают достаточно сильную аффективную реакцию [7, с. 62]. Например, вопрос абортов является вопросом морали или прав человека для большинства общества. Для феминисток же или для новых правых эти вопросы – сигналы ин-групповой или аутгрупповой идентичности. Наконец, на другом конце континуума – вопросы, которые не порождают ни манифестные, ни латентные сигналы.

Второй континуум определяет, насколько заметны групповые сигналы, порождаемые политическим вопросом. С одной стороны, такого континуума будут очень яркие групповые сигналы, которые находят ясный отклик в обществе, на основе аффективных ярлыков. Например, национальные вопросы. С другой стороны, темы, которые не заметны для большинства членов общества. Например, защита прав производителей табака вряд ли вызовет большой резонанс в обществе. Наиболее яркие темы для политических вопросов – это национально-расовые, гендерные и возрастные. Когда ясность и заметность того или иного вопроса имеют место быть, последствия для общества будут прямыми. Если вопрос затрагивает, например, только яркие и/или латентные сигналы, то они затронут лишь часть общества. При отсутствии подобного сигнала группы не будут затронуты общественным мышлением. Полагаем, что если сигнал о социальной ответственности бизнеса исходит и от финансово-промышленных групп и от правительства, и принимается обеими сторонами, то сигнал яркий,

достаточно заметный, но, скорее всего, затронет лишь часть общественного мышления.

Как социальные группы влияют на общественное мышление? Ответ на этот вопрос лежит в оценке влияния ингруппового и аутгруппового восприятия. Здесь идентификация индивида с группой имеет критическое значение. Возникает так называемая "я-схема", приводящая к осознанию себя в групповой системе. Например, у женщины может быть определенная схема-восприятия феминизма, но, если она начинает применять эту схему к себе – возникает я-схема. Ингрупповые и аутгрупповые восприятия, естественно, не всегда объективны. Зачастую, позитивные действия ин-группы и негативные аутгруппы причисляют к внутренним факторам, а обратную ситуацию – к внешним. Это значит, что атрибуция заставляет либо винить в неудачах группы других, либо воспринимать удачу своей группы как ее заслуги. Индивид воспринимает заслуги группы как свои заслуги. Возникает ощущение взаимозависимости членов групп, которая воспринимается как общий интерес. В политике такая ситуация приводит к восприятию сопричастности к своей группе и ее предпочтениям. Нам представляется, общественное движение набирающее популярность, вызывает подобный ход мышления у представителей ин-групп.

Возможна обратная ситуация. Если сигналы слабые, то индивид начинает расширять границы групповой идентификации. И на оценку ситуации могут влиять как ин-группы, так и аутгруппы. Аутгрупповые сигналы сильны при наличии аффективного ярлыка, ассоциируемого с группой, слабой групповой идентификации индивида, казуальной атрибуции по отношению к групповому статусу, и эмоциональной реакции по отношению к группе [8, с. 65]. Эффективность влияния аутгрупп обусловлена двумя факторами: если аффективный сигнал ее очень позитивный или очень негативный, либо, когда повестка дня не проработана другими группами (например, ин-группой). Казуально, индивид задумывается, что получают группы в ходе политического процесса, и относятся ли к этим группам справедливо? Например, человек может осознавать, что бедный заслужил такой статус, но при этом испытывать симпатию в силу чувства социальной ответственности. Фактор справедливости влияет на эмоциональное восприятие группы. Если к аутгруппе относятся справедливо, обывателя все это мало волнует, если же относятся не справедливо, он начинает задумываться. Если у членов аутгрупп несправедливо слишком высокий статус – то это вызывает раздражение и враждебность. Характерный пример такой атрибуции, это отношение современного среднего класса к олигархическому капиталу и его политическим амбициям.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что участие социальных групп в политико-властных отношениях определяется совокупностью

факторов. Во-первых, это уровень структурированности социальных институтов и проработанности формируемых ими институциональных норм. Во-вторых, существенным аспектом отношений "социальные группы – власть" являются ценностные ориентации и знаково-символические системы, формируемые в процессе политического дискурса. В-третьих, полагаем, что фактор ингруппового и аутгруппового мышления, представляется одним из основополагающих и конструирующих систему современного политического восприятия общества.

Примечания:

1. Кошкин А.П. Российские коммуникации власти и общества // Известия российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2011. – № 4. – С. 8-16.
2. Кошкин А.П. Государственное регулирование в России XX век – смена парадигм : дис. ... докт. полит. наук. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disserscat.com/content/gosudarstvennoeregulirovanie-v-rossii-khkh-vek-smena-paradigm#ixzz3NNFhZzIj> (дата обращения 29.02.2016).
3. Меркурьев А.В. Социальные группы и их воздействие на политику // Социология власти. – 2009. – № 1. – С. 76-84.
4. Романов К.М. Радикальные социальные группы как предмет научного анализа // Вестник мордовского университета. Серия гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 187-193.
5. Фролов С.С. Восприятие системы власти представителями различных социальных групп // Социология власти. – 2012. – № 2. – С. 102-111.
6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
7. Burstein P. Impact of Political Parties, Interest Groups, and Social Movement organizations on Public Policy: Some Recent Evidence and Theoretical Concerns // Social Forces. – University of North Carolina. Vol. 81 (№2). December 2002. – С. 381-407.
8. Conover P. J. The Role of Social Group in Political Thinking // British Journal of Political Science. – Vol. 81 (№1). January 1988. – С. 51-76.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА РОССИЙСКИМИ ПЕЧАТНЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

С.В. Ануфриенко, кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ПГЛУ, старший научный сотрудник Института стратегических исследований ПГЛУ

Анализ российской федеральной и региональной прессы на предмет упоминания Северного Кавказа в связи с террористической проблематикой выявил семь основных направлений, оказывающих непосредствен-

ное воздействие на формирование образа региона. Эти направления, как правило, встречаются в публикациях журналистов не обособленно друг от друга, а переплетаются в конкретную сюжетную линию как взаимосвязанные элементы, вытекающие один из другого.

Следует констатировать, что упоминание Северного Кавказа в центральной прессе в значительной степени связано с темой терроризма и его последствиями для региона. Вне этого контекста жизнь региона и его жителей не представляет интереса для журналистов. В отличие от центральных СМИ, характерной тенденцией для местной прессы является присутствие в преобладающем числе публикаций, содержащих положительный или нейтральный контент относительно общего развития региона, указания на один или несколько деструктивных факторов, определяющих современное состояние Северного Кавказа.

Первое направление в формировании образа Северного Кавказа в материалах печатных изданий характеризуется постоянным подчеркиванием журналистами значимости этого региона. За Северным Кавказом устойчиво закрепилось понятие стратегически важного региона как для России, так и для целого ряда других стран. Зачастую журналисты используют понятие "Северный Кавказ" в аналогичном контексте для позиционирования его как ключевого региона Евразии в Черноморско-Каспийском бассейне и шире – в Средиземноморско-Черноморском бассейне. По мнению авторов публикаций, эффективность современного российского государства на сегодня может быть оценена в значительной степени по одному точному индикатору, которым служит ситуация на Северном Кавказе.

В прессе данная тема развивается в двух противоположных направлениях. С одной стороны, Кавказу в целом и Северному Кавказу в частности придается чрезмерная способность влиять на ход геополитических процессов континентального масштаба, что препятствует объективному восприятию проблем региона и поиску адекватных мер для их решения. В этой связи следует отметить, что журналисты и ученые, занимающиеся проблемами, например, Балкан, Каспийского или Ближневосточного регионов, приписывают этим территориям не менее глобальный уровень влияния.

С другой стороны, в печатных СМИ наблюдается противоположный подход – принижение значения Кавказского региона и навязывание ложных деструктивных стереотипов. В научных публикациях можно встретить аналогичную ситуацию. Так, например, А. Кузинцев предлагает следующую интерпретацию Кавказа: "Это мы, когда произносим "Кавказ", представляем нечто грандиозное – исполинские вершины, бездонные ущелья. Кстати вспоминаем о дюжине республик и автономий. На самом деле, Кавказ – это пятачок Евразии, где все "дванадцать языков" теснятся на нескольких равнинах среди бесконечных и бесплодных гор" [1].

На наш взгляд, значимость Северного Кавказа для России предопределена сохранением целостности государства. С этой точки зрения, любая территория России, склонная к сепаратистским настроениям и тяготеющая в культурном, конфессиональном или экономическом аспектах к соседним государствам, должна априори рассматриваться как уязвимое звено национальной безопасности РФ. Выдвижение иных причин значимости Северного Кавказа зачастую уводит журналистов от главной темы и порождает множество домыслов и мифов.

Тезис о значимой роли Северного Кавказа неизменно сопровождается указанием на его проблемность, конфликтогенность, что является вторым образом Северного Кавказа, формируемым в прессе. В этом аспекте Северный Кавказ представляется как взрывоопасный регион, являющийся источником нестабильности и террористической активности. Такая трактовка зачастую используется журналистами в собирательном значении в качестве аксиомы, при этом делаются ссылки на историю, перманентное наличие конфликтогенных факторов.

Нестабильность на Северном Кавказе, как правило, объясняется в прессе наивысшей в Российской Федерации концентрацией субъектных административно-территориальных образований, населенных многими десятками разных народов и народностей, высокой плотностью населения, наличием в пределах его границ опасных очагов общественно-политической напряженности. В то же время в публикациях печатных СМИ практически отсутствует конструктивный подход к представлению проблем региона, в рамках которого может освещаться положительный опыт решения конфликтных ситуаций, а также профилактические меры органов власти и экспертов, направленные на нейтрализацию деструктивных факторов.

В контексте проблемности Северного Кавказа в материалах прессы можно выделить несколько подтем. Северный Кавказ рассматривается как самый сложный регион, с точки зрения: 1) социально-экономической ситуации; 2) государственного управления; 3) национальной безопасности России; 4) международных и религиозных противоречий, перерастающих периодически в вооруженные конфликты; 5) сепаратистских тенденций. Эти подтемы наиболее рельефно и в полном наборе проявляются в публикациях в качестве условий, создающих почву для формирования второго варианта образа Северного Кавказа. Однако в различных сочетаниях они также присутствуют во всех образах региона, создаваемых печатными СМИ.

По материалам прессы, все субъекты Федерации СКФО можно разделить на две группы по степени упоминания в контексте темы терроризма. К первой группе, представляющей зону высокого риска проявления террористической активности, пресса относит: Чечню, Дагестан, Северную Осетию, КБР, Ингушетию, КЧР.

Следует отметить, что на фоне упоминания Чеченской республики в аспекте темы терроризма наблюдается тенденция к увеличению в печатных изданиях количества публикаций, связанных с событиями в других северокавказских субъектах Российской Федерации, что свидетельствует о соответствующей активизации террористической деятельности на этих территориях. Так, например, местная пресса Ставрополья неоднократно поднимает вопрос о превращении ранее сравнительно благополучной Кабардино-Балкарской республики в курортно-оздоровительную зону для отдыха и лечения террористов и их пособников.

Этот процесс позволяет, с одной стороны, говорить о наметившихся признаках стабилизации обстановки в Чечне, с другой стороны, констатировать смещение стратегического вектора терроризма, утратившего в значительной степени свои позиции в этой республике, в сторону усиления экспансии на соседние регионы.

Средняя степень причастности к феномену терроризма, как показывает анализ прессы, характерна для Ставропольского края, который в местных публикациях позиционируется как сложный регион, непосредственно граничащий с северокавказскими республиками и пострадавший от целой серии терактов. Тема терроризма в ставропольских изданиях поднимается, как правило, в связи с проблемами обеспечения безопасности и профилактики террористической угрозы.

Третьим вариантом образа Северного Кавказа в печатных изданиях выступает тема преступности в самых острых ее проявлениях – от терроризма и бандитизма до коррупции и злоупотреблений во всех органах исполнительной власти и местного самоуправления. Северный Кавказ называют одним из самых коррумпированных регионов России, питательной средой для развития криминального бизнеса. В публикациях подчеркивается широкое распространение мздоимства и взяточничества.

Высокий уровень преступности объясняется в СМИ сложившейся клановой системой управления, отсутствием действенной системы сдержек и противовесов в структуре исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Следует отметить, что коррумпированность является общей бедой России, характерной не только для Северного Кавказа, который не может существовать в отрыве от правового поля Российской Федерации. Представляется, что одним из путей решения данной проблемы должна стать деятельность СМИ, направленная не на констатацию деструктивных фактов, что может имплицитно способствовать формированию девиантной нормы поведения, а на пропаганду среди населения нравственных ценностей, осуждающих это разрушительное для государства и общества явление.

Четвертый образ Северного Кавказа формируется прессой с точки зрения состояния и перспектив социально-экономического развития Северного Кавказа. Среди факторов, оказывающих наиболее существен-

ное влияние на характер общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе, печатные СМИ выделяют крайне низкую инвестиционную активность в большинстве отраслей экономики, низкий жизненный уровень населения, рост безработицы.

Среди субъектов СКФО, в наибольшей степени нуждающихся в финансовой поддержке и материальной помощи со стороны Центра, в прессе отмечаются все северокавказские республики. Однако следует отметить, что предоставляемые дотации не всегда оказывают ожидаемое положительное воздействие на оздоровление экономического климата. Обострение проблемы занятости обозначается в прессе как один из элементов питательной среды терроризма. Причины остроты и усугубления проблемы усматриваются журналистами в притоке и перемещениях беженцев и переселенцев, составляющих конкуренцию местным жителям, особенно на территории Ставропольского края. Вместе с тем СМИ редко ставят задачи подробно изучить текущую ситуацию, разносторонне подойти к проблеме.

Пятый образ Северного Кавказа создается печатными СМИ на основе публикаций, посвященных усилению влияния радикальных исламских течений в регионе. Идеология религиозного экстремизма представляет собой реальную политическую и военную угрозу на Северном Кавказе. Анализ материалов СМИ показывает озабоченность авторов тем, что приверженцы радикальных исламских течений помимо Чечни начали активно проявлять себя в Дагестане, Адыгее, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Более того, по мнению журналистов, деятельность исламских фундаменталистов уже стала распространяться и на некоторые российские территории, являющиеся ареалом исконного православия. Северный Кавказ характеризуется насаждением псевдорелигиозных ценностей, что представляет реальную угрозу безопасности региона.

Экспансия религиозного экстремизма в значительной степени влияет и на эскалацию межэтнической напряженности на Северном Кавказе, который представляет собой регион со сложной социальной и культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 100 этнических общностей со своей исторической и культурной индивидуальностью, а также с высокой степенью конфликтогенности. Последнее обстоятельство позволяет проследить в материалах СМИ образ Северного Кавказа как региона со сложными межэтническими отношениями, предрасположенного к конфликтам в данной сфере. Иллюстрацией этому может служить осетино-ингушское противостояние, острая социально-экономическая и политическая обстановка в Дагестане, этнополитическая нестабильность в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Среди проблем, затрагиваемых журналистами в этом аспекте, помимо наличия перечисленных выше

межэтнических конфликтов и других источников напряженности, в ставропольской прессе журналистами высказываются опасения по поводу вытеснения русского населения с территории Северного Кавказа.

Седьмой образ Северного Кавказа строится в аспекте взаимоотношений "центр – регион" применительно к Северному Кавказу. В некоторых материалах СМИ отчетливо проявляется тенденция противопоставления России Северному Кавказу по схемам: "мы и они", "Россия – Северный Кавказ", "Россия – Чечня", в которых идея консолидации общества развивается не на общегражданской, а на этнической основе. Между тем формула "мы (Россия) – они (Северный Кавказ)" ослабляет государство, в том числе и в его противостоянии терроризму.

Среди факторов, способствующих разобщению социума, можно выделить достаточно высокий уровень кавказофобии в прессе, оказывающий влияние на общественное мнение.

Анализ прессы Ставропольского края позволяет подробно изучить деятельность печатных СМИ на предмет формирования образа отдельного субъекта РФ в СКФО в контексте освещения феномена терроризма. В Ставропольском крае тема терроризма постоянно сохраняет актуальность на страницах газет, что объясняется соседством и наличием общих границ с северокавказскими республиками, характеризующимися высоким уровнем террористической активности.

В ставропольской прессе обозначился "синдром прифронтной зоны". Руководители всех звеньев власти постоянно напоминают о приграничном положении Ставропольского края по отношению к Чеченской республике. Более того, все отчетливее просматривается тенденция увеличения удельного веса данной тематики в прессе региона Кавказских Минеральных Вод (КМВ), который пострадал от целой серии крупных терактов и на территории которого сохраняется реальная угроза проведения новых террористических акций. В течение последних лет население КМВ, помимо террористического воздействия, испытывает также воздействие фундаменталистской идеологии, этнического сепаратизма, религиозного экстремизма.

Тема межнациональной напряженности в ставропольской прессе прослеживается по линии: русские – кавказцы, русские – чеченцы. Как отмечает М. Аствацатурова, конструирование лица кавказской национальности как образа угрозы и опасности в местной прессе является социокультурным парадоксом на Северном Кавказе [2]. В основе проблемы межэтнических отношений в регионе лежат, главным образом, экономические и социальные причины – уровень доходов и условий жизни, возможность получения лучшего образования и карьерного роста.

Позиция прессы в этом вопросе выражается неоднозначно. С одной стороны, журналисты стремятся к конструктивному освещению этого вопроса с целью недопущения межэтнических вспышек. С другой сто-

роны, в изданиях находят отражение настроения части населения Ставропольского края, недовольной ситуацией в реализации национальной политики государства.

В контексте сказанного особую актуальность приобретает тема миграционной политики в крае. Наиболее часто причину террористической активности и неспособности власти эффективно противодействовать терроризму связывают именно с неконтролируемым потоком миграции как из Северо-Кавказских республик, так и из Ближнего зарубежья. Ставропольская пресса высказывает явное беспокойство по поводу изменения этнобаланса в крае, угрозы вытеснения русского населения из Ставрополя выходцами из Северо-Кавказских республик.

Тема терроризма в СМИ наносит также существенный ущерб экономике края, в первую очередь его курортному развитию в особо охраняемом эколого-курортном регионе Кавказских Минеральных Вод. Помимо причинения прямых потерь, террористические акты ухудшают общую этнополитическую обстановку на КМВ, снижают их привлекательность для отдыхающих и туристов. Курортные города КМВ вынуждены жить в режиме, приближенном к чрезвычайной ситуации, что негативно влияет как на настроение жителей КМВ, так и гостей региона. Специфика курортов КМВ отличается от морских курортов круглогодичным функционированием лечебно-профилактических учреждений, что требует регулярного несения службы в усиленном режиме с целью пресечения возможных терактов.

Таким образом, терроризм остается важнейшим дестабилизирующим и устрашающим фактором, который затрудняет и ставит под сомнение позитивную социально-экономическую и этнополитическую динамику Ставрополя. В связи с этим проблемы обеспечения безопасности, поиск эффективных способов борьбы с террористической угрозой являются приоритетными направлениями в национальной и региональной политике, в том числе и в аспекте деятельности СМИ.

Примечания:

1. Кузинцев А. Менеджер дикого поля / А. Кузинцев // Наш современник. – 2004. – № 11. – С. 183.
2. Аствацатурова М.А. Пресса Ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса / М.А. Аствацатурова. – Ростов-н/Д. ; Пятигорск : СКАГС, 2003. – С. 61.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ОПЫТА

*Г.В. Станкевич, доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры международных отношений,
политологии и мировой экономики ПГЛУ, ведущий*

научный сотрудник Института стратегических исследований ПГЛУ

Механизм управления государством посредством централизованной аккумуляции финансовых ресурсов и организации процесса их перераспределения требуют создания четкой системы финансового контроля, способной обеспечить законность финансовой деятельности государства и оценить ее эффективность и целесообразность. Контроль является неотъемлемым элементом любого процесса управления. Правовая природа того или иного вида контроля определяется характером тех общественных отношений, которые складываются в соответствующей сфере государственного управления. Реализация принятых в ходе государственного управления решений, так или иначе, обуславливает финансовые потоки.

Единство в управлении закономерно требует создания стройной системы государственного финансового контроля, которая исходя из общих механизмов контроля и четкой иерархической структуры контрольных органов, обеспечит законность и единообразие контроля за денежными средствами в бюджетной системе любого государства и позволит сопоставить показатели эффективности и экономичности использования государственных финансовых ресурсов на разных ее уровнях.

Необходимо ясное понимание того, что государственный финансовый контроль состоит из непосредственно контрольно-ревизионной работы и оперативного и адекватного реагирования на выявленные финансовые нарушения. Поэтому изучение и осмысление опыта различных государств по осуществлению мероприятий финансового контроля, является достаточно актуальным и своевременным.

Сейчас усилено внимание к правовому регулированию общественных отношений в области государственного финансового контроля и надзора, организации работы органов, осуществляющих государственный финансовый контроль и надзор.

В условиях реформирования системы государственного финансового контроля в России представляется особенно актуальным изучение опыта и тенденций совершенствования этого процесса в странах с развитой рыночной экономикой – в частности, во Франции. В связи с вышеуказанным рассмотрим существующие системы государственного финансового контроля Российской Федерации и Франции.

В результате проведенных реформ в Российской Федерации обновлен механизм государственного финансового контроля, в частности, ликвидирован ряд органов финансового контроля: федеральная служба страхового надзора, федеральная служба по финансовым рынкам с передачей их функций Центральному банку России. Кроме того, укрепились и расширились полномочия Федерального казначейства России, что позволило обеспечить высокую эффективность исполнения бюджетов бюджетной системы России.

В Российской Федерации создана система органов финансового контроля на уровне субъектов Федерации и на уровне органов местного самоуправления [2]. В 2014 году в России начала функционировать система внешнего и внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля [1].

Согласно положениям статьи 265 Бюджетного кодекса РФ, внешний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью Счетной палаты Российской Федерации, контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся соответственно органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местных администраций, Федерального казначейства (финансовых органов субъектов Российской Федерации или муниципальных образований).

В рамках проводимой реформы претерпел изменения и правовой статус Счетной палаты России. Согласно положениям Федерального закона от 5 апреля 2013 года N 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации", она является высшим органом внешнего государственного аудита (контроля) и обладает организационной, функциональной, а также финансовой независимостью и осуществляет свою деятельность самостоятельно.

Свои полномочия сохранили такие органы государственного финансового контроля, как Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная таможенная служба.

Несмотря на проведенную реформу важным, дискуссионным и до конца не решенным остается вопрос о системе органов финансового контроля в Российской Федерации. В практике зарубежных стран финансовый контроль, в зависимости от органов его осуществляющих, выделяют парламентский, президентский, административный, судебный финансовый контроль. В Российской Федерации до сих пор не принят Федеральный закон "О финансовом контроле в РФ", о необходимости которого специалисты говорят давно [5], так как он позволит укрепить единство принципов осуществления контроля и законодательно закрепить вопросы координации и взаимодействия контрольных органов, определит виды финансового контроля, не ограничившись внешним и внутренним.

Во Франции создана система парламентского, административного и судебного финансового контроля. Функции парламентского финансового контроля выполняет Счетная палата, судебного – специализированные финансовые суды. Административный конт-

роль ведется по иерархической структуре системы учета, когда бухгалтеры более высокого уровня контролируют более низкий уровень, а сами подчиняются главному казначею. Во Франции действует Генеральная инспекция финансов, связанная с кабинетом министра финансов, но не входящая ни в одно из управлений этого министерства. Финансовые контролеры вправе проверять состояние учета во всех звеньях государственных финансов, т.е. любого учреждения, а также частных организаций и предприятий, деятельность которых затрагивает интересы казначейства, например, транспортных и строительных компаний. Также законодательством Франции предусмотрено выделение органов внутреннего контроля, внутреннего аудита и внешнего аудита. Однако французская система внешнего контроля государственных финансов характеризуется наличием общенациональной структуры государственных бухгалтеров, работающих в административно-территориальных единицах страны (коммунах, департаментах и округах). Они наделены полномочиями управлять государственными денежными средствами, ответственны за правильность осуществляемых ими операций и обязаны возмещать за свой счет ошибочно выплаченные или невостребованные денежные средства. Учет государственных финансовых операций основывается на двух основных принципах: с одной стороны, на законом установленном разделении функций распорядителей кредитов (министры, руководители других государственных органов, председатели или мэры органов местного самоуправления, управляющие или директора государственных учреждений) и государственных бухгалтеров, а с другой стороны, – на персональной денежной ответственности государственных бухгалтеров [4].

Независимые контрольно-счетные органы представлены Счетной палатой Франции и региональными счетными палатами, которые являются именно органами внешнего финансового контроля. Примечательно, что независимый контроль во Франции изначально осуществлялся аналогично судопроизводству – был создан Суд Счетов, призванный выносить решения по соответствующим вопросам. Ныне действующая Счетная палата Франции создана на основании ст. 47 Конституции от 4 октября 1958 г. Полномочия Счетной палаты Франции чрезвычайно широки. Достаточно отметить, что она может тайно контролировать счета и ведение дел в государственных и частных учреждениях и предприятиях, получающих финансовую помощь от государства или от общенациональных государственных учреждений и предприятий. Счетная палата Франции проводит контроль в следующих формах: а) утверждение финансовых отчетов; б) судебно-правовой контроль; в) контроль управления (в российской терминологии – аудит эффективности).

Между Счетной палатой и РСП существуют как функциональные, так и институциональные связи:

– Президент РСП является в то же время магистратом Счетной палаты;

– в состав Высшего совета региональных счетных палат, председателем которого является Первый Президент Счетной палаты, входят магистраты двух уровней юридической правомочности, т.е. магистраты собственно Счетной палаты и магистраты РСП;

– Генеральный прокурор при Счетной палате направляет и координирует деятельность правительственных комиссаров при РСП;

– Комитет по связям координирует планируемые на каждый год совместные проверки Счетной палаты и РСП;

– Счетная палата наделена правом инспекции работы РСП;

– общие для РСП проблемы управления рассматриваются административными службами Счетной палаты без посягательства на административную самостоятельность каждой из них;

– ежегодный отчет содержит соображения как Счетной палаты, так и РСП.

Наряду с указанными контрольными органами, во Франции существует ряд других специализированных государственных учреждений с контрольными функциями: Центральная служба кредитного надзора, центр проверки балансовой отчетности, Палата бюджетной дисциплины. Таким образом, во Франции используется целостная система финансового контроля, охватывающая все стороны и стадии бюджетного процесса.

Сегодня назрела необходимость должного правового регулирования организации и деятельности органов государственного контроля, так как контрольная деятельность в России пока малоэффективна.

В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование действующего законодательства, призванное способствовать развитию методологической базы, терминологического единообразия и механизма формирования и функционирования системы финансового контроля. Важным является устранение незавершенности в вопросах формирования правовой базы государственного контроля. Нужно законодательно закрепить задачи, права, сферу действия каждого органа финансового контроля.

При совершенствовании системы финансового контроля, принципиально важно использование зарубежного опыта. Здесь речь может идти о поэтапной частичной или полной апробации отдельных областей данной практики. Считаем своевременным создание специализированных судебных органов для проверки балансовой отчетности административных учреждений, а также предоставление в законодательном порядке широких полномочий Счетной палате, являющейся не только во Франции, но и во всех развитых странах высшим судебным и независимым органом контроля бюджетных средств.

Примечания:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. N 145-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3823.

2. Федеральный закон от 7.02.2011 г. N 6-ФЗ "Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований". // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 903.

3. Федеральный закон от 5.04.2013 г. N 41-ФЗ "О Счетной палате Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.

4. Васильева, М.В. Мировой опыт организации государственного и муниципального финансового контроля и возможность его применения в России / М.В. Васильева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 25. – С. 46-56.

5. Конюхова Т.В. К вопросу о концепции проекта федерального закона "О финансовом контроле" // Журнал российского права. – 2006. – № 6.

АКТУАЛИЗАЦИЯ РИСКОВ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА В СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

*О.П. Бессмертная, соискатель, Северо-Кавказский
федеральный университет*

Выход из политического, экономического и демографического кризиса многие создатели прогнозов будущего развития человечества видят в решительном всеобщем изменении общественного сознания и установок людей и их морали. Необходимым условием минимизации рисков во всех сферах жизнедеятельности человека является минимизация рисков культурного развития и трансформация ценностных ориентаций, так как риск объективен по своим последствиям, но человек способен минимизировать риски, если осознает и формирует особые нравственные установки и, разумеется, следует им в своей деятельности. В социально-политической сфере риски обуславливаются процессами рефлексивной модернизации, критикой результатов предыдущего развития общества – этапа Модернити и индивидуализма, царящего в рамках индустриального социума, и особенно – последствий разрушения традиционных ценностей и норм [9, с. 18].

Возникновение и развитие рисков современного социально-политического общества связано с качественным модифицированием социально-политического пространства и политических сетей, в результате чего изменится массовое сознание, ценностные установки и политические идеалы не только индивидов, но и целых групп и сообществ, в том числе и этнических групп [7], [8]. Нормы и моральные принципы в переходном обществе существенно трансформируются, и не совсем ясно, в каком русле будет происходить подобная трансформация [1, с. 31]. Иначе говоря, нестабильность и неустойчивость социально-политичес-

ких отношений делают общество более рискогенным [2, с. 98].

Американский социолог Р. Парк обратил внимание на то, что в рамках индустриально-городских систем появятся "отравы", "яды", разрушающие традиционные устои и социальный порядок: "Так же, как тело человека порождает яды, которые, в конце концов, приводят к его гибели, коллективная жизнь в процессе развития и в результате попыток ответить на требования, выдвигаемые этим развитием, приводит к болезням и порокам, которые разрушают это сообщество" [10, с. 956-957]. Инновационный характер индустриального общества, преодоление традиций в культурной сфере проявляют себя как рискогенные факторы, порождающие кризисы духовно-нравственного развития. Инновации, которые появляются в культурной среде, уничтожают культурные традиции. Однако в современном обществе наблюдается лавинообразный характер культурных инноваций в связи с развитием средств коммуникации и качественным ростом средств массовой информации. Развитие средств массовой информации также становится фактором риска в современном обществе, потому что существует определенная опасность подчинения сознания индивидов непрерывному информационному потоку. Говорят даже о "промывании мозгов", о манипуляции общественным сознанием. Неслучайно в современном социуме возникло такое явление, как конкуренция информационных магистралей. Доминирование крупных корпораций масс-медиа, глобальных информационных магистралей практически делает почти невозможным вход через их фильтры приватной информации. Особый риск связан со всё большим укоренением в повседневной деятельности виртуального. Виртуальная реальность становится атрибутом современной культуры, превращается в фактор социокультурного развития современного общества. По этому поводу Жан Бодрийяр отметил: "...сегодня наблюдается ничем не прикрытое влечение к виртуальному и связанном с ним технологиям. И если виртуальное действительно означает исчезновение реальности, то оно, вероятно, есть пусть и плохо осознаваемый, но зато смелый, специфический выбор самого человечества: человечество решило клонировать свою телесность и свое имущество в другой, отличной от прежней, вселенной, оно, по существу, отважилось исчезнуть как человеческий род, чтобы увековечить себя в роде искусственном, гораздо более жизнеспособном, гораздо более эффективном. Не в этом ли смысл виртуализации?" [4, с 31-32]

Как полагает философ, именно те технологии, которые ответственны за расцвет темной стороны культуры, за частичную деструкцию человечности, все-таки, в конце концов превратят человека в существо свободное, избавленное от ценностных ориентиров, от мира рассудочности. В современных условиях каждый шаг социокультурного развития является рискованным, так как может привести к всеобщим катаклизмам: "Сегод-

ня мы находимся на таком этапе нашей эволюции, на котором нам не дано знать, освободит ли нас, как на то надеются оптимисты, достигшая высшей степени сложности и совершенства техника от самой техники или же мы идем к катастрофе. Хотя катастрофа, в драматургическом смысле этого слова, то есть развязка, может, в зависимости от того, с какими действующими лицами драмы она происходит, быть и несчастием, и счастливым событием" [4, с. 33].

Драматичным и рискогенным фактором является для судьбы культуры процессы глобализации, прежде всего потому, что она может способствовать культурной унификации во всем мире, а значит, может разрушить традиции тех или иных уникальных этнических сообществ до основания. В связи с этим П. Бергер замечает: "В ходе публичных дискуссий термин "глобализация" вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда (один французский правительственный чиновник остроумно назвал такую ситуацию "культурным Чернобылем")" [6, с. 9].

Пожалуй, в качестве самого наглядного проявления зарождающейся глобальной культуры являются это средства распространения массовой культуры, которую тиражируют коммерческие корпорации всех видов. Хотя контроль за этими корпорациями осуществляется элитами различных государств, все же во всем мире массовая культура безудержно проникает в широкие слои населения.

Фактором развития современной культуры и ее универсализации также является процесс медиатизации и рост телекоммуникационных систем. Именно развитие телекоммуникационных сетей, в том числе и сетей Интернета в постсовременном обществе становится базисом пространственной структуры социально-культурной жизнедеятельности. В основе всяких сетей лежит коммуникация индивидов. О каких бы организационных структурах, информационных системах ни шла речь, на выходе стоит индивид. Изменения и наиболее очевидные трансформации социокультурного пространства надо искать в модификациях жизненных стратегий современной личности [5].

Речь идет не только о психологическом изменении, котором пришлось пережить индивиду в последние десятилетия. Обычный человек сегодня днем и ночью привязан к трубке мобильного телефона. В своем повседневном общении он, как правило, окутан сетью культурных контактов. Культурные связи становятся все более обезличенными и мимолетными. Культурное взаимодействие в постсовременном обществе должно легко возникать и быстро завершаться. Для этого прекрасно служат сообщения по электронной почте,

короткие SMS-сообщения, распространяемые по мобильным телефонам.

Таким образом, глобализация, медиатизация и развитие средств коммуникации и средств массовой коммуникации являются факторами возрастания в современном обществе рисков социально-политического и духовно-нравственного развития человечества и социальных общностей. Главные риски в культурной сфере связаны именно с возникновением социокультурных разрывов при переходе от традиционного и индустриального типов общества к принципиально новым типам общества. Данный тип социума можно характеризовать как "постсовременное", "постиндустриальное", "информационное", и оно является принципиально новым типом социальности в истории человечества.

Примечания:

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А. Методологические особенности исследования социальности как социально-философской проблемы // *European Social Science Journal*. 2013. – № 12-1 (39). – С. 31-36.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Коломак Л. А. Социокультурные факторы изменения обыденного сознания в китайском обществе // В сборнике: *Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния* Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции. под ред. Н. Л. Глазачевой, О. В. Залесской. – Благовещенск, 2013. – С. 97-102.
3. Бакланова О. А. Специфика исследования коллективизма как базового типа социального бытия // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова*. 2012. – № 1. – С. 18-21.
4. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с франц. Н. Суслова. – Екатеринбург : У-Фактория. 2006. – 200 с.
5. Бондаренко Н. Г. Детерминизм и коммуникация в современной социальной теории / Н. Г. Бондаренко. – Пятигорск : Реклам.-информ. агентство на КМВ, 2003. – 218 с.
6. Бергер П. Культурная динамика глобализации // *Многоликая глобализация* / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
7. Косов Г.В., Потапов В.А., Ширяев В.А. Политические сети: специфика современной архитектоники // *Власть*. – 2013. – № 10. – С. 064-069
8. Косов Г.В. Трансформационные процессы глобального социально-политического пространства // *Власть*. – 2013. – № 3. – С. 063-066.
9. Розанов Ф. И. Тенденции и "зоны риска" социально-экономической трансформации информационного общества // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). 2012. – № 9. – С. 18.
10. Park R. E., Burgess E. *Introduction to the Science of Sociology*. – Chicago, 1924. – p. 956-957.

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ "НИГИЛИЗМ" И ЕГО КОННОТАЦИИ

О.В. Федотенкова, преподаватель Армавирского
социально-православного института

Мощный подъем различных нигилистических движений и идеологий во второй половине XX – начале XXI в., в частности, превращение на рубеже веков в активную политическую силу радикального ислама, политическая активизация националистических сил как в странах "третьего мира", так и на самом Западе, способствовали резкому обострению политических противоречий на международной арене. Размах экстремизма и терроризма в современном мире вынуждает политиков и ученых обращать внимание и обсуждать крайне болезненные проблемы религиозных, национальных, классовых разногласий, проявляемых как "конфликт идентичностей" [9], в существующего даже на уровне обыденного сознания социальных субъектов [13, 121]. Эти вопросы оказались в центре многих политических и научных дискуссий. В последнее время лавинообразно растет число работ, посвященных различным аспектам нигилистического мировоззрения и в России. Возникновение противоречий в национальных и конфессиональных отношениях, наличие тяжелых девиаций в массовом сознании порой ставят под сомнение правомерность модели социокультурной интеграции в условиях существующей формы социальности в России [1], [2]. Следовательно, тема нигилизма имеет очевидное теоретическое и практическое значение. Эволюция нигилистических идей и настроений в истории общества, раскрытых в философских системах, религиозных учениях, проявляет себя как последовательность социально-исторических типов нигилизма. Социально-исторические типы нигилизма сосуществуют в едином пространстве социально-философского дискурса, детерминируя стратегии индивидуального и коллективного целеполагания, взаимно дополняя друг друга и активно взаимодействуя между собой [5]. В современной ситуации нигилизму необходимо "придать статус специфического предмета социально-философского познания и выработать адекватные онтологические, гносеологические, аксиологические и методологические принципы его анализа" [4, 3].

В истории общественной мысли понятием "нигилизм" выражали свое отношение к различным философским позициям, например, философскому эгоизму или солипсизму, идеализму, атеизму, пантеизму, скептицизму, материализму и пессимизму, а кроме того, оно служило для обозначения религиозных, политических и литературных течений [11, 281]. Ален Бадью заметил, что "у каждой эпохи – и ни одна из них в конечном счете не лучше другой – своя собственная фигура нигилизма" [3, 62]. Следует отметить, что нигилизм представляет европейский феномен, а слово "нигилист" использовали для негативной характеристики определенных политических и социальных установок во французской литературе после 1793 г., в которой оно не совпадало с философским значением понятия "нигилизм" в Германии [4, 281].

Как особый термин нигилизм был введен в оборот немецким философом Ф.Г. Якоби. По словам А.В. Михайлова, "он создал понятие "нигилизм", и это понятие было, если можно так сказать, его "эпохальным" открытием" [6, 21]. Ф.Г. Якоби использовал термин нигилизм для характеристики теоретической философии Канта, а также наукоучения Фихте (в котором он видел последовательного кантианца). По Якоби, кантовский "нигилизм" имеет два аспекта. "Во-первых, Кант уничтожает реальность предметов чувственного опыта, именно тех предметов, среди которых мы живём и которые мы познаём. Во-вторых, сверхчувственные предметы идей разума (и прежде всего – Бога) он превращает в пустые фикции, продукт "гипостазирования", т.е. равным образом лишает их подлинной реальности" [14, 14].

Обращение к историографии вопроса демонстрирует, что понятие нигилизм всегда определялось через "ценность", "утрату ценности". Наиболее полное свое теоретическое обоснование нигилизм получил в концепции Ф. Ницше, чьи размышления о нем положили начало целой философской традиции. С конца XIX века распространение получает ницшеанское понимание нигилизма. Ницше называет себя "первым совершенным нигилистом Европы", у которого "нигилизм уже позади". Он определит ближайшие два столетия, чтобы позже ему на смену пришло "контрдвижение" переоценки всех ценностей. Но прежде нужна селекция сверхчеловека. В нем воля к власти переживает свое высшее творческое выражение. В работе "Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей" Ф. Ницше рассуждает о надвигающемся историческом событии: появлении нигилизма. Нигилизм здесь выступает логикой развития ценностей и идеалов, которые обнажают в нем свою исчерпанность и должны найти в нем свой конец. Так, Ф. Ницше писал: "Что означает нигилизм? – То, что высшие ценности утрачивают свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос "Зачем?" [7, 5]. Свой нигилизм Ф. Ницше называет радикальным, т.к. этот нигилизм есть убеждение абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых моральных ценностей, поэтому он призывает отказаться от несовместимых с жизнью моральных идеалов. Ф. Ницше выделяет следующие формы нигилизма:

Во-первых, неполный нигилизм, который представляет "попытки избежать нигилизма, не переоценивая бывших до сего времени в ходу ценностей; они приводят к обратному результату, обостряют проблему" [5, 14].

Во-вторых, полный или законченный нигилизм утверждает переоценку всех ценностей, полное отрицание высших ценностей.

В-третьих, крайний нигилизм, признающий переоценку всех ценностей, но при этом сопровождает ее своеобразным промежуточным состоянием взвешенности.

В-четвертых, пассивный нигилизм как падение и регресс мощи духа. Это усталый нигилизм, утративший наступательность, примером его является буддизм с его самоустранением от порождающих страдание побуждений жизни.

В-пятых, активный нигилизм, который выступает на путь определения истины. Активный нигилизм как знак повышенной мощи духа. Максимум он достигает как насилие, направленное на разрушение [12, 196-197].

Ницшеанский этический нигилизм представляет собой препарацию системы морали. Мораль, с одной стороны, Ф. Ницше противопоставляет жизненности, с другой – это обратная и необходимая сторона жизненности, данная через необходимый элемент человеческого бытия – его способность разумно полагать и осуществлять свои цели. Поэтому Ницше берет на себя задачу деконструкции, очищения сознания человека от зависимостей, связанных с присутствием христианского Бога и связанных с этим ложных, отживших свое моральных норм как в виде запретов, так и в виде предписаний [12, 196-197]. В этих условиях и может осуществиться сверхчеловеческий идеал. Человек, отрезвленный нигилизмом, который разоблачил и отверг все виды и формы иллюзий, должен взять на себя ответственность за бессмысленность мира, научиться жить с ней, постоянно увеличивая свою власть над миром. Ницше пишет: "Но теперь этот Бог умер... этот Бог был вашей величайшей опасностью. Только с тех пор как он лег в могилу, вы воскресли" [8, 206].

Таким образом, нигилизм с позиции Ф. Ницше предполагает картину мира, лишенную иллюзий, лишенную всякого, в том числе, морального порядка. По утверждению Делеза, в работе "Ницше и философия", всеобщая история являет собой переход от предыстории к постистории. В интервале между данными полюсами процедуры культурной дрессировки были призваны превратить изначально первобытное животное в "индивида суверенного и дающего законы", в субъекта, способного осуществить кантовское "управляем именно мы". История не достигла своей цели: возник человек озлобленный, человек больной; болезнь эта называется нигилизмом. Делез отмечает, что последний человек, "уничтожив все, что не есть он сам", заняв "место Бога", оказался отвергнут всеми и всем. Этот человек должен быть уничтожен: настал момент перехода от ничто воли (болезнь нигилизма) к воле к ничто, от нигилизма незавершенного, болезненного и пассивного к активному нигилизму [10, 514].

Таким образом, нигилизм как социокультурное явление представляет собой определенный тип мировоззрения, основанный на отрицании универсальных ценностей культуры, религиозных и нравственных норм или общественных институтов. Основными причинами его возникновения и распространения являются кризисные проявления культуры. Общим для многообразных проявлений нигилизма служит интенсивность и категорич-

ность отрицания, гипертрофированное сомнение в определенных ценностях и принципах, ведущее к антиобщественному поведению, нарушению нравственных и правовых норм.

Таким образом, в социально-философском знании сложился нигилистический дискурс, в связи с этим следует выделить теоретико-методологические аспекты исследования нигилизма:

Во-первых, интеллектуально-аксиологический, раскрывает сущностный признак нигилизма – отрицания субъектом оценки той или иной социальной ценности как универсальной, как обязательного для себя регулятора, релятивизм истины и ценностей в постмодернизме. Во-вторых, научно-технологический аспект, раскрывающий нигилизм как следствие социальной рационализации и технологизации общества. В-третьих, коммуникативно-дискурсивный аспект, в котором, в связи с развитием массового общества, средств массовой коммуникации и межкультурной коммуникации, сетевой коммуникации, нигилизм формируется в условиях культурного релятивизма и проявляет себя в качестве нигилистических практиках.

Качественная характеристика нигилизма заключается в том, что он (нигилизм):

– во-первых, объективно проявляет себя через ту или иную форму (социально опасную по степени ее проявления) отрицания установленной ценности;

во-вторых, позволяет объективно судить о границах деформации индивидуального и (или) общественного сознания.

Коррелирующим признаком достоверности подобной оценки служит признак массовости отрицания, выступающий как объективный количественный показатель распространенности нигилизма. Важным моментом является то, что нигилизм не просто отрицает общепринятую систему социальных ценностей, а выдвигает в качестве альтернативы свои идеи (ценности) и способы организации складывающихся общественных отношений.

Итак, в социально-историческом процессе общественного развития сложился феномен нигилизма, раскрывающийся, во-первых, в интеллектуально-аксиологическом аспекте, который отражает специфику деонтологизирующего и деидеализирующего нигилизма, не просто отрицающего общепринятую систему социальных ценностей, а выдвигающего в качестве альтернативы свои ценности; во-вторых, в научно-технологическом аспекте, обозначившемся в результате трансформации традиционных ценностей под воздействием научно-технического прогресса; в-третьих, в коммуникативно-дискурсивном аспекте, раскрывающем природу нигилизма и способы трансляции нигилистических идей. Во всех аспектах нигилизм качественно проявляет себя через степень деформации индивидуального и (или) общественного сознания и социально опасную по степени ее проявления форму отрицания установленной ценности; количественный

уровень данного феномена – уровень распространенности и устойчивости формы нигилизма в обществе.

Примечания:

1. Бакланова О.А., Бакланов И.С. Исследование социальности как методологическая проблема социального познания // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 176-180.
2. Бакланова О.А. Компаративистский анализ исторических типов социальности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2011. – № 3. – С. 219-223.
3. Бадью А. Этика. – СПб., 2006.
4. Горохов П.А. Социальная природа правового нигилизма. – Оренбург, 1998.
5. Микеева О.А. Взгляд на проблему индивида в современной социальной философии // В сборнике: Актуальные проблемы философии, политологии и социологии Сборник научных статей. – Ставрополь, 2008. – С. 29-33.
6. Михайлов Ал. В. "Эстетика" Жан-Поля // Жан-Поль. Приготовительная кола эстетики. – М., 1981
7. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М. : Азбука-Классика, 2008.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения. – М., 1990. – Т. 2.
9. Полянкин А.А., Бакланов И.С. Факторы, определяющие формирование идентичности социального субъекта в современном обществе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2012. – № 3 (32). – С. 151-154.
10. Постмодернизм. Энциклопедия.– М., 2001–С. 514.
11. Савчук В.В. Судьба нигилизма в России // Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика / под ред. В.П. Макаренко. – Ростов-н/Д, 2012.– С. 280-302.
12. Сидорова Т.А. Содержание этического нигилизма в современном обществе // К столетию сборника "Вехи", 2009. – С. 196-197.
13. Чагилов В.Р., Баранов С.Т., Бакланов И.С. Обыденное сознание и знание в зеркале социальной философии. Невинномысск, 2006.
14. Чернов С.А. Кантианцы против Якоби // Credo New. Теоретический журнал. – 2004. – №4.

ФЕНОМЕН ПРАВОСОЗНАНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М.А. Волков, кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет

Российское общество переживает серьезный сдвиг в ценностно-культурной и социально-правовой сферах. Происходящие изменения затрагивают также экономическую и культурные сферы, в связи с чем, процессы приобретают поистине революционный размах и во многом переворачивают общественное сознание российского общества, а также основания и конфигурации социальности [2]. Изменяются правовые нор-

мы, ценности и культурные основания, приоритеты и концепции развития, которые уже некоторое время общество привыкло считать устоявшимися и незыблемыми. Каждый из этих процессов по-своему проецируется на общество, однако все вместе они порождают в нем процессы социального расслоения не по имущественному, экономическому, критерию, а по степени восприимчивости к данным изменениям, способности адаптироваться к изменившимся условиям и интериоризировать новые нормы в рамках определенного типа социальности [3].

По данному основанию общество можно разделить как минимум на три части. Первая, как правило, более возрастная, отвергает новые социальные нормы и, игнорируя нововведения, продолжает пользоваться старыми правилами и неформальными институтами. Вторая часть делает попытки адаптироваться только в случае крайней необходимости и зачастую предпринимает и закрепляет их в своем поведении не в полном объеме. А третья, в основном это касается молодёжи, проходящей первичный этап усвоения ценностей, интериоризирует новые нормы целиком и старается им следовать. Вслед за таким, грубым, можно проводить более тонкое деление общества по профессиональному основанию, имущественно-стратификационному и пр. Однако уже и при самом первом подходе становится заметно, что данное расслоение влияет на систему общественных отношений, серьезно повышая транзакционные издержки во всей институциональной среде, особенно в ее правовой части, которая на сегодняшний день представляет собой гетерогенное, очень разнородное, полное противоречий и парадоксов социокультурное образование. Социально-политическая среда в сегодняшней России в целом может быть охарактеризована как нестабильная и противоречивая: часть отношений в экономической и политической сфере стали более открытыми, договорными, рыночными, они изменяют отношения субъектов в сторону взаимовыгодного партнерства, другая часть отношений дрейфует в сторону вертикализации, наращивая аспект "руководство-подчинение" [4].

А.А. Аузан, анализируя состояние сегодняшнего российского права, отмечает в связи с этим, что процессы резкой дифференциации выводят правовую сферу из состояния равновесия. "Если бы транзакционные издержки были равны нулю, то экономика сама, автоматически приходила бы в состояние равновесия. Но поскольку они всегда положительны, они никогда не равны нулю, экономика, и в частности рынок, к автоматическому равновесию не приходят. Из-за этого нужны правовые нормы" [1]. Правило работает таким образом не только в России, оно универсально для любой современной социальной системы. Ученый приводит в качестве аргументации своих слов теоретические выдержки из комментариев "Теоремы Коуза" и иллюстрирует практическими решениями американского судьи Ричарда Познера, который пришел к выводу, что

"правовые нормы и решения должны способствовать установлению такого распределения прав, к которому экономические агенты приходили бы сами, не препятствуя им в этом положительные издержки транзакций" [7]. Поскольку транзакционные издержки в обществе всегда положительные, следовательно, правовая сфера не может прийти к равновесию. Исходя из этого, необходимо вводить компенсирующие нормы права, которые позволяли бы амортизировать перепады общественных отношений, заложенные в самой нормативной гетерогенности общества. Причем, правовая сфера – это не автоматический механизм, это – всегда вторичное по времени "доставление" социальных отношений профессиональной группой людей (если речь не идет об обычном праве), отвечающих на эндогенные вызовы системы. Главным препятствием на пути достижения равновесия в социальной системе выступают силы социального трения, замеченные и описанные Р. Коузом, Нобелевским лауреатом, автором теории ограниченной рациональности. Отвечая на вопрос, откуда они появляются, Коуз утверждает, что "ограниченная рациональность" – это своеобразная "погрешность" в рациональном расчете поступков и человеческих действий. Эта погрешность может быть большой или маленькой, но она почти никогда не бывает нулевой. Кроме этого, люди, рассчитывающие свои действия, бывают не только не способными к расчету, но и нечестными, оппортунистически настроенными и т.д. [6]. И это тоже, в свою очередь, создаёт силы социального трения и изменяет правовое пространство общества.

Однако правовые институты, вводимые в качестве компенсации сил социального трения, отнюдь, не являются идеально работающими, они в свою очередь дают сильную или слабую погрешность. Их погрешность связана с законодателем и исполнителем, а также судебной властью: также она строится на их ограниченной рациональности (неспособности идеального расчета ситуации) и оппортунистического поведения. Поэтому бывает так, что вводимая правовая система не снижает транзакционные издержки социальной системы, а умножает их, если на всех инстанциях от законодательства до исполнения отсутствует согласованное регулирование.

Получается, что правовая сфера, которая сама в большом количестве генерирует транзакционные издержки, нуждается в системе эффективного государственного регулирования, для того, чтобы данная система становилась инструментом, а не препятствием для социальной стабилизации и развития. Участие же государства в правовой системе – вернее, определение степени данного участия, оптимальной для ее успешной работы – это одна из тех задач в мире, которые не решаются однозначно. Как в экономической сфере, так и в системе права, государственное регулирование должно присутствовать, но оно нуждается в ограничении, тотальное проникновение государства в

эти сферы порождают не оптимизацию отношений в этих сферах, но генерирование новых издержек. И лишают их возможности саморегуляции, что очень немаловажно, поскольку эти системы – саморегулирующиеся и в том случае, когда они не испытывают чрезмерного государственного давления, они вполне способны к некоторой компенсации собственных издержек изнутри. Особенность такой внутренней саморегуляции можно проследить на примере западноевропейских прецедентальных судебных систем, продуктом которых становятся не универсальные решения, а множество субоптимальных, с различными вариантами и альтернативами. Часто в сегодняшней России разговор о правовой системе заканчивается постановкой диагноза "правовой беспредел". Сюда же ходит и невыполнение тех или иных законов существенной частью населения. И отсутствие "той системы законов, которые бы полностью или по большей части отвечали бы новым социально-политическим и экономическим отношениям, как базису общества" [5]. И противоречивость социального запроса, который уже содержит в себе парадокс, одновременно заказывая от государства и однозначно интерпретируемые правовые принципы и более тонкие настройки, то есть, вариативность и индивидуальный подход в правовой сфере.

Результатом становится внутренняя противоречивость общественного и индивидуального сознания в России, которая, в свою очередь, еще сильнее сужает возможность рационального выбора индивида и готовит почву для функционирования многочисленных социальных мифов в политико-правовой сфере. В таких условиях человек не может даже определить, какое действие является оптимальным для него самого, не говоря уже о том, что он перестает понимать, каким должно быть оптимальное общество (говоря при этом не о мифологических идеалах, а о рациональном расчете).

Для правовой сферы, которая имеет более высокую инерционность, чем экономическая, снижение горизонта планирования россиянами, никак не может идти на пользу. Для того, чтобы общество чувствовало эффект от вводимых новых законов, да и вообще, могло наблюдать последствия всякого регулирования в данной области, должно проходить некоторое время между вмешательством в правовую сферу и точкой наблюдения. В противном случае, мы наблюдаем разочарование людей в "неработающих законах", которые не успевают становиться неформальной нормой жизни, а оказываются погребенными под целой лавиной следующих (корректирующих или даже фактически отменяющих этот закон) поправок.

Нужно также понимать, что даже в том случае, если что-либо потенциально на пользу обществу, это совершенно не означает, что общество начнет действовать в эту сторону автоматически. Даже самый позитивный закон как правило жизни имеет те группы,

которые потенциально проигрывают от его введения. Если это проигрывание имеет краткосрочный эффект, а успешность действия закона рассчитана на длительный срок, необходимо при введении закона отыскивать данные группы и убеждать их поддержать закон, компенсировать им проигрыш и вообще, всячески создавать им позитивное подкрепление, превращая их из оппортунистов, настоячных к новому закону враждебно, в его сторонников, готовых нести ради него издержки и поддерживать его неукоснительное выполнение.

Именно в некомпенсации групповых издержек, как нам кажется, и кроется львиная доля всех неудач, связанных с новейшей законодательной деятельностью в России. Компенсация может носить различный характер – это может быть денежная, временная или любая другая мера, которая направлена на амортизацию удара по тем людям, которые занимаются деятельностью по старым правилам. Если не учитывать эти интересы, особенно, когда дело касается масштабных проектов, то реформа столкнется с масштабным противодействием со стороны этих людей. И ее эффективность может оказаться под сомнением.

Примечания:

1. Аузан А.А. Экономический анализ права и стратегии государственного регулирования. [Электронный ресурс] // Режим обращения: <http://polit.ru/article/2014/06/20/auzan/>.
2. Бакланова О.А., Бакланов И.С. Исследование социальности как методологическая проблема социального познания // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 176-180.
3. Бакланова О.А. Социальность как проблема социальной философии // Философия права. – 2013. – № 5 (60). – С. 62-65.
4. Косов Г.В. Трансформационные процессы глобально-социально-политического пространства // Власть. – 2013. – № 3. – С. 063-066.
5. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности.– СПб. : Лань, 2000. – 607 с.
6. Шебзухова Т.А., Бондаренко Н.Г. Морально-правовые и политические аспекты свободы в контексте принципа детерминизма // Право и политика. – 2011. – № 12. – С. 2018-2021.
7. Posner R. A. Economic analysis of law. – Boston, 1972.

ФЕНОМЕН СВОБОДЫ: ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.И. Коломак, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Гуманитарного института СКФУ

Анализ негативной и позитивной свободы личности в рамках современного общества приводит к необходимости целостного и комплексного измерения человеческой духовности свободы в единстве социально-политического, культурно-ценностного и антропологического (индивидуально-личностного) аспектов. Это значит, что свобода как социальный феномен может быть рассмотрена на основе принципа социокультурной и личностной самодостаточности сознания субъекта. В самом распространенном смысле свобода – это отсутствие ограничения или давления. Особое значение свободы как отсутствия внешнего давления понимается в близком по смыслу, иногда синонимичном ему понятию – "воля". Воля – это независимость от рабства, крепостного состояния, это данный человеку простор в поступках, это – отсутствие неволи, насилия, принуждения, это – и сила, и власть, и могущество, но это же и своеволие, и произвол. Произвол – это разнузданность в самостоятельном волеении. Но одно дело, когда воля обнаруживает себя как самоволие, а другое – как своеволие. В первом случае она означает самость, а во втором – как не подчиняющееся порядку, может быть из чистого духа противоречия. Это форма свободы, порождающая эгоизм и разнузданность, ведущая к бунтарству – к отмене всякого закона, а затем и к тирании – самочинному возведению своей воли в ранг закона для других. Понимание свободы как самообладания формируется в рамках именно морального воззрения на мир. Воля обнаруживается как свободная через обуздание своеволия. В сфере права – это подчинение личной воли общей воле, выраженной в общественной дисциплине, поддерживаемой в первую очередь государственным законодательством. В сфере морали – это соотношение личной воли с долгом. Свобода человека заключается в свободе выбора, но выбор возможен при наличии альтернатив. Альтернатива возможна только в свободном обществе, потому что в тоталитарном обществе получение информации и изучение альтернатив может быть невозможным, в силу манипуляции сознанием людей. Свобода заключается не просто в отсутствии ограничений, иначе говоря, в чистом виде такого состояния быть не может. Свобода – это характеристика действия совершенного с пониманием и учетом объективных ограничений, по собственному желанию – не по принуждению и в условиях выбора возможностей.

Отрицательная свобода, или независимость предстает, таким образом, уже не как своеволие, а как самодостаточность, которая выражается: в неподопечности; в действиях на основании норм и принципов, которые люди признают как рациональные и приемлемые, то есть отвечающие их представлениям о благе; в возможности воздействовать на формирование этих норм и принципов, действие которых гарантируется общественными и государственными институтами [12, 241]. Отрицательная свобода как самодоста-

точность, обращается в свободу положительную: автономия означает уже не только отсутствие внешнего давления, ограничения, принуждения, но и возможность собственного выбора. Свобода может рассматриваться в идеальном смысле, в духовном измерении (как свобода мысли, воли). В этом случае она априорно определяется свободой воли индивида и ограничивается его нравственными принципами, условно выраженными концептом "совесть". Под свободой, исходя из этого, понимается возможность индивида действовать согласно собственной воле, собственным целям, без внешнего принуждения или ограничения. Нравственные основания морального сознания идеальны, это совесть, общественное мнение, нравственные максимы и императивы, продуктивное воображение и другие интенциональные объекты. В то же время мы можем охарактеризовать нравственность как социокультурный институт. Мир субъективных смыслов концентрируется в ценностях, а ценности в их единстве образуют устойчивый мир отношений, задающий матрицу поступков. В фундаменте общества лежат ценности, которые трансформируются в нормы, а нормы – в социокультурные институты. Градация измерений в социокультурной автономности нравственного сознания может быть выражена цепочкой: смыслы – ценности – нормы – социокультурные институты – социальные (в том числе правовые и политические) институты [5, 31].

Само по себе определение пространства свободы – это серьезная проблема, которую пытаются решить на протяжении нескольких тысячелетий. Процесс развития человеческой истории связан с эволюцией персонализации человека, то есть его личностного начала и свободы [14, 151-154]. В древнегреческой философии специального интереса к свободе не наблюдается. Это объясняется не только спецификой представлений, которые в то время носили печать мифологического мировоззрения, но и убежденностью в том, что каждый момент существования человека предопределен решением судьбы. По словам А. Ф. Лосева, "свобода воли в классической древности никак не расходится с определением судьбы" [11, 539]. О свободе в своих учениях говорил Эпикур, который впервые сделал попытку рефлексии мифа фаталистической детерминации свободы, отклонения действительности человеческого существования от примата судьбы и рока. В целом, античная философская мысль определила разум как основание свободы (Аристотель), но автономное пространство свободы воли не было определено [2, 40].

Христианство в своей философской мысли допускает свободу человеческой воли в рамках морального совершенствования и личной ответственности человека за свои грехи, однако свобода воли определяется и принадлежит Богу. "...Я действовал по собственному разуму, – пишет Августин, – который Ты дал мне, Боже мой" [1, 36]; "Никто ведь не в силе..., если Ты не дашь"

[1, 293]. С точки зрения Фомы Аквинского, человек обладает свободной волей потому, что он действительно сам есть причина многих своих действий. В средневековой философии понятие свободы воли трансформировалось в свободу выбора, ограниченного, всё же, божьей благодатью, призванной спасти человека от злой воли. Личностное начало истории связано с культурой индивидуализма (Возрождение и раннепротестантское движение XVI в.) [13]. Сложился новый тип личности, обнаруживающий способность к самодисциплине, самопринуждению. Изречение М. Лютера "на том стою и не могу иначе" стало девизом нового времени, философское обобщение этому типу личности дал И. Кант, введя понятие "автономия" и сформулировав метафизическое понимание свободы (в отличие от понимания свободы как осознанной необходимости – "я должен, я свободен"). Личностями, поднявшимися на такую высоту, манипулировать традиционными (религиозными) средствами невозможно.

Эпоха Нового времени ознаменовалась новыми подходами к оценке личности, её месту в мире, проблеме определения свободы. В науке и философии господствует естественнонаучный подход, определяющий человека как часть мира природы. Его духовная сторона также является продуктом природы. Поэтому вполне объяснимы взгляды Т. Гоббса и Б. Спинозы на человеческие действия, которые детерминированы природой, поскольку человек является её частью. Признание детерминизма как всеобщей закономерности влекло за собой признание необходимости. У Спинозы всё существующее осмысливается во взаимосвязи и в зависимости от субстанции. Свобода выступала синонимом разумной необходимости [4, 93-98]. Осмысление свободы стало возможным только через достоверное, интуитивно-рациональное познание. На уровне чувств человек ощущает себя частицей природы, пребывает в пассивном состоянии, подвержен действию аффектов-страстей, поэтому он не может познать необходимость, скрывающуюся в его действиях, детерминируемых внешними обстоятельствами.

Экзистенциализм и социальная философия франкфуртской школы отразили трагизм XX в. представители данных философских течений отражали в своих взглядах, концепциях катаклизмы двадцатого столетия, которые не единожды ставили под угрозу существование человечества. Стихийность и неопределённость человеческого бытия приводили к атмосфере тотального одиночества, смятения, страха и апатии, потере веры в человека. Инструментально-прагматическая рациональность, заявленная эпохой Просвещения как спасительный рецепт освобождения человека от природной зависимости, привела, в конечном счёте, к тотальному порабощению социальной "системой" [3, 16; 8, 19-22]. Вместо субъективности утверждается псевдоиндивидуализм, адекватный массовому производству. Управление обществом выходит за рамки

рационального, приобретает форму иррационального, трансформируется в систему тотального администрирования, в которой человек – не индивидуум, способный критически мыслить, а "человек-стандарт", подчинённый стереотипам. Происходит процесс омассовления общественного сознания, подготавливающий почву для активного воздействия на него в нужном для манипуляторов русле. Указанные выше причины поставили с ещё большей остротой проблему соотношения манипуляции и свободы в условиях нарастания трансформационных процессов глобального социально-политического пространства [9], [10].

Согласно экзистенциализму, реальность свободы заключена в свободе духа, в отбрасывании всяких условностей, в абсолютной свободе выбора. Человек делает самого себя, осознающее себя бытие невозможно без свободы. "Я не существую посредством самого себя в моём решении, но бытие-посредством-меня есть подаренное мне в моей свободе" [15, 421]. Свобода духа в экзистенциальной философии переходит в свободу действия. Смещение акцента проблемы свободы от свободы действия в политико-правовых рамках в сторону индивидуальной, где человеческий субъект представляет собой независимый абсолют, на наш взгляд, определило то онтологическое пространство свободы, в которой совпадает фактичность человеческого бытия и свобода, связанная с критической рефлексией и свободой духа. "Я" в своей духовной свободе не знает границ и ограничений. Преодолевается разорванность "Я", достигается внутренняя целостность самости, постигается ценность внутренней свободы. Свобода выбора неразрывно связана с ответственностью и самоопределением личности.

Постмодернистский дискурс выступил против конформизма, за осмысление культурных ценностей, развитие метаязыка, что привело бы к обновлению общества, самого человека, а в целом – к духовному обновлению. В творчестве Р. Барта наиболее отчётливо прослеживается установка постмодернизма на "творческий порыв", вольный дискурс, "бегать туда-сюда" [6]. Культура в таком понимании наполняется массой значений, антинормативностью (нарушением стереотипов), лишается абсолютной точки зрения.

Таким образом, свобода обладает бытийным статусом, соединяя вместе свободу и ответственность в онтологическом пространстве. Она проявляется в свободе сознания, трансформируется в свободу выбора и самоопределение личности. Такая свобода пересматривает господствующие стереотипы, критикует практический разум, обживается "в хаосе", переосмысливает границы дозволенного и недозволенного, способствуя пересмотру господствующих ценностно-нормативных стандартов. Тем самым бытийный статус свободы расширяет спектр манипуляции. Манипуляция и бытийность свободы оказываются тесно взаимосвязанными. Анализ эволюции концепта "свобода" как целостного социокультурного феномена, в

социально-философском аспекте, позволяет выделить в его формировании и становлении несколько исторических этапов. Первый из них можно условно отнести к периоду существования архаичных обществ. Характерной чертой общественного и индивидуального сознания на данном этапе является их синкретизм. Государство занимает доминирующее положение по отношению к языческим религиям. Граница между индивидуальным и общественным аспектом свободы появляется на следующем этапе, с формированием личности, когда общественное сознание противопоставляется индивидуальному. Средневековые демонстрирует в виде борьбы папской церкви с многочисленными ересями противостояние христианской религии и свободы религиозной совести. Возрождение и Реформация породили другой антагонизм – религии и мировоззренческой свободы от религии. Просвещение проводит границу между свободой вероисповедания и атеизмом. Причем, свобода совести понимается не с мировоззренческих, а с социальных позиций. Происходит отделение церкви от государства. В социально-политическом аспекте сначала на формирование личностного мировоззрения влияет не разделенная еще религиозно-государственная власть, а позднее, с периода буржуазных революций две ее отдельные ветви, претендующие на право приоритетной позиции. С периода буржуазных революций свобода совести апеллирует уже не к нравственности, а к праву.

Традиция свободомыслия проходила этапы своего становления сложно и неоднаправленно, являясь постоянной оппозицией религии, как монологического, по сути, мировоззрения. Наполняясь позитивным содержанием в моральном и интеллектуальном аспектах, она поэтапно завоевывала свое место в духовной культуре, являясь, в свою очередь, не только катализатором, но и результирующей социального и культурного развития общества, осмысления человеком роли и места в его жизни и в жизни общества феномена религии. Особую значимость свобода получает в условиях трансформации глобального социально-политического пространства, так как он выступает как один из значимых политических идеалов и ориентиров.

Примечания:

1. Августин Блаженный. Исповедь / пер. с лат. и коммент. М. Е. Сергеенко; предисл. и послесл. Н. И. Григорьевой. – М.: ГЕНДАЛЬФ. 1992. – 544 с.
2. Аристотель. Физика / пер. с греч. и примеч. В. П. Карпова. – Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2007. – 232 с.
3. Бакланов И. С. Прагматические и экзистенциальные аспекты роли знаний в процессе модернизации общества // В сборнике: ВЫСШАЯ ШКОЛА – РЕГИОНУ Сборник научных статей. – Пятигорск, 2013. – С. 4-16.
4. Бакланов И. С. Социум и функции знания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2005. – № 3. – С. 93-98.
5. Бакланов И. С., Бакланова О. А. Методологические особенности исследования социальности как социально-философской проблемы // European Social Science Journal. – 2013. – Т. 1. – № 12 (39). – С. 31-36.
6. Барт П. S/Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения / М.: Ad Marginem, 1994. – 302 с.
7. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука. 1989. – 272 с.
8. Бондаренко Н. Г. Знание как фактор социального развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2004. – № 4. – С. 19-22.
9. Косов Г.В., Потапов В.А., Ширяев В.А. Политические сети: специфика современной архитектоники // Власть. – 2013. – № 10. – С. 064-069
10. Косов Г.В. Трансформационные процессы глобального социально-политического пространства // Власть. – 2013. – № 3. – С. 063-066.
11. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Том I. – М.: Искусство, 1975. – 672 с.
12. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 241.
13. Микеева О. А. Индивидуализм как парадигмальный принцип социального познания // дис. ... кандидата философских наук / Северо-Кавказский государственный технический университет. – Армавир, 2008.
14. Полянкин А. А., Бакланов И. С. Факторы, определяющие формирование идентичности социального субъекта в современном обществе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2012. – № 3 (32). – С. 151-154.
15. Ясперс К. Философская вера // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 420-431.

ТЕРРОРИЗМ КАК РЕИНКАРНАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

*Д.А. Демченко, младший научный сотрудник
Института стратегических исследований ПГЛУ*

Терроризм относится к числу самых опасных явлений современного общества, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами. Отдельные группы в обществе ставят под сомнение законность и права государства и этим оправдывают свой переход к террору для достижения собственных целей. Преступные группировки совершают террористические акты для устрашения и уничтожения конкурентов, для воз-

действия на государственную власть с тем, чтобы добиться наилучших условий для своей преступной деятельности. Жертвой террористического акта может стать каждый – даже тот, кто не имеет отношения к конфликту, породившему террористический акт.

Терроризм появляется, когда общество переживает глубокий кризис, в первую очередь – кризис идеологии и государственно-правовой системы. В таком обществе появляются различные оппозиционные группы – политические, социальные, национальные, религиозные, – для которых становится сомнительной законность существующей власти и всей ее системы управления.

Самая разрушительная форма терроризма – религиозная, так как в своей пропаганде она затрагивает самые обездоленные и малообразованные слои населения, что создает массовость, ведь участие в терроре требует хотя бы начального самооправдания. Через возвышенные мотивы обычно вовлекают молодежь, воздействуя на неокрепшие умы.

Так бывает в радикально настроенной религии, но в нашем случае, когда речь заходит о радикально исламизме, все несколько сложнее.

Во многих религиях есть своё крайнее реакционное крыло. Ислам – не исключение.

Само понятие "исламский радикализм", он же исламизм, не является научным понятием, потому что радикализм – это аномальное поведение и не может употребляться с какой-либо религией. Это действия и идеи, направленные на изменения общественных сложившихся устоев, институтов или политической структуры государства.

Исламизм – это идеология, которая "утверждает", что ислам не просто религия, а политическая система. Она дает указания мусульманину на то, что он должен вернуться к корням религии в жизни и в политике – жить по законам Шариата, что в конечном итоге позволит "спасти весь мир от невежества"

Исламизм представляет собой как теоретическую практику, так и практическую деятельность: [1]

- 1) фундаментализм возвращает верующих мусульман к позабытым основам ислама;
- 2) возрождение принципов веры как неотъемлемой части жизни и внедрение религии в жизнь тех стран, где эта религия позабыта, малоисповедуемая или же, вообще вербовка в религию;
- 3) интегрализм, т.е объединение всех областей мусульманского мира к Аллаху и законам Шариата;
- 4) теонимизм, т.е главные законы – это законы Бога и их исполнение;
- 5) терроризм.

Традиционализм в исламском мире, связан непосредственно с включением в арабский халифат (VII – XI вв.) народные массы, что привело к распаду на однородные, схожие в этнокультурном смысле регионов.

На сегодняшний день ни один исследователь так и не дал четкое определение исламскому радикализму. Имеется много спорных моментов в определениях. В идеологиях "ваххабитов", в движении "Талибан", "Джихад Ислами", "Хезболлах" и т.д., лежат смешанные идеи фундаменталистско-националистического толка. Крайние радикальные проявления в исламе проявляются в формах экстремизма и терроризма. Исламский экстремизм отличается от радикализма тем, что он имеет однозначно негативный толк, и на практике своих действий выходит за рамки норм международного права. Исламский терроризм выступает в свою очередь крайним проявлением исламского экстремизма.

Исламские радикалы руководствуются идеями панисламизма. Понятие, понимается как проведение странами, где основная религия – ислам, общей внешней политики, её согласование. Панисламизм возник в XIX веке. Его основателем стал Саид аль-Афгани, сформулировавший идею о религиозно-политическом объединении мусульманских стран [2]

Радикальные исламисты не признают деление на классы.

На сегодняшний день исламские радикалы официально находятся у власти только двух государств, это Иран и Судан. С 1996 по 2001 гг., Афганистаном управляли исламские радикалы, их движение называлось "Талибан". Также турецкие исламисты входили в коалицию в правительстве. В других странах мусульманские исламистские группировки выступают в качестве оппозиции правящему режиму. Их методы борьбы различаются: одни – умеренно-радикальные, ультрарадикальные и смешанные. Все радикальные исламские организации объединяет общая цель – это создание исламского государства.

Радикализм в исламе не является каким-то современным термином или феноменом. Можно сказать, что у исламского радикализма есть некий цикл, по которому он повторяется. Большое значение на усиление радикализма в исламе оказали расколы, деления на разные школы. Истинный ислам был только при Мухаммеде и его последователях, халифах Омаре и Абу-Букре. Но в последствии ислам начал распадаться на секты.

Исламский радикализм не является заданной доктриной, а является универсальным понятием и может базироваться как на шиитском толковании, так и суннитском. На их основе строится модель политического поведения, которая зачастую несовместима с институтами ислама. На сегодняшний день в мире много радикальных исламских организаций. У этих организаций развита инфраструктура, есть поддержка извне. Это в свою очередь позволяет использовать радикализм и проводимые им теракты как инструмент реализации своих политических интересов акторами мировой политики.

Главный распространитель терроризма во всём мире является радикализм и в рассматриваемом слу-

чае "радикальный ислам". Формы терроризма известны, это насилие, покушение на убийства и т.д. Радикальный ислам не есть весь ислам. Радикальный ислам – это сила как социальная, так и политическая в мусульманском мире. Данная сила, определяет механизмы действий для радикально настроенных представителей религии, становясь ориентиром для оппозиции. Радикальный ислам стремится защититься от нововведений под предлогом "разрушающего" воздействия нововведений. По мнению радикалов, чтобы избавиться от влияния Запада, необходимо создать исламское государство, где политика, экономика, образование будут подчинены религии. Так или иначе, главное для исламских радикалов – это захват власти и установление своего режима.

Для исламизма террор не является чем-то новым, лишь реинкарнацией методов политического террора из глубины веков, в новой обстановке новых условиях примером тому служит Секта исмалитов. Именно исмалиты сеют вражду в исламе. Они отличаются крайним радикальным поведением. Исмалиты раскололись на множество групп, самой радикальной из которых считается секта ассасинов. На севере Ирана назариты создали исмалитское государство, где центром стал Аламут. [3]

Они хотели навязать власти Халифата свои условия: убрать роскошь, загнать в рамки истинной веры. Особенность ассасинов в том, что они беспрекословно могли подчиняться и не боялись умереть. Главная их радость – это употребление всевозможных наркотических средств. В странах средневекового Востока была организация ассасины. В переводе "хашиши" или "употребляющие гашиш". В настоящее время это секта исмалитов – назаритов, шиитских воззрений. Члены этой секты совершали убийства как на политической, так и религиозной основе. В XIV веке, в ряде европейских стран, понятие "ассасин" переводится как "убийца". Они использовали террор, чтобы навязать свое видение религии и окружающего мира.

Стремление возродить "чистый" ислам приводит к появлению в XVIII веке движения ваххабизм, суннитского толка, автором, идеологом которого стал Мухаммед аль-Ваххаб (1703-1787). Основные концепции ваххабизма: 1) вера в единого Бога; 2) уход от культа святых; 3) уход от поклонения святым местам; 4) хотели вернуть первоначальный ислам времён пророка Мухаммеда. Ваххабиты пользовались экстремистскими действиями со своими врагами. Наследниками ваххабизма считаются: "братья мусульмане", Аль-Каида", "Всемирный фронт Джихада". Египетский философ Саид Кутб в книге "Художественное иллюстрирование Корана" прямо пропагандирует организации "Братья мусульмане", чтобы те брали в руки оружие и осуществляли государственные перевороты. Напрямую в данной книге даёт призыв к экстремизму. [4]

Проявление радикализма и крайней его формы – неприкрытого террора – мы видим на Ближнем Восто-

ке в лице противостояния ИГИЛ и других радикалов, с одной стороны, и стран остального мира. Как и прежде, 96 лет назад, когда "Басмаческое движение" [5] стало инструментом реализации политических интересов недовольных образованием молодого Советского государства, когда используя восстание, вызванное социально-культурными, экономическими противоречиями, так и сегодня религиозные представители радикального толка стали инструментом реализации интересов.

Сегодня этот инструмент направлен радикально настроенными государствами Ближнего Востока, исповедующими одно из религиозных течений ислама (сунниты) против другого течения (шииты), в то же время в это противостояние включились другие акторы мировой политики, увидев возможность решить как многолетние территориальные [6] и этнические противоречия, так и "пролоббировать" свои финансовые интересы на "поле боя", в которое превратилась САР.

Рассмотренные аспекты радикального ислама позволяют утверждать, что радикализм в исламе зачастую становится лишь инструментом в руках других государств. Исламский радикализм является одним из главных факторов, который воздействует на мировую политику сегодня. Крайние составляющие радикализма – это экстремизм и терроризм, которые несут угрозу мировому сообществу. Недооценка "исламского радикализма" может обернуться экспансией исламского экстремизма и привести к дестабилизации всей политики ввиду многоконфессиональности нашей страны, сложностей в экономике и политических противоречий в противостоянии со странами Запада. Все эти явления "поднимают негативную волну" в зонах, где популярен традиционный ислам, и дают подпитку исламским радикалам. Ислам используется радикалами как фактор, который их оправдывает в совершении криминальных, антигосударственных действиях и как фактор вербовки молодых людей в свои ряды радикалов. Таким образом, все это является подпиткой радикальным исламским движениям в стремлении к политической власти.

Примечания:

1. Беляев И. Ислам, религия и политика // Диалог. – 2003. – № 6.
2. Сагадеев А. "Исламский фундаментализм: что же это такое?". – М., 1997
3. Строева Л.В. Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. – М., 1988.
4. Донцов В. Е. Ислам в международных отношениях // М., 1997. – С. 62-89.
5. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс М. Р. Фасмер 1964-1973.
6. Курдский конфликт в Турции Greener Pastures for Bruce Fein: The Kurdish Conflict in Turkey". Asiantribune.com. Retrieved 15 April 2011 // URL: <http://www.asiantribune.com/node/13802>.

АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1921-1922 ГГ.

Г.А. Баласанян, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и дипломатии, Ереванский государственный университет

26 мая 1918 г. Закавказский сейм был ликвидирован. 28 мая того же года Армения стала независимой республикой. Одной из наиважнейших задач внешней политики Республики Армения стало урегулирование отношений с соседями. В отношениях с Турцией, Азербайджаном и Грузией было взаимное недоверие по причине национальных, территориально-пограничных и иных споров, сформировавшихся на протяжении истории и оставшихся в наследство со времен царского владычества. Территориально-пограничные споры препятствовали установлению дружественных армяно-грузинских отношений. Грузия стремилась оставить в своем составе армянские уезды Лори и Ахалкалака, которые в результате неправильного административно-территориального деления Российской Империи были включены в состав Тифлисской губернии [1: 8]. В результате этих споров в декабре 1918 г. произошла короткая армяно-грузинская война. В целях решения вопроса с 9 по 17 января 1919 г. в Тифлисе при участии представителей Антанты была созвана армяно-грузинская мирная конференция, которая объявила Лори "нейтральной зоной", в которую входили районы уезда Борчалу – Алаверди, Узунлар и Воронцовская.

После конференции были восстановлены нормальные межгосударственные отношения между Арменией и Грузией, в Тифлисе возобновило свою деятельность дипломатическое представительство РА, было восстановлено железнодорожное сообщение, а окончательное решение территориальных вопросов перенесено на Парижскую мирную конференцию.

8 марта 1919 г. Армения заново открыла свое дипломатическое представительство в Тифлисе и вместо А. Джамалаяна, дипломатическим представителем был назначен А. Туманян. После этого только в июне власти Грузии назначили Г. Махарадзе послом Грузии в Армении [2: 106].

О состоянии Армении весной 1920 г. и об армяно-грузинских взаимоотношениях мы узнаем из письма премьер-министра Республики Армения Александра Хатисана, которое было отправлено им председателю делегации Республики Армения в Париже Аветису Агароняну. В письме он писал. "Еще не закончены наши земельные споры с Грузией, но на данный момент у нас нет каких-либо конфликтов с грузинами" [3: 146].

2 декабря 1920 г. Армения была советизирована, и территориальные проблемы Первой Армянской республики перешли к Советской Армении. Советизация создала благоприятные условия для решения вопроса "нейтральной зоны" Лори. Армяно-грузинские территориальные споры были выгодны России и Москва могла с их помощью на территории Грузии установить советскую власть. Было запланировано поднять восстание в Лори и воссоединить его с Арменией. 11 февраля 1921 г. во главе с Овсепом Лазяном было поднято восстание, которое продолжилось три дня. 15 февраля Лори был освобожден и в области была установлена советская власть. В тот же день Лазян отпортировал командованию 11-й Красной Армии и руководству Советской Армении о том, что область освобождена и остатки грузинской армии взяты в плен [4: 126]. После окончания военных действий от имени грузинского правительства Ной Жордания обратился к наркоминделу Советской России Георгию Чичерину и потребовал вывести российские войска и решить вопрос с помощью переговоров [5: 197]. То, что не удалось сделать Первой армянской республике, сделала Советская Армения – Лори опять вошел в состав Армении.

Незадолго, после восстания – 25 февраля Грузия была советизирована. Это было очень важно для Армении, потому что исчезала опасность блокады Армении с севера, кроме того армяно-грузинские отношения стали нормализовываться.

7 июля 1921 г. в Тифлисе в ходе заседания пленума Кавказского бюро РКП(б), на котором участвовали Сталин, Орджоникидзе, Киров, Нариманов, Мясникян, министр иностранных дел Грузии Сванидзе и нарком иностранных дел Армении Асканаз Мравян, было принято решение оставить "нейтральную зону" Лори в составе АрмССР. Окончательное решение было принято 6 ноября 1921 г. в Тифлисе председателем Совнаркома Армении А. Мясникяном и председателем Ревкома Грузии Мдивани. Лори, за исключением ряда армянских деревень Северного Лори – Ак-Керпи, Опрет, Хожорни и др. – остался в составе Советской Армении, а вопрос Ахалкалака и Джавахка был решен в пользу Грузии.

В 1921-1922 гг. помимо политических отношений существовали и активные торгово-экономические отношения. Отметим также, что еще 27 декабря 1920 г. полномочным представителем Советской Армении в Грузии был назначен Дануш Шахвердян. Об этом армянская сторона известила Грузию специальным письмом [6: 2].

Для Армении сохранение добрососедских отношений с Грузией было важно в том смысле, что власти

АрмССР для товарообмена с другими странами могли использовать черноморские порты Грузии и без труда переправлять грузы в Ереван. Отношения с Грузией активизировались лишь после февраля 1921 г., когда там установился советский строй. До этого времени грузинские власти постоянно чинили препятствия и не позволяли, чтобы по их территории проходило отправляемое из России и Азербайджана в Армению зерно и иные грузы первой необходимости. Грузинские власти этот свой ход объясняли тем фактом, что, якобы, невозможно организовать работу железной дороги до Армении из-за наличия на путях толстого слоя снега. Однако этому сразу следует предложение наркома интел АрмССР А. Бекзадяна разрешить властям Советской Армении организовать очистку снега на грузинской территории [7: 3].

12 января 1921 г. нарком иностранных дел АрмССР А. Бекзадян отправил телеграмму в министерство иностранных дел Демократической республики Грузия, в которой выражает протест по поводу того, что Грузия запрещает транспортировку грузов для Армении по своей территории. Он отмечает: "Согласно сообщению нашего представителя в Азербайджане, грузовые вагоны с зерном и топливом для Армении стоят наготове. Однако до сих пор ваше правительство не дало своего согласия на прохождение этих вагонов по территории Грузии. Это, несмотря на то, что ваше правительство еще 4 декабря 1920 г. официально сообщило полномочному представителю РСФСР в Грузии Шейману о том, что предоставляет РСФСР и Армении право транзита по своей территории для доставки грузов в Армению". А. Бекзадян также добавляет, что, фактически, Грузия подвергла Армению продовольственной блокаде. "Правительство АрмССР заявляет свой решительный протест по этому поводу и ожидает от Вас конкретных шагов" [8: 2], – подытоживает А. Бекзадян.

В январе 1921 г. полномочный представитель АрмССР в Грузии Д. Шахвердян телеграммой сообщает Армревкому, что Грузия согласна на отправку в Армению одного поезда, груженного продовольствием, но "категорически отказала в вопросе топлива". Он сообщил, что министр иностранных дел Грузии Сабахтарашвили это "связывает с тем, что Азербайджан не отпускает горячее Грузии" [9: 16].

Исследование архивных документов позволяет нам сделать вывод о том, что очень часто указания центральных властей Грузии не исполнялись местными грузинскими чиновниками. Ярким примером этого служит телеграмма коменданта поезда, следовавшего из Грузии в Армению, которая была отправлена им 30 января 1921 г. полномочному представителю АрмССР в Грузии Данушу Шахвердану. В телеграмме отмечалось, что направляющийся в Армению под его руководством поезд везет двенадцать вагонов зерна, ячмень, рис и другие товары. Однако руководство станции Шагали отказывается пропустить три вагона, не

предоставив каких-либо объяснений, тем самым нарушая армяно-грузинские договоренности о транзите. "Прошу Вас немедленно вмешаться для обеспечения пропуска трех вагонов с товарами" [10: 32], – указано в конце телеграммы.

В этом вопросе Дануш Шахвердян проявил последовательность, и инцидент был исчерпан. Грузинская сторона согласилась вернуть три вагона конфискованного товара. Об этом мы узнаем из телеграммы Шахвердяна, отправленной 15 февраля 1921 г. полномочному представителю АрмССР в Баку Атабекяну. Отмечалось, что остановленные в Шагали три вагона с грузом были пропущены и что полномочный представитель АрмССР в Тифлисе делает все возможное, чтоб подобное не повторилось в дальнейшем [11: 13].

Помимо полномочного представителя в Тифлисе, АрмССР имела консульства также в Батуми и Сухуми. Консульство в Батуми было особенно активно. Там же находилось экономическое представительство Советской Армении. Представительство Советской Армении в Тифлисе установило экономические связи с торговой компанией "Кавказ", действовавшей в Батуми. Последняя, по заказу властей АрмССР, закупала за границей любые товары, необходимые стране, и переправляла их в Батуми, откуда власти Советской Армении организовывали транспортировку этих грузов в Ереван [12: 107].

В послании экономического представителя АрмССР в Батуми от 30 января 1922 г. подробно представлена деятельность экономического представительства АрмССР в Батуми и значение Батуми для экономики Армении. "Батуми является крупным торговым центром, где пересекаются экономические течения из Закавказья, Персии, Турции, Запада и России" [13: 3-5], – указывает экономический представитель. Армения, по его мнению, больше, чем другие закавказские республики, нуждается в Батуми. Без Батуми невозможно развитие торгово-экономической жизни Армении. Экономическое представительство АрмССР сообщало сведения о ситуации на рынках Батуми, западных стран и русского приморья. Другой важной задачей экономического представительства был вопрос беженцев. Положение беженцев, находящихся в Батуми, было критически тяжелым, и экономическое представительство развернуло активную деятельность для оказания им помощи.

Советская Армения и Грузия активно сотрудничали и в рамках Закавказской федерации. После советизации Грузии перед тремя закавказскими республиками – Армении, Грузии и Азербайджана – возник вопрос объединения, который имел как политические, так и экономические цели. Процесс экономического объединения Закавказья начался с железной дороги. Причина была в том, что железная дорога имела стратегическое значение и бесперебойная транспортировка грузов по ней обязательно должна была привести к успеху. Протяженность железной дороги в Закавказье

составляла примерно 2000 км, почти половина из которых проходила через территорию Грузинской ССР, по причине чего сторонниками объединения железной дороги были в основном грузины. На совместном заседании ЦК компартии и Ревкома Грузии 8 марта было принято решение "объединить под одним общим руководством железную дорогу закавказских республик в целях ее наиболее правильной эксплуатации и управления" [14: 126].

Таким образом, имея наиболее протяженную железную дорогу в Закавказье и единственную железнодорожную мастерскую в закавказском масштабе, Грузия занимала господствующее положение в регионе.

12 марта 1922 г., во время конференции с участием представителей трех республик Закавказья, был утвержден союзный договор, в результате чего была заложена основа Федеративного Союза Советских Социалистических Республик Закавказья (ФССРЗ). Это объединение преследовало также экономическую цель, которая в первую очередь должна была быть осуществлена объединением железной дороги, находившейся в критически плохом состоянии. На это было несколько причин: во-первых, топливо предоставлялось Баку, а ремонтные работы осуществлялись в Тифлисе. По причине отсутствия топлива или неисправности поездов железнодорожное сообщение часто не совпадало с предусмотренным графиком. Единственным способом решения этих проблем было объединение железнодорожной сети. Объединение железнодорожной сети и преодоление вышеуказанных проблем не могло не иметь положительного влияния на развитие внешней торговли. Если провести параллели между созданием Закавказской федерации и развитием внешней торговли, с точки зрения выгоды, то становится очевидно, что с созданием Союза внешняя торговля больше выиграла, чем пострадала. Были централизованы валютные средства трех республик и переговоры с иностранными государствами по поводу торговли начали вестись из одного центра.

Соглашение по поводу создания единого органа по внешней торговле было подписано в Баку представителями правительств закавказских республик Ф. Махарадзе, Ал. Мясниканом и Н. Наримановым 2 июня 1921 г. Новосозданный орган стал именоваться "Союз Грузии, Азербайджана и Армении для внешней торговли" с резиденцией в Тифлисе.

Исходя из необходимости улучшения деятельности Объединенного внешнеторгового органа, созданная в Тбилиси конференция представителей правительств трех республик приняла решение внести поправки в договор 2 июня. По этому поводу принимает отдельный декрет. Декрет, который имел 8 пунктов, был подписан председателем Ревкома Азербайджана Наримановым, председателем Ревкома Армении Мясниканом и председателем Ревкома Грузии Махарадзе. Там говорилось о том, что объединенный внешнеторг имел особое право для продажи, а также для покупки необходимых това-

ров для всех предприятий Закавказья. Объединенный внешнеторг обладал правом руководить импортом и экспортом республик Закавказья, разработки таможенной политики и т.д. [15: 187].

В декабре того же года конференция правительств закавказских республик решила организовать Управление объединенной внешней торговли – Обвнешторг [16: 20]. Оно обладало эксклюзивным правом экспорта из Закавказья. Обвнешторг также должен был организовать покупки за границей необходимых товаров для предприятий Закавказья. Отмечалось, что к внутреннему товарообороту Обвнешторг не будет иметь никакого отношения [17: 80].

В феврале 1922 г. член коллегии Обвнешторга Бекзаян посылает телеграмму в Кавбюро, где говорится о том, что таможенная конференция закавказских республик решила определить общий тариф черноморской границы Закавказья. Вместе с этим было принято решение проект тарифа согласовать с Наркоматом внешней торговли РСФСР. В телеграмме Бекзаян просит до принятия окончательного решения позволить применять новый тариф. Кроме этого Обвнешторг просил позволить ввести новый тариф и на границе Закавказья с Ираном и Турцией [18: 210]. Какой был ответ Кавбюро, в национальном архиве, нам найти не удалось.

Кроме объединения внешней торговли, нужно было разработать общую таможенную политику для отношений как с европейским, так и с турецким и иранским рынками. Для этого 26 октября в Тбилиси было созвано таможенное совещание, инициатором которого был Обвнешторг. В совещании принимали участие председатель коллегии Обвнешторга Рабинович, члены коллегии Коломийцев и Медичи, представитель наркомата внешней торговли РСФСР в Закавказье Бреслав, представители финнаркомата Грузинской ССР Алшибая и Микадзе, из Азербайджанской ССР – Гаджиев, Головин и Лебедев, а из Армянской ССР – Бекзаян и Абрамян [19: 7].

Итоги экономического сотрудничества были обобщены на организованном в Тифлисе первом партийном совещании, в котором приняли участие также представители профкомов и Красной Армии. Совещание проходило с 12 по 14 августа 1921 г. [20: 13-16], где Г. Орджоникидзе подчеркнул, что Кавказ, с экономической точки зрения, представляет собой "единую и нерушимую организацию" [21: N156].

Но эту точку зрения разделяли не все. Противниками экономического объединения закавказских республик были Буду Мдивани и его сторонники. Выступая на втором пленуме коммунистических организаций Закавказья 19 марта 1923 г., Мдивани подчеркнул, что нет необходимости объединения закавказских республик, а было бы правильно, если эти республики по отдельности напрямую связались с Советской Россией [22: 6].

С помощью экономического сотрудничества трех закавказских республик решались также и политичес-

кие задачи, так как напряженность между народами стала постепенно слабеть. Отвечая Мдивани и его сторонникам, Киров, говоря об армяно-азербайджанских отношениях, подчеркивал, что экономические отношения между двумя народами могли ослабить напряженность между ними.

Обобщая результаты экономических и партийных совещаний, Кавбюро приняло решение о создании экономического бюро закавказских республик, которое в масштабе Закавказья в экономической отрасли должно было иметь такую же роль, которую в партийных и общих делах имело Кавбюро. Это решение было одобрено на заседании ЦК Политбюро 24 августа 1921 г.

В объединении Закавказья большое значение имел пленум Кавбюро, который проходил 3 ноября 1921 г. В нем принял участие секретарь ЦК РК(б)П В. Молотов. В пленуме с докладом выступил Ш. Элиава. Он и Ал. Мясникян представили пленуму специальный доклад, в котором говорилось, что "отдельное сосуществование закавказских республик ослабляет их перед капиталистическими странами, и их союз может иметь большое значение для упрочнения советской власти на Ближнем Востоке" [23: N 223]. В пленуме принимается решение о создании краевого центрального органа – Федеративного совета. Для этого была создана особая комиссия, председателем которой стал Ш. Элиава [24: N 223]. Комиссия приняла решение о ликвидации дипломатических представительств, которые действовали между республиками Закавказья.

27 марта 1922 г. состоялся первый съезд Закавказского Федеративного совета. Председателем был Ал. Мясникян. Было принято решение о том, что каждый из членов президиума, который представлял одну из республик, мог председательствовать сроком на 4 месяца. 5-го июля закончивается срок правления Мясникяна и 6-го июля новым председателем стал Нариманов. 4-го декабря на этом посту его сменил Ш. Элиава, который руководил до января 1923 г., то есть до окончания существования Федеративного Совета [25: 17].

4-го июля 1922 г. решением Федеративного Совета формируется Высший Экономический Совет, председателем которого назначается Ал. Мясникян, а его заместителем становятся Гаджинский и Торошелидзе. Из 10 наркомов Закавказья 4 были азербайджанцами, и по 3 наркома имели армяне и грузины. Организуя наркоматы, руководствовались следующим прин-

ципом: нарком и его заместитель не должны были быть из одной республики [26: 17].

А что касается Закавказской Федеративной Советской Социалистической республики, то она 30 декабря 1922 г. вошла в состав СССР и просуществовала до 1936 г.

Необходимо отметить, что, несмотря на трудности, власти Армении прилагали все усилия для установления политических и экономических отношений с Грузией, что дало свои положительные результаты для обеспечения Армении необходимыми товарами.

Примечания:

1. См.: Сардарян К., Армяно-грузинские отношения в 1918-1921 гг., Ер., 2002, с. 8 (на арм. яз.).
2. Там же, с. 106.
3. См.: Галоян Г. Армения и великие державы в 1917-1923 гг., Ер., 1999, с. 146 (на арм. яз.)
4. См. Казахян Вл. Армения в 1920-1940 гг., Ер., 2006, с. 126 (на арм. яз.).
5. См. Сардарян К., там же, с. 197.
6. См. НАА (Национальный архив Армении), ф. 114, с. 2, д. 49, л. 2.
7. См. "Ашхатавор", N 3, 5 января, 1921г. (на арм. яз.)
8. НАА, ф. 114, с. 2, д. 61, л. 2.
9. Там же, л. 16.
10. НАА, ф. 114, с. 1, д. 42, л. 29; там же, д. 44, л. 32.
11. См. там же, д. 83, л. 13.
12. См. НАА, ф. 114, с. 1, д. 42, л. 107.
13. Там же, д. 258, л. 3-5.
14. См.: Хармандарян С. Ленин и становление Закавказской федерации (1921-1923 гг.). – Ереван, 1969. – С. 126.
15. См.: Зограбян Э. Из истории обединения внешней торговли закавказских республик (1921 г. апрель – 1922 г. март) // Вестник Ереванского Университета. – 1983. – №3 (51). – С. 187. /на арм. языке/
16. См.: НАА, ф. 366, с. 366, д. 5, л. 20.
17. См.: НАА, ф. 366, с. 1, д. 5, л. 80.
18. См.: НАА, ф. 366, с. 1, д. 5, л. 210.
19. См.: НАА, ф. 115, с. 1, д. 83, л. 7
20. См.: НАА, ф. 113, с. 1, д. 4, л. 13-16
21. См.: "Советская Армения". – 1921. – № 156. – 25 августа.
22. См.: Варгесян Г. Г. Сотрудничество закавказских республик в 1921-1923 гг. // Вестник общественных наук. – 1965. – № 6. – С. 6.
23. См. "Советская Армения". – 1921. – № 223. – 16 ноября.
24. Там же.
25. См.: Хармандарян С. В. Укрепление Закавказской Федерации в 1922г. // Вестник общественных наук. – 1969. – № 8. – С. 17.
26. Там же.

**ГОСУДАРСТВО И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ
ИСКУССТВО ФРАНЦИИ: ГРЕЗЫ
КУЛЬТУРНОЙ ДЕМОКРАТИИ**

**Д-р Ходжатола Аюби, член Научной коллегии
Тегеранского государственного университета –
факультет мировых исследований**

Предисловие

Исполнительскому искусству отводится особое место в культурной политике Франции. Театр был рожден в аристократической Франции и изначально считался буржуазным искусством, принадлежа высшему сословию общества. Приблизительно полвека назад театральное искусство Франции исполнялось и ставилось исключительно на столичных сценах и в великолепных торжественных дворцах. Следовательно, язык театра изначально отличался от языка низкого сословия общества. После того как исполнительское искусство было включено политическими деятелями в повестку дня, зная о важности этого искусства и будучи склонным к нему, они серьезно подошли к вопросу о его популяризации и развитии. Исходя из этого, наряду с вниманием, проявляемым государствами к этой ветви искусства, в повестку дня каждого из них был включен проект его популяризации. Со времен Третьей республики, в особенности с приходом к власти Андре Мальро в 1959 году, культурной демократии и децентрализации в качестве основных подходов правительства в особенности в области исполнительных искусств стало уделяться особое внимание. С того времени различные государства, поддерживая и следуя протекционной политике, старались освободить исполнительские искусства от монополии величественных парижских дворцов и распространить этот вид искусства на уровне городов и сел.

Таким образом, культурные политики в области исполнительских искусств постоянно, и конечно же претерпевая различные взлеты и падения, находились под влиянием этих двух аспектов. Данная статья рассматривает вышеизложенный процесс, а также различные стратегии, принимавшиеся с целью создания разных исполнительских и театральных центров по всей стране, планированию разнообразных фестивалей, а также патронаж и поддержку частного сектора по расширению деятельности театрального искусства.

В этой статье мы пытаемся ответить на ряд вопросов, касающихся основных подходов культурной политики государств, и в частности Франции, направленных на популяризацию исполнительских искусств, о том, какие мероприятия были применены француза-

ми для развития этого вида искусства, об особенностях политики Андре Мальро, в лице первого министра культуры и коммуникации Франции в эпоху генерала де Голля, а также стратегии, которым следовали его преемники, о деятельности Жак Ланга, самого эффективного министра культуры Франции, преемника Андре Мальро с его левыми политическими взглядами в этой области. Это исследование началось с гипотезы, что исполнительские искусства зародились в аристократической Франции, и одним из важнейших вопросов французских политических деятелей была популяризация этого вида искусства, как в области текста, так и содержания и способа исполнения.

Цели и основные подходы к исполнительскому искусству

Театр относился к числу искусств, на котором было сосредоточено внимание монархии и аристократии. Еще в дореволюционный период и до недавнего времени исполнительское искусство в основном считалось монархическим и аристократическим. В 1680 году, по приказу короля, здесь был построен первый крупный постановочный центр – театр Комеди Франсэз. В этой стране инициатива изначально находилась в руках царей и состоятельных людей. Исходя из этого, французский театр обладал двумя особенностями: первая особенность заключалась в том, что этот вид искусства был дорогим и аристократическим зрелищем, его деятели и артисты творили исключительно для знати и буржуазии, второй характерной чертой было то, что оно исполнялось исключительно в столице и в великолепных дворцах. Это означает, что язык театра не был народным, ему был присущ возвышенный стиль аристократического языка, высокое мастерство речи. Учитывая то, что постановки предназначались исключительно для высшего сословия и ставились в величественных залах, театральные коллективы вели между собой тесную конкуренцию в оформлении больших роскошных сцен, декораций и виртуозной отделки деталей. Учитывая это, народные власти Франции первым долгом стремились сделать театр народным, децентрализуя его, вывести из столицы в провинции, сделать его язык простым и доступным для всего общества.

Следовательно, начало и истоки культурной политики Франции восходят к тому периоду, когда политики и ответственные лица стали проявлять упорное стремление для осуществления этой цели. Поэтому, хотя театр всегда был в центре внимания политической власти, но с учетом пристального интереса, проявляемого монархией и аристократией к этому искусству, сложно говорить о функционировании культурной

политики этой страны до провозглашения Третьей республики. Свои основные старания в области развития и популяризации исполнительских искусств государство Франции стало прилагать с приходом к власти левых и с основанием Третьей республики. В этот период Леону Блюму и Шальз Дюлен впервые было поручено заняться децентрализацией исполнительских искусств и распространением театрального искусства за пределами Парижа. Конечно же, на тот период государство не было готово к расходам средств в этой области. Очередной шаг на пути к привлечению внимания государств к этой сфере искусства был принят при режиме Виши. Хотя в период Третьей республики было приложено немало усилий по патронажу и поддержке искусства, но подавляющее большинство исследователей в этой области считают, что первые согласованные и скоординированные правительственные меры, в качестве культурной политики предпринятые в области исполнительных искусств, начались со времен Четвертой республики. Так как именно в это время правительство убедилось в том, что для популяризации и децентрализации театра необходимо вкладывать средства. В результате чего с 1947 до 1952 гг. государство впервые приступило к спонсированию молодых и новоучрежденных театральных предприятий. Следовательно, культурная политика в области исполнительских искусств формировалась, преследуя две цели – децентрализацию и популяризацию театра, постепенно также стали возникать и другие цели, подобные обучению театральному искусству. Вследствие этого, правильное постижение и осмысление культурной политики государства в области изобразительных искусств суммируется в рамках двух определений.

Децентрализация и культурная демократия: два основных принципа театральной политики

Паскаль Гуетчел считает, что вмешательство государства в вопросы, касающиеся исполнительских искусств, в начале возникло из-за озабоченности и беспокойств правителей в отношении театрального искусства. Хотя государственные деятели проводили часть своего времени за просмотром театральных представлений, но постепенно с появлением выдающихся писателей и интеллектуалов, а также театральных постановок на политические и критикующие темы, этот вид искусства постепенно стал вызывать их беспокойство. Следовательно, начались первые вмешательства государства в области театра, результатами которых стали проверки и контроль театральных деятелей и артистов. Контроль и цензура в разные периоды осуществлялись особыми методами. Различные монархии, империи Наполеона и его внука, Июльская монархия и т.д. вводили своеобразные ограничения в этот вид искусства. В итоге, с победой республиканцев и учреждением в 1906 году Третьей республики теат-

ральной цензуре был положен конец и исполнительское искусство освободилось от контроля.

Очередным вмешательством государства в эту область стала финансовая помощь и субсидирование важных и крупных национальных театров. Даже в эпоху известную как "бывший режим" некоторые театральные коллективы находились под особым покровительством двора и королей. Традиция оказания поддержки театральным коллективам продолжалась и после Французской революции, государство в разные периоды финансировало важные театральные центры – Комеди Франсез, Одеону, Оперному театру. После революции даже в начальных этапах децентрализации театрального искусства, когда видные личности, подобные Ромен Роллану и Жаку Копо, создали новое движение для популяризации театра, деятели этого вида искусства не стремились получать финансовую поддержку со стороны государства, напоминает Гуетчел. Все это было связано с тем, что опыт государственных контролей наложил такой отпечаток на их сознание, что они предпочитали не брать никакой помощи. Но в первые годы после Второй мировой войны отношения государства с театральными деятелями стали постепенно налаживаться и с приходом к власти Андре Мальро вступили в новую фазу развития. Под поддержкой театра подразумевались его децентрализация и популяризация, государство же, в свою очередь оказывая финансовое содействие исполнительскому искусству, стремилось реализовать упомянутую культурную политику.

Но, как и приводилось ранее, основа планирования культурной политики государства была заложена в конце XVIII века, когда вопрос по культурной децентрализации страны в области театра был рассмотрен на повестке дня правительства, и движение по популяризации театра приступило к своей деятельности.

Передовики и инициаторы народного театра

Краеугольный камень театральной децентрализации был заложен в 1895 году в городе Бюссане, где был учрежден первый Народный театр, основоположником которого являлся Поттешер. Название этого города вошло в историю исполнительских искусств Франции, став символом выхода театрального искусства за пределы столицы. Следующий шаг был сделан в 1911 году Фирменем Жемье, изобретшим Национальный передвижной театр и вызволившим театральные коллективы из дворцов в провинции. Жемье спроектировал передвижной театр, рассчитанный на 1600 человек, и впервые внедрил его в разные города Франции. Этот театр сопровождался группами из выдающихся артистов, жителям разных городов впервые представилась возможность увидеть постановки, которые до этого ставились и исполнялись только в великолепных залах Парижа для богатых и состоятельных людей. Эта инициатива проложила путь к исполнению спектаклей в разных городах, театраль-

ные труппы отправились ставить свои спектакли во все регионы страны. Концерн "Серый полон", учрежденный в Марселе в 1931 году, и группа "Октябрь", основанная в 1932 году, являются результатами вдохновения и творческого порыва передвижных спектаклей. Немного спустя, подобная попытка была сделана и в Париже где спектакль и театральные постановки являлись дорогостоящей и аристократической продукцией, в результате недоступными для средних и низких сословий общества. После публикации книги "Народный театр", автором которой являлся Ромен Роллан, стала складываться новая тенденция, охватывающая критерии, подобные планированию режиссерами новых театральных дизайнов, снижению затрат, мобильности театров и исполнению спектаклей в более простых и скромных залах. Первой концепцией данной мысли стала минимизация декоров и дизайна сцены. Постепенно спектакли стали сопровождаться весьма скромными декорами, и в связи с доступностью стоимости билетов у аудитории из разных общественных сословий появилась возможность посещения театров. Роллан стал образцом подражания для всех, кто стремился на пути популяризации исполнительских искусств. В эти годы популяризация театра в основном была народным движением, она ни коим образом не считалась государственной тенденцией, следовательно ее нельзя считать культурной политикой того времени.

Это явление в свою очередь не означает полную халатность и невнимательность государства в этой области. Примером этому является полномочие Леона Блюма, предоставленное Шарлю Дюллену, заключавшееся в децентрализации исполнительских искусств, не предусматривающих государственных субсидий. Дюллен, понимая эту необходимость, предложил создать в каждой провинции учреждение, которое будет заниматься вопросами исполнительских искусств. Но государственные деятели и должностные лица к тому времени еще не пришли к выводу и не были готовы к затратам в области театрального искусства, не намеревались определить часть государственных расходов на популяризацию исполнительских искусств.

Послевоенные годы Второй мировой войны: первые меры государства для популяризации театра

В годы Второй мировой войны, в эпоху, славящуюся "режимом Виши", при поддержке государства была учреждена ассоциация "Молодая Франция". Популяризация театра была важнейшей целью и философией появления этой ассоциации. Выдающиеся деятели искусства Андре Клаво и Жан Вилар вместе с другими актерами странствовали по разным городам и селам, для того чтобы освободить театр от аристократии. Эти два деятеля искусства – ударники движения популяризации театра, им отводится важная роль в его развитии. Свои действия Вилар объясняет следующим образом: "Цель заключается в том, чтобы аристократия,

высшее сословие общества, продавцы квартала Сурсен, знатные судьи, рабочие района Путо, почтовики, преподаватели вузов, богатые и неимущие все могли собраться под одной крышей и смотреть один и тот же спектакль.

В итоге государство вступило в эту арену, утвердив в 1945 году закон, тем самым узаконило движение популяризации театра.

После Второй мировой войны и с освобождением Франции в 1946 году, популяризация театра была официально включена в повестку дня правительства, и Жан Лоран был уполномочен популяризировать театр в этой стране. Это было впервые, когда государство четко сформулировало задачу в области исполнительских искусств и прилагало особые усилия в этой области. Лоран, возглавляющий в эти годы сектор музыки и исполнительских искусств, был активным участником этого движения. Для реализации культурной децентрализации, в период своей дипломатической миссии, в лице культурных консультантов им были приглашены ведущие драматурги той эпохи. На протяжении шести лет своей миссии Лорану удалось изменить структуру исполнительских искусств Франции, направив их в новую фазу. Некоторые считают этот период поворотным пунктом в истории французского театра. Политика той поры была сосредоточена на двух основных целях – демократизации и децентрализации культуры. Как пишет Жан Вилар, в эти годы были приложены усилия, чтобы жители городов и сел были свидетелями больших и национальных представлений и люди из разных сословий общества могли познакомиться с театром.

В соответствие с этой децентрализацией в 1946 году в городах Эльзас и Кольмаре были учреждены два народных драматических центра. Спустя год, стартовал театр "Комеди Сент-Этьен" и в 1949 году был построен Национальный драматический театр города Ренн, тремя годами позже основан очередной Национальный драматический театр Экс-ан-Прованс. Жан Вилар, будучи серьезно настроенным на пути к популяризации театра, основал Национальный народный театр (ТНП) в городе Ренн, а также стал основоположником знаменитого Авиньонского фестиваля. Учреждение режиссерской школы в городе Кольмар является очередным важным шагом этого периода на пути к заложению основ децентрализации культурных вопросов.

Как и следовало предвидеть, действия Лорана вызвали гнев директоров столичных театров. Они обвинили его в бесполезной трате средств из национального бюджета, направленные на ненужные инвестирования в провинциях, а также в поддержке непрофессиональных начинающих актеров, тем самым опустив этот возвышенный вид искусства до заурядности. Благодаря стараниям и поддержке Жан Лорана в разных провинциях и областях стали открываться разные творческие концерны и организации, новые группы стали

вступать в эту область искусства. Но парижские институты и организации воспринимали и считали результатом его деятельности появление корыстолюбивых людей в мире театра.

Как отмечает Паскаль, меры, предпринятые в промежутке с 1946 по 1951 гг., несмотря на несоординированность и отсутствие теоретической базы, послужили прочной основой для популяризации исполнительских искусств этой страны. Движущей силой этой политики в средних кругах были театральные ассоциации и учреждения, а в верхних слоях – пирамида Национального народного театра (ТНП) и Национального центра драмы (CDN).

Жан Лоран в лице заместителя генерального директора изобразительных искусств и музыки, проявив ряд мер и инициатив, смог втянуть государственных деятелей в сферу исполнительных искусств, постепенно и плавно распространить среди них новый подход и перспективы в отношении культуры. За время своего полномочия, до 1952 года Лорану удалось изъяснить и возвысить значимость театрального искусства в особенности среди политиков и направить историю театра этой страны в новый этап развития. Эпоху Жан Лорана можно по праву считать поворотным пунктом в истории осуществления культурной политики в области исполнительских искусств. Следует отметить, несмотря на то, что популяризация театра приурочивается Мальро, но автором инициатив и новых подходов в области исполнительского искусства в первые послевоенные годы Второй мировой войны и в эпоху Четвертой республики был никто иной как Жан Лоран, заместитель генерального директора по театральному искусству и музыки.

Как говорилось ранее, государственные деятели по окончании войны и освобождения Франции стали уделять театру особое внимание. Имя Жан Лорана, благодаря его неустанным усилиям, направленным на популяризацию исполнительских искусств, вошло в историю французского театра. Другой важной личностью этой эпохи является Жан Вилар, основатель Авиньонского фестиваля в 1947 году. В 1951 году он был назначен директором Национального народного театра. В промежутке между 1946 по 1952 гг. он смог основать пять Национальных центров драмы в пяти различных местах. Следовательно, можно отметить, что именно в эти годы государство фактически пришло на помощь исполнительским искусствам, и был заложен фундамент культурной политики в театральной сфере.

Однако эта первая золотая пора исполнительских искусств была весьма короткой, и после Виларда и Лорана театр заново был исключен из повестки дня государства. Театральные деятели должны были ждать прихода Андре Мальро и 1959 года, когда учредится министерство, именуемое Министерством культуры. С приходом Мальро политика Лорана возобновилась

новыми подходами и большими возможностями. Эпоха Мальро – начало нового подхода французского правительства в области культуры и искусства, в особенности исполнительского. Основной целью Мальро, которой он изначально следовал, была культурная демократия и популяризация искусства, он стремился внедрить эту политику в разные области культуры. Популяризация искусства являлась стратегией, которой придерживался Мальро, в особенности в области театрального искусства.

Эпоха Андре Мальро: основные шаги на пути культурной демократии и популяризации театра

С учреждением Министерства культуры и назначением Андре Мальро на пост министра культуры, культурная политика в области исполнительских искусств вступила в новую стадию развития. Децентрализация и культурная демократия были основными девизами Мальро. По его мнению, исполнительское искусство обладало особой ролью, и было подходящим инструментом для реализации его целей. Для популяризации искусства им были основаны многочисленные дома культуры. Учредив эти "новые церкви" Мальро смог познакомить провинции и деревни страны с исполнительским искусством. Новоучрежденные дома культуры были соответствующим местом для популяризации различных ветвей искусства и в частности исполнительского, благодаря им искусство стало доступным всем общественным сословиям. Национальные театры, большие юмористические и комедийные представления, наряду с ДК разных городов, направляли и все больше приближали Мальро к его мечте. Мальро в свою очередь помогал крупным театрам провинций и в отличие от прошлого заново возобновил выплату субсидий провинциальным театрам. Эта укоренившаяся по сей день традиция способствовала развитию исполнительского искусства и культурной демократии. Следовательно, можно сказать, что фундамент популяризации театра был заложен в конце XIX века, но процесс культурной политики стартовал в пятидесятые годы. Во времена Андре Мальро это направление считалось одним из бесспорных и совершенных принципов культурной политики и на сегодняшний день весьма ограниченное число государств относятся к нему с сомнением. Популяризация театра внесла также кардинальные изменения и в другие области: учрежденные дома культуры в разных регионах, театральные залы и наличие достаточного оборудования помогли облегчить исполнения театральных артистов за пределами столицы. Таким образом, были сделаны первые шаги исполнительского искусства за пределы столицы и проложен путь культурной демократии.

Но основной вопрос заключался в том, что театр по существу был аристократическим искусством и его язык не имел соответствия с языком нижних общественных слоев. Культурная демократия в этой облас-

ти требовала новых тенденций и взглядов, направленных на ядро и способы исполнения спектаклей. Народное искусство должно было соответствовать языку разных слоев общества. Режиссеры и писатели были вынуждены отдалиться от языка аристократии и ставить спектакли, доступные менталитету и пониманию разных народных масс. У исполнительского искусства появилась новая аудитория, но высокий стиль языка и литературные тексты были чужды для большей части этой аудитории. Поэтому нужно было ставить спектакли и оформлять декорацию, близкую к народной литературе. Мальро всеми силами старался помогать новым и молодым театральным коллективам в создании народных спектаклей. Исходя из этого, движение театральной популяризации пробило окно исполнительскому искусству в разные регионы страны и наконец реализовалась заветная мечта Мальро.

Но вскоре основатель первого министерства культуры Франции стал объектом вражды. Левая интеллигенция приурочивала исполнительское искусство к аристократии и буржуазной культуре, профессиональные театральные деятели в свою очередь, также встретив в штыки подобные применяющиеся меры, считали их причиной потери художественной оригинальности, упрекая новичков, вышедших на сцену в непрофессиональности.

Волны майского движения 1968 года создали шторм, охвативший различные сферы жизни, в том числе культурной и творческой. Недовольные сложившейся ситуацией, студенты подвергли жесткой критике дома культуры и новоучрежденные театры провинций, объявив их средством пропаганды и поощрения "государственной культуры" и "огосударствления культуры". Государственные деятели имели сомнения относительно Мальро и считали, созданные им дома культуры – основой для деятельности диссидентов. В ходе майских неурядиц театр Одеон, расположенный в шестом округе Парижа, был захвачен негодующими студентами. Мальро почувствовал себя совсем одиноким в это время. После захвата Одеона, директора крупных театров, собравшись в Городском театре Виллербана города Вийёрбан, поддержав студентов, обвинили политику Мальро в открытии домов культуры. Мальро, несмотря на его привязанность к домам культуры, не смог осуществить свой план, заключающийся в учреждении в каждом департаменте, а их в стране насчитывалось сто, по одному дому культуры. Он смог открыть ограниченное число ДК. С уходом Мальро некоторые дома культуры были переименованы в дома молодежи и театра и т.п. Некоторые критики осуждали Мальро за чрезмерное внимание театральному оснащению и аппаратным возможностям, что в свою очередь привело к игнорированию инвестиций в постановке значительных спектаклей. Также говорилось, что театральным коллективам, протестующим и возражающим государству, оказывалось намного меньше финансовой поддержки, нежели другим.

Взлеты и падения культурной политики после Андре Мальро

С уходом Мальро наступило время забвения и игнорирования культуры. Для тех, кому при правительстве было сложно смириться с новыми взглядами на культуру, представилась золотая возможность для уничтожения наследия Андре Мальро. Некоторые требовали возвращения министерства культуры на прежнее место в государственной системе. Министерство культуры столкнулось с серьезным кризисом и конфликтом, в результате чего преобразовалось в секретариат при правительстве. Но вскоре после этого культурные вопросы секретариата правительства попали в руки тех, кому подход и взгляды Мальро не были чуждыми. Жак Дюамель вновь стал следовать и интересоваться политикой Мальро, основывающейся на популяризации культуры. В эпоху Жака Дюамеля возобновилась традиция децентрализации культуры и фонд по поддержке постановки частных представлений, созданный Андре Мальро, заново приступил к своей деятельности. Дюамель, поддерживая молодые и малоизвестные театральные коллективы, помогал маленьким и слабопродвинутому и необорудованным драматическим центрам. Во времена правления Валери Жискар д'Эстена, с учетом склонности к свободной экономике президента, в культурной политике также стали наблюдаться кардинальные изменения. Митчелл Гей – государственный секретарь по культурным вопросам – продолжил сотрудничество по децентрализации исполнительских искусств с регионами, ему также приурочивается основание осеннего Парижского театрального фестиваля. В этот период укрепился базис домов культуры и национальных драматических центров. 1972 году, наряду с домами культуры, начали действовать новые центры культурной деятельности (САС), предназначенные для популяризации культуры. Митчелл Гей относится к числу редко упоминающихся культурных деятелей. Дорди Кертин, автор книги "Митчелл Гей", пишет о нем как о малоизвестной личности, восхваляя его культурные услуги.

Жак Ланг – второй Мальро: безвозвратный путь культурной демократии

После Мальро процесс популяризации театра отошел на второй план и был приостановлен на некоторое время. Но немного спустя, в 1981 году, с приходом к власти политических оппонентов Андре Мальро удача вновь улыбнулась культуре и искусству. С приходом социалистов и назначением Жака Ланга министром культуры культурная политика Франции вступила в новую эпоху. Хотя политические взгляды Жака Ланга в корне отличались от Мальро, в области культуры он брал вдохновение и утолял жажду именно из источника Мальро. В мире культуры он проявил себя вторым Мальро, продолжив его идеи в таких же темпах, но с более изысканными и изощренными мыслями. Ланг, как и Мальро, верил в культурную де-

мократию и популяризацию искусства. По его мнению, одними из важных средств популяризации искусства являются музыка, танцы и театр. Ланг, с основанием национальных театральных центров в различных провинциях, с одной стороны, открыл путь народным артистам в разные регионы страны, с другой, – осуществляя контроль из столицы над этими центрами, препятствовал снижению уровня искусства.

Ланг, которого по праву можно назвать очередным Мальро, установив в разных провинциях центры культурного развития, смог создать новое пространство для исполнения культурных программ страны. Написав докторскую диссертацию о государстве и исполнительских искусствах в 1963 году, он заложил фундамент театрального фестиваля в Нанси. С его приходом на пост министра культуры культурная политика Франции вступила в новый этап развития, и исполнительское искусство нашло в его лице мощного покровителя.

Как приводилось ранее, первые шаги на пути к децентрализации в области исполнительских искусств были сделаны с учреждения различных драматических центров и национальных театров в разных провинциях страны. Подобный подход смог положительным образом оправдать себя и разные регионы Франции стали обладателями национальных театральных центров. Другой особенностью этого процесса во Франции является его государственный характер. Все эти меры были инициированы со стороны центрального правительства и профинансированы министерством культуры. Руководством этих центров занималось министерство культуры, расходы на эксплуатацию, техническое обслуживание и обучение велись с Парижа, регионы в свою очередь не решались и не проявляли желания руководить этими центрами, это исходило из того, что театр считался народным искусством, и было опасение, что без центрального управления его значимость начнет ослабевать.

Но с 1983 года, с утверждением закона о Деффере и основанием Управления по культурным вопросам регионов (ДРАК), в культурном менеджменте стали наблюдаться некоторые изменения. В каждом регионе стали постепенно открываться филиалы этого управления. Они были представительствами министерства культуры во всех регионах и обладали широкими полномочиями в культурных и творческих вопросах. После преступления к своим обязанностям, в особенности, когда этим управлениям было дозволено обращаться в разных областях к услугам и консультациям экспертов, им было передано заведование центрами исполнительских искусств. Таким образом, хотя мотивация управления по культурным вопросам регионов (ДРАК) заключалась в децентрализации культурных задач и предоставлении больших полномочий провинциям, однако деятельность его представительств показала обратное, что в свою оче-

редь способствовало деконцентрации в области исполнительских искусств. Все это исходило из того, что руководители назначались из центрального управления, и не было надобности в избрании руководства из самих провинций. Преемники Жак Ланга также следовали этой традиции.

Текущее состояние и современный статус исполнительских искусств: национальные и местные театры

В последние полвека культурная политика в области театрального искусства сталкивалась с различными взлетами и падениями. За все это время, разные государства непрерывно учитывали культурную демократию и считали децентрализацию наиболее важным принципом своей политики. Одним из результатов реализации этой стратегии является популяризация театра в разных провинциях. Учреждение крупных национальных театров за пределами столицы, патронаж и поддержка многочисленных больших и малых театральных коллективов по всей Франции являются исходом и плодом этого подхода. Благодаря данной политике и расходам со стороны государства исполнительское искусство в этой стране обладает высоким статусом. Сегодня во Франции действуют 5 национальных театров, 44 национальных центра драмы, 1500 театральных коллективов, 600 из которых спонсируются государством, 70 национальных сцен и приблизительно 1500 театральных ассоциаций. Театр является частью жизни для всех этих центров, распространенных по всей стране, он динамично и активно устремлен вперед и всем этим центрам своеобразным образом оказывается государственная поддержка. С 1998 года в результате слияния разных ведомств, при Министерстве культуры Франции основалась новая администрация под названием Управление музыки, танца, театра и спектаклей (DMDTS). Это управление на основе заданных параметров несет ответственность за распределение государственных средств среди разных творческих коллективов. На основе закона от 21 сентября 1998 года оно несет ответственность за создание благоприятных условий для производства и постановки представлений и программ, обучение и в особенности популяризации вышеупомянутых искусств.

Учитывая важность этих центров, а также различные формы государственной поддержки и патронажа, кратко укажем на некоторых из них.

Национальные театры: роскошные залы и сцены – место постановок великолепных и классических спектаклей

Во Франции действуют пять национальных театров, долгие годы, спонсирующиеся и финансирующиеся государством. Национальные театры – роскошные и изысканные дворцы, ответственность за управление которых несет Совет при Министерстве культуры. Постепенно с надеждой на более активное участие в бла-

гоустройстве и развитии театров, полномочия Совета стали увеличиваться. Каждый из пяти театров имеет особую историю.

Комеди Франсез, основанный в 1960 году, является старейшим театром Франции. Директор театра избирается министерством культуры сроком на пять лет, по окончании этого срока его миссия может быть продлена еще на три года. Комеди Франсез подобно ряду других театров Франции подчиняется закону (EPIC), утвержденному в 1995 году. На основе этого закона государство обязуется финансировать все расходы театра. Приблизительно сорок культурных институтов ведут с этим театром тесное сотрудничество. В 2007 году театр воспользовался государственной помощью в размере 24,7 миллион евро, приблизительно на один миллион больше в сравнение с 2006 годом. Комеди Франсез, в отличие от других театров, оказывается наибольшая поддержка со стороны государства, вторым по счету лидирует Национальный театр Шайо с финансированием в размере 12,8 миллион евро и последнее место отводится театру Коллин с 8,9 миллион евро. В общей сложности пять национальных театров получают от правительства субсидии в размере 67,4 миллион евро. Одеон – другой Национальный театр Франции, расположен в шестом округе Парижа, в одном из старинных районов столицы, в котором проживает интеллигенция. Театр был построен в 1780 году, несколько раз менялось его название, но с начала его основания до 1990 года он славился центром, подчиняющимся Комеди Франсез. В отношениях двух театров было много взлетов и падений, в результате чего с 1995 года Одеон получил звание "театра Европы" и стал местом по-

казов классических и современных европейских спектаклей. Национальный народный театр (ТНП), учрежденный в 1920 году, входит в пятерку национальных французских театров. Первоначально он не финансировался государством, но с 1951 года правительство начало оказывать ему свою поддержку. Театр Коллин также входит в число национальных театров. Он был основан в 1988 году, в нем исполняются современные и спектакли двадцатого века. С 2002 года к репертуарам театра прибавились танцы. Последнее место в списке национальных театров Франции отводится Национальному театру Страсбурга, статус которого был

присвоен ему в 1968 году. Национальный театр Страсбурга – единственный национальный театр, расположенный за пределами Парижа и являющийся символом децентрализации исполнительных искусств.

Как и говорилось ранее, все вышеперечисленные театры находятся под патронажем государства и все их расходы оплачиваются Министерством культуры и коммуникации Франции.

Отчеты о деятельности этих театров свидетельствуют об их возрастающем успехе. В 2006-2007 гг. на сценах пяти национальных театров в общей сложности были поставлены 1472 спектакля со зрителями численностью в 685877 человек. По численности спектаклей и количеству зрителей среди театров лидирует Комеди Франсез: 370 спектаклей и более 26 тысяч зрителей. Последнее место в списке занимает Национальный театр Страсбурга: 170 спектаклей 57357 зрителей.

Нижеследующие таблицы деятельности национальных театров свидетельствуют об интересе зрителей.

Деятельность Национальных театров в 2007 г.

2005-2006	Число посетителей				2006-2007	Число посетителей			
	Число спектаклей	Общее количество	С билетом	Бесплатно		Число спектаклей	Общая численность	С билетом	Бесплатно
В целом	1438	618037	535571	82466	В целом	1472	685877	591511	94366
Комеди Франсез	379	246277	234119	12158	Комеди Франсез	370	261468	246404	15064
Национальный театр Шайо	372	146443	116489	29954	Национальный театр Шайо	354	142995	118130	24865
Национальный театр Коллин	286	89428	66662	22766	Коллин	304	93102	63315	29787
Национальный театр Одеон	207	80163	69976	10187	Одеон	274	130955	113195	17760
Национальный театр Страсбурга	194	55726	48325	7401	Национальный театр Страсбурга	170	57357	50467	6890

Постоянный персонал и кадры национальных театров

2004	Общая численность	Отдел искусств	Технический отдел	Административно-управленческий отдел	Отдел образования
Общее число	861	87	437	322	14
Театр Комеди Франсез	398	69	205	124	-
Национальный театр Шайо	137	-	76	59	2
Национальный театр Коллин	100	4	40	56	-
Национальный театр Одеон	120	7	65	48	-
Национальный театр Страсбурга	106	7	52	35	12

Субсидии Министерства культуры, выделенные национальным театрам (в миллионах евро)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Общее число	57/4	57/9	60/1	61/4	62/6	64/2	67/4
Театр Комеди Франсез	21/3	21/7	22/5	22/9	23/4	23/4	24/7
Национальный театр Шайо	11/3	11/6	11/9	12/0	12/28	12/1	12/8
Национальный театр Коллин	7/3	7/4	7/8	8/0	8/2	8/6	8/9
Национальный театр Одеон	9/2	8/9	9/3	9/7	9/9	11/0	11/7
Национальный театр Страсбурга	8/2	8/3	8/6	8/8	8/9	9/1	9/3

Национальные драматические центры и живые спектакли: символ децентрализации культурных программ

Учреждение драматических центров – один из способов реализации политики по децентрализации театра. Тридцать драматических центров из сорока четырех являются национальными драматическими центрами, десять – региональными и четыре – детско-юношескими. Строительство этих центров стартовало после Второй мировой войны. Руководство национальных драматических и детско-юношеских центров избиралось министерством культуры, что касается руководства региональных театров, то оно назначалось региональными органами власти. В целом две трети бюджета этих центров обеспечивалось государством. На основе заключенных договоров о децентрализации, подписанных между государством и центрами, центры были обязаны содействовать в пропаганде современных спектаклей.

В 2006 году на сценах национальных и местных театров было поставлено 7850 спектаклей с публикой численностью в два миллиона человек. Национальные и местные органы власти финансировали расходы драматических центров. В этом году центральное правительство взяло на себя 57,6% расходов этих театров, остальная часть расходов в разных сферах была оплачена местными органами. Вслед за центральной властью, города занимают второе место в списке по уплате вноса в культурные проекты, это в свою очередь свидетельствует о чуткости и внимании муниципалитетов к культурным вопросам. На основе статистики 2006 года 27,1 % финансирования расходов в культурные проекты осуществлялись за счет муниципалитетов, вклад департаментов и регионов в этой области в целом составил 15,3%.

Помимо национальных центров драмы, которым оказывается государственная поддержка, также на разных уровнях действует большое число независимых драматических центров, значительная часть ко-

торых финансируется государством. В нижеследующей таблице приведена статистика государственной помощи, оказанная независимым центрам на протяжении разных лет.

Очередным свидетельством популяризации исполнительных искусств в этой стране является возрастающий успех театра. В настоящее время во Франции действует около 1500 театральных центров, ежегодное число посещаемости которых достигает приблизительно 25 миллионов зрителей. В этих центрах работают более 300 творческих коллективов в общей сложности 90000 человек. Приведенные статистики и цифры отражают растущий интерес общества к исполнительскому искусству. Эти театральные центры, расположенные в разных городах, превратились в места, где кипит культурная жизнь людей. По мнению культурных руководителей, залог успеха и прогресса этих центров заключается во всесторонней поддержке и патронаже государства. Примером этому служат субсидии в размере 741,55 миллион евро, выделенные государством в 2004 году этим центрам. Увеличение субсидий в этом году в сравнение с прошлым на 3,33%, свидетельствует о поддержке государства этого народного искусства. (Кардона и Лакроикс, 2008:126)

Государственные субсидии (Министерства культуры и информации) национальным драматическим центрам (в миллионах евро)

Год	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Общая численность	44/3	45/7	46/6	48/1	47/1	48/2	49/9
Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Общая численность	52/2	53/4	54/4	55/4	56/2	55/4	57/0

Государственное финансирование независимых театров

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Предоставленные субсидии	619	582	599	643	592	632	643	633	625
Субсидии на производство	232	254	321	369	327	350	344	333	316
Годовые субсидии	220	111	28	9	1	-	-	-	-
Контрактники	167	217	250	265	264	282	299	300	309
(в миллионах евро)	17.8	19.2	21.2	21.2	22.4	24.1	26.9	28.1	28.9

Многофункциональные залы, фестивали, уличные театры и представления: популяризация исполнительского искусства – реализовавшаяся мечта

Дома культуры, основанные Андре Мальро, и центры по развитию культуры, созданные в период, когда Министерство культуры возглавлял Жак Ланг, действующие в качестве многофункциональных залов с особым статусом, находятся под патронажем и финанси-

рованием государства. Во Франции насчитывается приблизительно семьдесят таких залов – символов популяризации культуры и культурной демократии. Они ведут активную и непрестанную работу, следуя европейским принципам. Известные активные культурные ассоциации несут за них ответственность, выбор руководства залов осуществляется административным советом ассоциаций, что в свою очередь способствует большей популяризации этих центров. Для Министерства культуры и коммуникации также предусмотрен взнос, покрывающий расходы этих центров, но основное финансирование осуществляется местными властями. Центры имеют двойное назначение, с одной стороны, они способствуют развитию таланта молодых театральных трупп, с другой – являются наиболее доступным местом для просмотра спектакля людьми из нижних слоев общества.

Деятельность национальных центров

2004/2005	Количество
Платные спектакли	3010
Количество Исполнения	7555
Общее число зрителей	2041638
Платный вход	1830703
Бесплатный вход	351395
Бесплатные представления	229104
Количество	295
Спектакли	770
Посещаемость	287047
Центры и театры	69

Исходя из сказанного, многофункциональные залы способствовали сближению людей с исполнительским искусством. Однако не следует забывать о фестивалях и уличных спектаклях, сыгравших особую роль в ознакомлении широких общественных масс с исполнительским искусством. С конца семидесятых годов в повестку дня государства был внесен проект о поддержке и патронаже цирков, способствующий прогрессу и развитию этого вида искусства в обществе. Наряду с усилиями министерства культуры, направленными на пропаганду и распространение культуры и культурной демократии, был разработан новый подход по поддержке уличных представлений. Патронаж и поддержка подобных представлений начали действовать с 1990 года. Благодаря особенностям уличных представлений, т.е. невысокой стоимости просмотра и отсутствию потребности в сложном комплексном оборудовании, этот вид искусства в разных уголках страны, в особенности в селах и деревнях, смог привлечь к себе большое число зрителей. Жак Ланг, будучи основоположником различных музыкальных и театральных фестивалей в разных городах Франции, уделял особое внимание исполнительским искусствам. Франция славится страной фестивалей. Разные города ведут тесную конкуренцию в проведении различных фестивалей. С каждым днем возрастает количество фестивалей исполнительских искусств, каждый из которых облада-

ет большим стажем и относится к числу первых местных фестивалей. К 1940 году во Франции было основано более 200 фестивалей исполнительских искусств, количество которых в послевоенные годы стало возрастать с каждым днем.

Кемпер – один из крупных и известных городов Франции. Редко встречаются большие и знаменитые города, не зарегистрировавшие ни одного фестиваля на свое имя. Превалирующее число фестивалей проводятся летом, в честь этого события в летний сезон большинство великолепных дворцов открывают свои двери гостям и публике фестиваля. Но со времен Жак Ланга число театральных фестивалей стало возрастать. Город Монпелье, расположенный на юге Франции, стал центром творческой весны, город Шарлевиль-Мезьер, блистает своим кукольным фестивалем, Авиньон же прославлен ежегодным театральным фестивалем. Авиньонский театральный фестиваль, основанный в 1947 году, очень быстро приобрел мировую славу, в результате чего разные улицы и переулки маленького и исторического города, в особенности окрестности Папского дворца, ежегодно становятся свидетелями творчества и мастерства артистов, приехавших сюда из разных стран. Бонель и Шудвер – авторы книги "Роль и значимость праздников в общественной жизни" считают, что праздни-

ки и фестивали способствуют национальной солидарности и сплоченности между разными слоями общества.

Старинный город Версаль, подобно многим другим провинциям, ежегодно открывает двери Версальского дворца для любителей и почитателей исполнительского искусства. Неправительственные ассоциации принимают активное участие в проведении этих фестивалей, и существует немало таких фестивалей, чьи дела и вопросы курируются культурными и творческими ассоциациями и финансируются муниципалитетами.

Создающиеся фестивали обычно становились постоянными, к эпохе Жан Дарка приурочивается основание наибольшего числа фестивалей. Митчелл Гей, возглавляя пост государственного секретаря по культурным вопросам, основал Осенний парижский театральный фестиваль. Стартовавший в 1975 году и имеющий большое число поклонников, он проводится и сегодня. (Дарди – Кертин, 2007) Фестиваль в Бордо а также лионский фестиваль "Фурвьерские ночи" относятся к числу других популярных театральных фестивалей. Другие крупные города Франции также стремятся с основанием театральных фестивалей приобрести для своего города авторитет. Негрие и Жевердуа в книге под названием "Франция страна фестивалей" с разных аспектов рассмотрели значимость проведения этих фестивалей.

**Субсидии Министерства культуры и информации
для заказа производства**

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Количество	22	15	-	25	10	14
Сумма в размере тысячи евро	134	92	-	157	63	88

**Поддержка в написании текста и поощрения
к производству**

Содействие в написании текста/сценария, и поощрение к производству	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Кол-во канцелярских дел	500	592	553	535	526	507
Оказанная помощь	76	88	89	79	89	109
Сумма в тысячи евро	918	902	778	711	699	751

Выводы

Театр во Франции был искусством привилегированного класса. Знать была единственным заказчиком и коллекционером произведений искусства. Еще в до-революционной Франции внимание царей было сосредоточено на нем, и они по достоинству оценили этот вид искусства. Исходя из этого он был недоступен обычным людям. Сложные аристократические тексты, пышный декор и высокая стоимость билетов были препятствием для его посещения неимущих слоев общества. После Французской революции театральное искусство в какой-то степени было запущено государством. Республиканцы считали его поприщем для сборов и встреч аристократии, поэтому относились к нему с подозрением. Но с появлением великих и свободолюбивых драматургов театральные залы постепенно превратились в арену высказываний вольнолюбивой интеллигенции. В результате этого исполнительское искусство в очередной раз смогло привлечь внимание государственных деятелей, но уже с другой целью – проверки и цензуры. С победой левой партии и с приходом к власти народной партии во второй половине 1930 года социалисты и левые пришли к выводу, что в развитии и реализации народных и левых принципов и идей им следует обратиться к искусству, в особенности исполнительскому. В эти годы благодаря инициативе руководств в сфере культуры стали действовать передвижные театры со скромным декором, показывающие спектакли в разных географичес-

ких пунктах и маленьких залах. Это событие стало первым важным шагом на пути популяризации исполнительского искусства во Франции.

В 1951 году с учреждением Министерства культуры Франции посредством Андре Мальро, культура заняла важную и стабильную позицию в государстве. Мальро, направив свои усилия на популяризацию культуры, основал во Франции дома культуры, прославленные "современными церквями" и ставшие поприщем для деятелей и почитателей искусства. Под популяризацией театра Мальро понимал устранение расстояния между возвышенным, классическим и оригинальным искусством и народом. Исходя

из этого, он уделял мало интереса современным искусствам и обыкновенным постановкам и считал, что следует помогать людям в постижении и посещении прекрасных и классических спектаклей. В 1981 году Жак Ланг, став приемником Мальро, смог в очередной раз довести министерство культуры до пика его силы. Жан Ланг занимающий с политической точки зрения иную позицию, будучи социалистом, в отличие от Мальро, он по иному интерпретировал культурную демократию. Под популяризацией искусства он понимал предоставление возможности проявить себя новым, современным и простым искусствам. Именно в период его руководства стали развиваться современные виды искусства. Что касается исполнительских искусств, то он был убежден, что следует начинать с маленьких, но в то же время современных работ и в особенности уделять особое внимание уличным театрам. Уличные театральные представления получили развитие в период руководства Ланга, став символом выхода в свет и популяризации этого искусства.

Наследие Ланга и Мальро стали развиваться бок о бок. Наряду с великолепными залами и большими представлениями стали быстрыми темпами прогрессировать маленькие залы и уличные представления. Различные государства пришли к выводу, что процветание искусства немислимо без государственной помощи. Разным залам и театральным коллективам оказывается всесторонняя государственная поддержка.

Научный рецензируемый цитируемый журнал «KANT» (ISSN 2222-243X) – политематическое общероссийское издание на русском языке – принимает к публикации ранее не издававшиеся (в том числе в электронном виде) статьи по различным областям экономической и социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания. Журнал выходит с периодичностью четыре раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям науки: 08.00.00 Экономические науки; 13.00.00 Педагогические науки.

Журнал зарегистрирован РОСКОНАДЗОРом (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46325 от 26 августа 2011 года) и включен в РИНЦ, полнотекстовые материалы статей отправляются в НАУЧНУЮ ЭЛЕКТРОННУЮ БИБЛИОТЕКУ после выхода печатной версии издания и появляются в открытом доступе в режиме эмбарго (через два года). В конце журнала авторам предлагается ознакомиться с условиями публикации и оформления статей.

**С изданием и условиями публикации статей можно познакомиться на сайте stavrolit.ru или обратившись по электронному адресу: info@stavrolit.ru
Будем рады сотрудничеству!**

Главный редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**
Корректурa **К.Д. Ковтун**

Сдано в набор 25.03.2016. Подписано в печать 12.04.2016. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Calibri. Уч.-изд. л. 9,65. Печ. л. 14,82 Тираж 100 экз. Заказ №299.

Издательство «Ставролит», тел.: **8(962) 452-84-02**,
e-mail: info@stavrolit.ru, сайт: stavrolit.ru